

АРХЕОЛОГИЯ РУССКОЙ СМЕРТИ

Археология русской смерти № 2 2017 (Том 5).
Тема номера: Кремация
Первый российский научный журнал о смерти и умирании.
Издается с 2015 года, выходит два раза в год.
ISSN 2414-9365

Главный редактор *Сергей Мохов*
Арт-директор, верстка и дизайн *Алёна Салманова*
Научный редактор *Иван Куликов*
Корректор *Елизавета Смирнова*
Секретарь редакции *Ольга Восканян*

Главная обложка *Никита Поздняков*
Комикс *Катя Михеева*
Обложки статей *Дарья Рядченко*

Редакционная коллегия:
Sergei Kan (PhD, Professor of Anthropology and Native American Studies,
Dartmouth College)
Михаил Алексеевский (к. ф. н., руководитель Центра городской антропологии
КБ Стрелка, Москва)
Анна Соколова (к. и. н., Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва)
Денис Ермолин (к. и. н., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера)
им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург)

E-mail редакции: svmohov.hse@gmail.com, editors.ars@gmail.com
Электронная версия журнала: deathanddying.ru
Публикуемые материалы проходят обязательную процедуру
слепого рецензирования.

Издатель ARS Press
Отпечатано в ООО «Информ Принт».
Москва. 2017.
Тираж 750 экз.

Журнал входит в базы цитирования РИНЦ и CyberLeninka.

Публикуется под лицензией Creative Commons.
Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник.

Содержание

- 5 От редакции

Интервью

- 6 «Дать отрицанию смерти обратный ход...». Археолог американской современности Шэннон Ли Доуди (университет Чикаго) размышляет о новых способах обращения с мертвыми телами. Беседу вел Григорий Горбун.

Кремация

- 24 «Гроб неизбежен...». Гвидо Бартель о кремации: инженер и гигиенист. С комментариями Анны Соколовой.
- 60 Дмитрий Рогозин. «Эти вопросы мне не нравятся...»: высказывания русскоязычной интернет-аудитории о кремации.
- 76 Анна Маляр. Машина де-организации. Кремация в экспертном дискурсе.
- 98 Александра Селиванова. От романтики к функции. Архитектура для «огненных похорон»: конкурс на первый московский крематорий.
- 114 Павел Грабалов. Современные кладбища Северной Европы: обзор основных исследований.
- 124 Виктор Вилисов. Прах и мимесис. Театральные заметки на полях смерти.

Переводы

- 136 Леони Келлахер, Дэвид Пендергаст, Дженни Хоки. В тени кладбищенской могилы. Пер. Анны Козыревской под ред. Ивана Куликова.

- 164 Дэвид Пендергаст, Дженни Хаки, Леони Келлахер.
В дуновении ли ветра? Идентичность, материальность
и судьбы человеческого праха. Пер. Колошенко Юлии
и Перегудова Дмитрия под ред. Ивана Куликова.
- 196 Брайан Парсонс. Кремация на новый лад: развитие кремации
и ее влияние на музыкальную составляющую похоронной
обрядности Англии 1874–2010 годов. Пер. Даниила Поспелова.

Книжные обзоры

- 224 Питер Джапп. От пыли до праха. Кремация и британский
образ смерти. Обзор Анна Мезенцева.

Комикс «Один день из жизни Первого Московского крематория»
(по мотивам Маллори Д. Огненные похороны//Огонек. 1927. № 50
11 декабря). Илл. Катя Михеева (Ekaterina Mikhееva),
сценарий составлен Анной Соколовой.

От редакции

Вы держите в руках пятый номер «Археологии русской смерти». Для нас, редакции, авторов и наших спонсоров, он очень важен. Решив ровно два с половиной года назад выпускать бумажный академический журнал о смерти и умирании мы чувствовали себя авантюристами. Но время летит, и мы выпускаем уже пятый номер APC. Для академического частного журнала, выходящего без поддержки государства, благотворительных фондов и научных институтов, такой рубеж можно считать полноценным юбилеем. Спасибо всем, кто с нами!

На наш взгляд, это лучший номер APC – с точки зрения дизайна, полиграфии, но в первую очередь – с точки зрения его концепции, ведь каждый выпуск APC посвящен определенной теме. Неожиданно все элементы выпуска, которые сперва казались нам очень разношерстными, собрались в единый паззл, заняв каждый свое место, дополнив друг друга и не выпав из общей композиции. Темой номера стала кремация.

Почему вдруг кремация? По мнению Национальной ассоциации похоронных директоров Северной Америки, кремация является однозначным трендом похоронной индустрии. В Европе, США, Канаде, Австралии кремация рассматривается не просто как один из альтернативных вариантов погребению в землю, но как преобладающая практика.

В 2017 году в США кремацию выбрали больше 50 % обратившихся в похоронные дома клиенты. За 10 лет, начиная с 2006 года, процент кремируемых в США вырос в 1,5 раза – с 32 % до 51 %. В то же время в большинстве стран Европы доля кремаций уже давно превышает 50 %. Например, в Великобритании она составляет 75 %, в скандинавских странах примерно столько же, в Голландии – 60 %, почти 90 % – в Швейцарии, около 60–70 % – в Австралии и Новой Зеландии.

Конечно, не во всех странах Европы доля кремаций так велика. Например, во Франции кремация только входит в моду, и ее доля не превышает 25 %. В Италии, Испании и Португалии кремацию выбирают не более 10 % клиентов (International Cremation Statistics 2014). Однако по самым скромным оценкам международного бюро в 2030 году большинство умерших людей по всему миру будет кремировано. В западных странах этот показатель

дойдет до 75 % (NFDA 2016). XXI век будет веком когда человечество вновь вернется к кремации.

Победа кремации неизбежно ведет к важнейшим изменениям в похоронной индустрии и погребальных практиках. Первое изменение – это удешевление самих похорон. По оценкам все той же Национальной ассоциации, средняя стоимость кремации в США ровно в два раза ниже стоимости захоронения в землю. Если средняя стоимость американских похорон в землю составляет около 8–12 тысяч долларов, то при кремации это только 4–6 тысяч долларов. В Великобритании это разница между 3000 фунтов для похорон в землю и около 1600 фунтов для кремации.

Снижение цены происходит прежде всего потому, что кремация не нуждается в дорогом гробе и бальзамации. Кремация не нуждается и в отдельной глубокой могиле, а зачастую и вообще в месте на кладбище. Это приводит к тому, что похоронная индустрия уже переориентируется на новые запросы – в том числе в погоне за упускаемой выгодой. Уже сейчас потребители отказываются от катафального транспорта, вместо кладбищ открываются колумбарии, вместо дорогих гробов начинают изготавливаться простые гробы для самой процедуры кремации и так далее. Это серьезно меняет похоронный рынок.

Вторым следствием развития кремации является возрастающая вариативность того, что можно сделать с прахом человека. Если мертвое тело человека в большинстве случаев можно только похоронить в землю на кладбище, то прах позволяет родственникам более гибко подходить к месту его размещения. Например, его можно просто развеять, как это сделали Чувак и Уолтер из культового фильма «Большой Лебовски», его можно захоронить на коралловом рифе, его можно превратить в алмаз и даже в кухонную утварь. В английском языке даже появилось специальное слово, обозначающее прах человека – *cremains*. В нем обыгрываются два слова – собственно *cremation* (кремация) и *remains* (останки).

Третье следствие – это, конечно, постепенное исчезновение кладбищ как мест захоронения человека, а значит и исчезновение практики паломничества на могилы для общения с мертвыми. Вместе с кремацией, а значит и довольно вариативными практиками обращения с прахом, появляются и новые формы мемориализации и поминовения. В том числе, с помощью интернета и новых технологий, не привязанных к физическому пространству. Есть

все основания полагать, что мы находимся в начале перерождения европейской культуры смерти.

Таким образом, кремация оказывается не просто очередной альтернативной практикой обращения с мертвым телом, но действительно принципиально новым механизмом общения между живыми и мертвыми. Кремация структурно меняет наше отношение к смерти, умиранию, человеческому телу.

Поразмышлять об этом, покопаться в «археологии вопроса», мы и решили в новом номере. Для этого мы собрали 11 текстов плюс один замечательный комикс. Надеемся, они подарят вам больше вопросов, чем ответов.

*Редакция «Археологии русской смерти»
Январь 2018 г.*

Археолог американской
современности Шэннон Ли Доуди
(университет Чикаго) размышляет
о новых способах обращения
с мертвыми телами

Беседу вел Григорий Горбун
Перевод Ивана Куликова

Дать отрицанию смерти обратный ход...

Вы заканчиваете работу над документальным фильмом о кремации «Моя звезда, мой прах» и одновременно работаете над исследованием, посвященным американским практикам смерти и кремации. Почему вы, как антрополог, обратились к этой новой для вас теме?

Да, фильм¹, надеюсь, будет закончен следующим летом. Он, так мы решили, будет посвящен исключительно кремации, тому, как люди обращаются с кремированными останками. Книга, над которой я начала серьезно работать прошлой весной, хотя сейчас из-за нехватки времени пишу урывками, затрагивает более широкий круг вопросов – как вообще изменяется в современной Америке культура смерти и практики, связанные с ней. Речь идет не только о кремации, но также о эко-похоронах (green burials), «домашних похоронах» (at home funerals) – традиции, которая активно возвращается, и тому подобном. Что касается второй части вопроса, почему я обратилась к теме смерти, думаю, что речь в моем случае идет о трех мотивирующих факторах. Первый, очень личный, я потеряла четырех близких мне людей за пять лет, между 2008-м и 2013-м годом, пережив многое сама, но и наблюдая, как переживали смерть другие, какие ритуалы они использовали – традиционные и новые, как они обращались с останками, а во всех четырех случаях тела были кремированы. Второй связан с моим интересом, который начался еще в докторантуре, к материальным проявлениям культуры. Меня нельзя назвать ни типичным американским антропологом, ни историком, я работаю на пересечении археологии и антропологии, постоянно перехожу от этнографии к истории и обратно. При этом, идет ли речь об историческом контексте или этнографическом, главным, опорным предметом моих научных интересов всегда была сфера материального (materiality) – конкретный ландшафт и самые банальные вещи, например еда.

Какую роль играет здесь археология, дисциплина со специфичным набором методов?

Собственно археология <как научная дисциплина> важна здесь

1 “My star, my dust”, 2017, реж. Дэниэл Зокс, Шэннон Ли Доуди (International Documentary Association). (Здесь и далее прим. перев.)

как методика исследования, не более: нельзя пойти в архив или заняться, например, раскопками, не зная, что именно ты будешь делать, это плохая идея. С этнографией, пожалуй, все немного проще, но даже здесь, если хочешь сделать хорошую работу, без предварительного обучения <методике> не обойтись. Задача, которую я как антрополог решаю в рамках своего интереса к сфере материального, состоит в том, как именно, если центром исследования становятся взаимосвязи человека и объекта, можно актуализировать археологический интерес к вещественному на современном материале. В данном случае я примыкаю к такому научному направлению как археология современности (archaeology of the contemporary)², представленному небольшой группой антропологов, большинство которых работает в Великобритании, хотя несколько практикующих последователей этого направления есть в США. Ее следует отличать от этноархеологии, появившейся чуть ранее, которая пытается интерпретировать данные археологии этнографическими методами: скажем, вы специально сжигаете постройку, чтобы выяснить, какие вообще следы может оставить после себя сожженный дом, даже если он, предположим, сгорел в эпоху железного века, как-то так. Однако, и это принципиальное отличие, археология современности не имеет экспериментального измерения, ее интерес направлен на невербальные практики и на то, как люди сами описывают, или описывали, опыт своего обращения с материальными объектами.

Археология как-то мало ассоциируется с антропологией современных обществ.

В случае традиционной, исторической археологии исследовательскую мотивацию определяет тот факт, что лучший, а подчас и единственный источник информации об обществах далекого прошлого связан с погребальной практикой: каким образом люди обращались с мертвыми телами, какое использовалось погребальное имуще-

2 Contemporary archaeology — более частое обозначение, используемое для этой группы, ядро которой составляют все-таки историки, не антропологи. Исследователи, связанные с этим междисциплинарным научным направлением, группируются вокруг ежегодной конференции CHAT — Contemporary and Historical Archaeology in Theory (<http://chat-arch.org/>). CHAT — активное научное сообщество, имеющее своих представителей во многих европейских университетах.

ство, как выглядели могилы и надгробия и т. д. За изучением погребальных обрядов с целью получить информацию о верованиях, идеологии, социальных структурах и экономике прошлого стоит очень солидная традиция. И я задалась вопросом, а что, если применить аналогичный подход для изучения современного общества? Насколько мне известно, никто еще не пытался это сделать — выяснить, как современное общество трактует смерть, через комплексное изучение материальных артефактов, связанных со смертью. Есть много замечательных исследований на тему смерти, но ни одно из них не сфокусировано на материальной составляющей.

Время обозначить третью причину вашего интереса к этой теме.

В моей последней книге «Патина»³, изданной пару лет назад, я пытаюсь понять, почему люди так обожают старые предметы, и сочетаю разножанровые данные археологии, этнографии и исторического исследования, полученные мной в Новом Орлеане, основном исследовательском поле для меня. Так вот, спрашивая людей, почему они хотят сохранить именно старые дома, в чем особенность этих зданий и почему они так важны для локального сообщества (что было особенно актуально после урагана Катрина, когда встал вопрос о сносе старых поврежденных домов), я, к своему удивлению, стала получать огромное число ответов с рассказами о привидениях. Современное американское общество буквально населено привидениями и рассказами о жизни после смерти: с одной стороны оно становится все более секулярным, с другой — в привидения верят 60 % американцев. То есть большинство американского населения верит в привидения также, как в Иисуса Христа! Эти секулярные или, как минимум, агностические концепции «жизни после смерти» не очень хорошо артикулированы, невероятно интересны и они мутируют очень быстро. Материальные практики, связанные со смертью, тоже стремительно меняются, а система представлений о смерти меняется вместе с ними.

Какое место в означенном вами подходе к изучению темы смерти занимает работа над фильмом?

³ Dawdy, Sannon Lee. *Patina: A Profane Archaeology*. University of Chicago Press, 2016.

Идея сделать фильм возникла спонтанно. Я хотела реализовать научный проект в жанре археологии современности, или, что почти одно и то же, этнографии материальности (ethnography of materiality), посвященный практикам обращения со смертью, и преподавала в Мехико, где случайно познакомилась с режиссером из Чикаго⁴, с которым мы стали обсуждать в самых общих чертах идею документального фильма на эту тему. Спустя два месяца после общения с ним, я поняла, что мой проект содержит сильную визуальную составляющую, и фильм может получиться интересным, потому что люди, вообще-то говоря, не всегда могут артикулировать <вербально> свои отношения с телом, пространством и предметами, особенно, если речь идет о смерти. А это те отношения, которые в первую очередь меня интересуют. Визуальное наблюдение является более эффективным инструментом, позволяющим эти отношения «схватить», минуя словесную трансляцию.

В своих статьях, а также в этом фильме, вы говорите о все более широком отходе от, как вы его называете, «стандартизированного ритуала» в сторону персонализированных похорон. Какую роль играют в этом процессе технологии? Как вы относитесь к противопоставлению технологической подоплеки этого процесса и культурной: можно ли их реально разделить, и есть ли причинно-следственные связи между ними?

Это сложный многофакторный процесс, здесь я затрудняюсь дать универсальное объяснение. Но одна из причин, которая здесь, в США, подвигает людей менять способы обращения со смертью (death practices), определенно связана с изменением этических представлений о человеке как потребителе природных ресурсов. Согласно этой логике, если я при жизни как потребитель накладываю на себя определенные этические ограничения, то и ущерб от моей смерти должен сводиться к минимуму, более того — смерть должна принести пользу. Это порождает совершенно различные подходы к тому, как следует распоряжаться мертвым телом. Некоторые, например, начинают считать кремацию самой

4 Дэниэл Зокс (Daniel Zox) — независимый режиссер-документалист, автор экспериментальных короткометражных фильмов, исследующих неконвенциональные практики поведения ("Ode to Malala", 2014).

«экологичной» формой похорон, хотя это не так, конечно же. Возможно, это более экологичный способ по сравнению с химически сложным бальзамированием и бетонными саркофагами, которые в самом начале XX века в силу определенных причин превратились в американский погребальный стандарт. Однако при кремации большая часть углерода попадает в атмосферу, так что она скорее усугубляет парниковый эффект, если говорить о «персональном углеродном следе», размерами которого некоторые озабочены. Другая стратегия минимизации ущерба – отказ от какой-либо могилы как некой формы посмертной недвижимости, отказ от идеи оккупировать после смерти какое-то пространство, размер которого, как известно, вовсе небольшой, какие-то три фута на шесть футов. Но по каким-то причинам, мне пока не ясным, занять после смерти даже такой клочок земли считается «эгоистичным», хотя в странах, где нет никакого дефицита земли, например, в России, США, Канаде, подобная проблема не может возникнуть по определению. Скорей, такой дефицит актуален для «островных» мегаполисов типа Нью-Йорка или Сан-Франциско. Некоторые идут дальше, и полагают, что своей смертью мало лишь не навредить, а надо внести вклад в сохранение природы. Это еще одна стратегия – «зеленые похороны», когда тело закутывают в саван или кладут в гроб из биоразлагаемых материалов, без металлических и пластиковых деталей, и закапывают в лесу, саду или в парке, притом преимущественно «диком», с преобладанием местной флоры. Человеческое тело, таким образом, становится частью жизненного цикла растений и животных как органический источник углерода и минеральных элементов...

Это глобальная тенденция или специфично американская?

Подобные практики по происхождению интернациональны, но определенным образом они характеризует именно американский опыт. Например, другой экспериментальный, более экстремальный и более технологичный способ «вернуть долг природе» (и который, насколько мне известно, еще не вполне реализован), предполагает не только минимизацию «углеродного следа», но даже улучшение окружающей среды через превращение человеческих тел в компост. Например, на Северо-Западе, по моему в Сиэтле, финансируется проект по созданию компостера для

получения удобрений из человеческих останков. Он рассчитан на тех, кто заинтересован уже не столько в пассивной пользе от своей смерти, как в случае «зеленых похорон», сколько в активной – посредством форсированного разложения тела на питательные компоненты и удобрения ими садовых хозяйств и городских ферм⁵. Проект, на мой взгляд, довольно спорный.

Я правильно понял, что речь идет именно об удобрениях для сельского хозяйства, а не о практике, когда тело умершего, помещенное в специальный кокон, становится удобрением для «персонального» дерева?

Да, именно так, индивидуальность <умершего> в этом случае полностью стирается. Есть и другие технологии, так или иначе варьирующие кремацию, но только без огня, например, щелочной гидролиз⁶, при котором тело разлагается едкой щелочью, он сейчас стремительно набирает популярность и быстро осваивается похоронными директорами: кости остаются, мягкие ткани растворяются, а раствор сливается в канализацию. Кстати, учитывая использование довольно агрессивных химикатов, экологичность этой технологии тоже вызывает у меня вопросы⁷. Наконец, есть

5 Urban farming (городское фермерство) — движение по возрождению городских аграрных практик прошлого (Древний Египет, города Междуречья, древнеамериканские цивилизации) в условиях современных мегаполисов, часто с использованием высокотехнологичных процессов и архитектурного дизайна, которые наносят минимальный ущерб окружающей среде (вертикальные фермы). Популярно в США (особенно в городах «ржавого пояса» и в Калифорнии) и некоторых странах Азии с сильным дефицитом земли (Япония, Южная Корея).

6 Щелочной гидролиз (ресомация, биокремация) — технология растворения биоматериалов в горячем щелочном растворе (как правило, используется раствор гидроксида калия с водородным показателем pH14). В сельском хозяйстве используется для утилизации больных животных. Первую установку гидролиза человеческих трупов (ресоматор) для использования в похоронной индустрии спроектировал в Великобритании в середине нулевых инженер Сэнди Салливан, основавший компанию Resomation Ltd. (к тому моменту похожие установки, но с другим дизайном, уже функционировали в некоторых больницах США). В Северной Америке в качестве похоронной технологии ресомация разрешена в трех канадских провинциях (две трети населения страны) и 14 штатах США (в пяти разрешении обсуждается). В США против ресомации активно выступает Католическая церковь.

7 Согласно исследованию TNO Report 2014 R11303 (Utrecht, Netherlands) стоимость экологического ущерба ресомации примерно в 20 раз меньше, чем кремации.

еще одна технология со слабым «углеродным следом», разработанная в Швеции — сухая заморозка тела с его последующим измельчением на виброустановке⁸. Как видите, одни технологии элиминируют индивидуальность умершего полностью, другие ее наоборот сохраняют, как в случае кремации, когда люди имеют дело с оставшимся после кремирования веществом.

И это два разных тренда?

Да, два разных. Но, отвечая на ваш вопрос, я все-таки уверена, что сама по себе технология не является здесь драйвером процесса. Скорей, люди приспособливают существующие технологии, или разрабатывают новые, в соответствии с теми или иными своими желаниями.

Вернемся к кремации. В своей статье 2013 года⁹ вы сначала называете кремацию и развеивание кремированных останков практиками сопротивления коммерциализации <похоронной сферы>, но буквально на следующей странице рассказываете о том, как из кремированных останков делают алмазы, ювелирные изделия, предметы для украшения сада, орнаменты, картины и тому подобные объекты, которые фактически продаются, то есть становятся товаром. Как, в таком случае, сочетаются эти два разнонаправленных процесса: персонализация памяти умерших родственников и друзей и подобная коммерциализация похорон?

Отличный вопрос. Джессика Митфорд в 60-х написала очень важную книгу в жанре журналистского расследования¹⁰, посвященную американским практикам смерти, в которой подвергает острой критике излишнюю гигиенизацию (sanitation), коммерциализацию и индустриализацию похоронной индустрии, в особен-

8 Промессия или криомация — утилизация биоматериалов методом холодного испарения. Криоматоры для использования в похоронной индустрии разрабатываются шведской компанией Promessa (<http://www.promessa.se/>).

9 Shannon Lee Dawdy. Modern American Death: Grave Goods and Blithe Mementos. In Paul Graves-Brown, Rodney Harrison and Angela Piccini (eds.). Handbook of the Archaeology of the Contemporary World. Oxford University Press, 2013.

10 Jessica Mitford. The American Way of Death. Simon & Schuster, 1963.

ности услуги по бальзамированию, все эти стандартные бетонные саркофаги и кладбища, устроенные по принципу «один размер на всех», с плоскими надгробиями, потому что так дешевле стричь газон, регламентами, запрещающими оставлять предметы на могиле и так далее. Индустрию услуг крайне стандартизованных и, по ее мнению, чересчур дорогостоящих. Митфорд чрезвычайно критично относилась к таким вещам, считая их проявлениями эксплуатации человеческой беды, ненужными и навязанными сервисами. Важно, что ее критика получила отклик в популярной культуре¹¹, хотя многие до сих пор не знают, что на самом деле она выступала в защиту не только кремации, но именно «чистой» кремации, кремации без ритуала, против религиозного и коммерческого сопровождения смерти, которое должно быть предельно минималистичным: вы вызываете профессионалов, чтобы те забрали и кремировали тело, сообщаете номер кредитки по телефону, получаете обратно по почте коробку с прахом и далее поступаете с ним по своему усмотрению. Или как посчитали бы нужным поступить представители ее поколения — положить его в урну, похоронить в саду или поставить на каминную полку. Вот ее идеал. Но, возвращаясь к вашему вопросу об изделиях из пепла, отмечу, что в США кремация до 2000–2001 года, когда в некоторых частях Европы она уже доминировала, распространялась очень медленно. Не думаю, что здесь следует сбрасывать со счетов фактор 9/11, но примерно с 2000–2001 года начинается ее взрывной рост: между 2000 и 2015 годами доля кремации в числе похорон выросла в США с 25 % до 60 %. Это ошеломляюще быстрый сдвиг в поведении людей! Некоторые объясняют его экономическими факторами и относительной дешевизной кремации, некоторые ссылаются на экологическую мотивацию, другие — на высокую мобильность общества, которая затрудняет посещение кладбищ, а кремация позволяет, в той или иной форме всегда быть близко к умершему.

11 Помимо расследовательской журналистики, Джессика Митфорд вела активную общественную деятельность, в частности, в 60-х она активно участвовала в движении за гражданские права афроамериканцев. Состояла в Коммунистической партии США до 1958 года. Некоторые ее книги вызвали большой общественный резонанс («Суд над доктором Споком», 1969). Поклонником книги «Американский способ смерти» называл себя Дэвид Боуи (Sherwin, Adam. From Homer to Orwell: David Bowie's 100 favourite books revealed. The Independent, 1 October, 2013). В честь Митфорд назвала свою дочь Джоан Роулинг (Fraser, Lindsay. Harry Potter — Harry and me, The Scotsman, November 2002).

Собственно, именно эта форма близости, насколько я понимаю, и претерпевает изменение, когда возникают все эти креативные технологии по превращению кремированных останков во всевозможные объекты. Хотя они изготовлены и выглядят как предметы потребления, я бы не стала называть их именно так (commodities), потому что каждый из них уникален, это не идентичные объекты. Производители таких вещей всегда следят за наличием сертификата аутентичности, который удостоверяет, что предмет изготовлен именно из останков того или иного человека, например, стеклянный шар, алмаз, декоративная керамика и прочие изделия которые мы показываем в фильме. Так или иначе, но должно быть очевидно, что в них присутствует уникальная сущность (essense) умершего.

Произведения искусства и ремесла тоже уникальны.

Да, ремесленные поделки или какие-то произведения искусства тоже сертифицируются, но это или номера, или индивидуальные имена, которые выделяют их среди других. Вообще-то коммодификация предполагает, что вы создаете нечто <ценное> для рынка, но критерии потребительской привлекательности (commodification goody) и самого потребителя здесь отсутствуют. В данном случае потребитель, назовем его «заказчиком», приносит и отдает исполнителю материал, который составляет самую суть будущего изделия, и этот материал возвращается к нему обратно. Ремесленный способ изготовления таких вещей действительно напоминает производство товаров, напоминает индустрию, но, главное, что ни заказчиками, ни изготовителями эти вещи не воспринимаются как товар.

Как на новые практики обращения со смертью влияют существующая инфраструктура и система регуляции похоронной сферы в США, и как, в свою очередь, новые практики влияют на них?

Определенно, тут прослеживается взаимное влияние, хотя из-за децентрализации американского законодательства сложно говорить о единой инфраструктуре или последовательной системе регуляции. Скорей, это такое лоскутное одеяло, когда многочисленные, зачастую излишние, нормы обращения с трупами отличаются не только на уровне штатов, но даже отдельных городов. Однако существуют способы противостоять этим нормам.

Например, раньше необходимо было бальзамирование трупа при перевозке через границы штатов. Это правило ввели еще во времена Гражданской войны, когда нужно было отправлять домой тела убитых, что и положило начало практике бальзамирования в целом. Бальзамированное тело Линкольна, например, проехало в траурном поезде почти полстраны. Можно подумать, что авторефрижераторы и холодильные вагоны должны были решить эту проблему, но нет, индустрия бальзамирования только росла. Сегодня же, те, например, кто выбирает «зеленые похороны» и по той или иной причине вынужден перевозить тело, могут отказаться от бальзамирования и использовать авторефрижератор, хотя это, в общем-то, весьма недешево. Но даже это послабление действует не во всех штатах. Это безумие!

Другой пример, в случае «домашних похорон» (at home funerals) вполне можно отказаться от услуг профессионалов, которые омывают тело и готовят его для кремации или погребения, и сделать все самому, как 100 лет назад. Хотя, из-за того, что труп окружен множеством табу, многие американцы до сих пор уверены, что делать этого нельзя. Во-первых, многие думают, что бальзамирование якобы предписано законом из санитарных соображений, что не верно: да, обязательное бальзамирование может быть предписано по медицинским соображениям, но только в очень редких случаях болезней, заразных после смерти, скажем, сибирской язвы. Во-вторых, ссылаются на требования, связанные с транспортировкой трупа, но даже они, как я уже говорила, постепенно уходят в прошлое. Кроме того, в случае «домашних похорон» из-за этих табу, связанных с трупом, из-за идеи его «заразности», которые сильны еще с конца XIX века, существует стойкое убеждение, что якобы по закону члены семьи вообще не имеют права самостоятельно готовить тело к похоронам. Но это не так, закон этого не запрещает. Отчасти по причине культурного плюрализма в США. Например, благодаря ортодоксальным иудеям, которые, согласно традиции, должны омывать тело умершего сами, точнее — только члены его семьи и только того же пола, что и покойный. Более поздние волны эмиграции, например, из Индии, тоже сыграли свою роль. В прошлом году у моей знакомой, врача, эмигрантки из Румынии, умерла мать: она решила сама позаботиться о ее теле и сказала, что найдет способ, как сделать это «без нарушения закона». То есть даже будучи врачом она не знала, что

в этом нет ничего противозаконного! В этом случае американцы склонны скорее преувеличивать масштабы регуляции, и считать незаконным что-то, что таковым совершенно не является. Так что отношения между обществом и законом сложны и не всегда рациональны, особенно в сфере похорон.

Возвращаясь к кремации и новым похоронным практикам: кто в основном прибегает к ним? Существует ли какая-то статистика, которая описывает поколенческие, классовые, гендерные или расовые предпочтения в этой сфере?

Это как раз то, что я сама пытаюсь выяснить, но пока что я не могу говорить об этом с уверенностью. И я думаю, что ситуация постоянно меняется, и новые практики будут довольно быстро преодолевать границы социальных групп. На данный момент, как показывают мои интервью, речь идет прежде всего о поколенческих различиях. Это бэби-бумеры, которые некоторое время назад активно теряли своих родителей и обретали прямой опыт обращения со смертью. Сейчас многим из них под 70 и они уже сами, когда речь идет о смерти, начинают озвучивать мысль, что «хотели бы все делать по другому». Так, если их родители оставляют насчет своих похорон распоряжения, то бэби-бумеры считают их чересчур традиционными и не очень утешительными. Этот тянущийся конфликт бэби-бумеров со своими «стариками» — «не хочу такие похороны как у мамы» — продолжается даже в старости, и даже после смерти. Персонализм и гипериндивидуальность, которые вообще очень выражены в американском обществе эпохи позднего капитализма, бэби-бумерам весьма близки: экс-хиппи всегда были готовы порвать с традицией и любили пробовать все новое, будь то новинки, которые несла с собой культура потребления или новые религиозные практики, они экспериментировали все время. Так что и теперь, сталкиваясь со смертью, они опять готовы «нарушать правила».

А более молодые поколения?

Что касается следующих поколений — речь, в первую очередь, идет не о моем поколении «иксеров», мы слишком малочисленные,

но, скорей о нас и миллениалах¹². Это поколения, которые чаще делают татуировки и пирсинг, по другому относятся к телесности и склоняются к секулярному агностицизму или атеизму, поколения 30-летних и 40-летних, которые начинают чаще соприкасаться со смертью, чем более молодые люди. Я думаю, что табу, связанные с мертвым телом, для этих двух поколений уже не так сильны, как для большей части бэби-бумеров, просто в силу другого отношения к телесности.

Говоря об изменении отношения к телу, вы также говорите, что мертвое тело как объект посмертной памяти замещают связанные с телом коммеморативные объекты. Что означает это замещение: действительно ли тело заменяется объектом, или эти объекты становятся продолжением тела как, например, ампутированные конечности, которые, как я слышал, сегодня иногда хоронят воссоздавая погребальный обряд?

Что касается ампутированных конечностей, то это просто давно забытая практика погребения конечностей, существовавшая и в XVIII и в XIX веках, когда на пригоспитальных кладбищах и кладбищах при домах милосердия были, если речь идет о католической традиции, специальные участки освященной земли для подобного рода погребений, часто коллективных, отправляемых с соблюдением ритуала. Кстати, индустрия кремации всего лишь адаптировала на исходе XIX века технологию стальных печей, которые до этого уже широко использовались в медицине для сжигания ампутированных частей тела. Что касается современной практики ритуального погребения ампутированных конечностей (а таковых, благодаря прогрессу медицины, сейчас не в пример меньше), то, возможно, это одно из проявлений феномена персонализации <смерти>. Хотя здесь мы сталкиваемся с известным противоречием между, с одной стороны, снятием, или, как минимум, ослаблением табу, которые окружают труп, и, с другой стороны, отождествлением мертвого тела с той индивидуальной составляющей, которую обозначают как «душа», «дух» и т. п. В иу-

12 Миллениалы или Поколение Y — поколение американцев, родившихся в 80-х — 90-х годах. К поколению X принадлежат люди, родившиеся в конце 60-х и 70-х годах.

део-христианской традиции, которая эти вещи четко разделяла, связь между телом и душой была чрезвычайно хрупкой. Сейчас, как мы видим, она сильна уже настолько, что погребение ампутированной ноги, или руки может приравниваться к погребению части самого себя, своей личности. И это очень интересно.

Интересно, и в этом был смысл моего вопроса в связи с ампутированными конечностями, в чем отличие, если оно есть, современных практик такого рода, когда отношение к телу или личности в целом переносится на отдельный объект, от старой, скажем, церковной традиции отношения к мощам, которая во многом напоминает те практики, которые вы описываете?

Пэтрик Гири замечательно исследовал социальную функцию мощей и мертвецов в Средние века¹³. Я использую его работы для аргументации своего тезиса, что изделия из пепла это и не потребительские объекты, и не аналоги сакральных останков. Возникает вопрос, что это? Люди описывают их в большинстве случаев как мемориальные объекты, как материализованную память. Но что понимать под памятью? Это некая концепция загробного существования? Мне никогда не нравилась существующая литература, связанная с вопросом памяти, на мой взгляд, ей не хватает строгости. Нет, с моей точки зрения, даже приблизительного понимания <этого феномена>. И это проблема. При взгляде на такой объект у вас в голове начинают прокручиваться, как закольцованная программа, воспоминания об этом человеке? Или эта какая-то череда ассоциаций? Что это? В фильме я побуждаю людей говорить об этом, и когда они берут в руки эти объекты, они начинают обращаться к ним по имени — «мама», «папа», «Питер» и т. д. Может, они и делают это с некоторой иронией, но лишь отчасти. Я очень серьезно отношусь к тому, что люди воспринимают эти объекты как абсолютно уникальные — как вещи, в которых заключена сущность другого человека. Есть и другой аспект, связанный с темпоральностью коммеморативных объектов и отчасти со спа-

13 Patrick J. Geary. Living with the dead in the Middle Ages. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1994. Также: Patrick J. Geary. Furta Sacra: Thefts of Relics in the Central Middle Ages, Princeton: Princeton University Press, 1978.

циализацией¹⁴. В Америке близким родственникам предоставляется очень мало времени для того, что побыть с телом покойного, которым сразу начинают заниматься профессионалы: за три дня, предшествующие похоронам, это максимум четыре часа. Затем тело хоронят, обычная могила представляет собой цементный саркофаг. Через несколько недель или месяцев устанавливается надгробие с именем, иногда с датами, дополнительными надписями и украшениями, но иногда и совершенно незамысловатые. Это могильное пространство, надгробие и тело под ним, может, конечно, восприниматься как мемориальный объект, но, как я уже говорила, люди все меньше и меньше воспринимают его в этом качестве. В этом смысле предметы, сделанные из кремированных останков, довольно интересны, потому что они, в некотором смысле, замещают могилу и надгробие. Также не надо забывать, что практика бальзамирования — это во многом ответ на страх перед распадом: люди не хотели иметь дело с разлагающимся телом, не хотели даже думать о том, что происходит с трупом под землей. Это еще одна причина, почему в начале XX века фактически сошла на нет практика посещения кладбищ, ограничившись в лучшем случае редкими посещениями могил на дни рождения, годовщины. Посещение кладбищ стали считать чудачеством. Даже траур был в некотором смысле табуирован. Это то, о чем писал Филипп Арьес, называя XX век «веком отрицания смерти»: дистанцирование от проявлений смерти, от самой мысли о том, как, например, трансформируется труп. Поэтому мне пока трудно дать ответ на ваш вопрос, в чем смысл этих практик. Еще не ясно, являются ли они еще одной формой отрицания смерти, или мы, владея этими объектами, которые портативны, не изолированы, с которыми можно общаться, называть по имени, даем отрицанию смерти обратный ход (reversing).

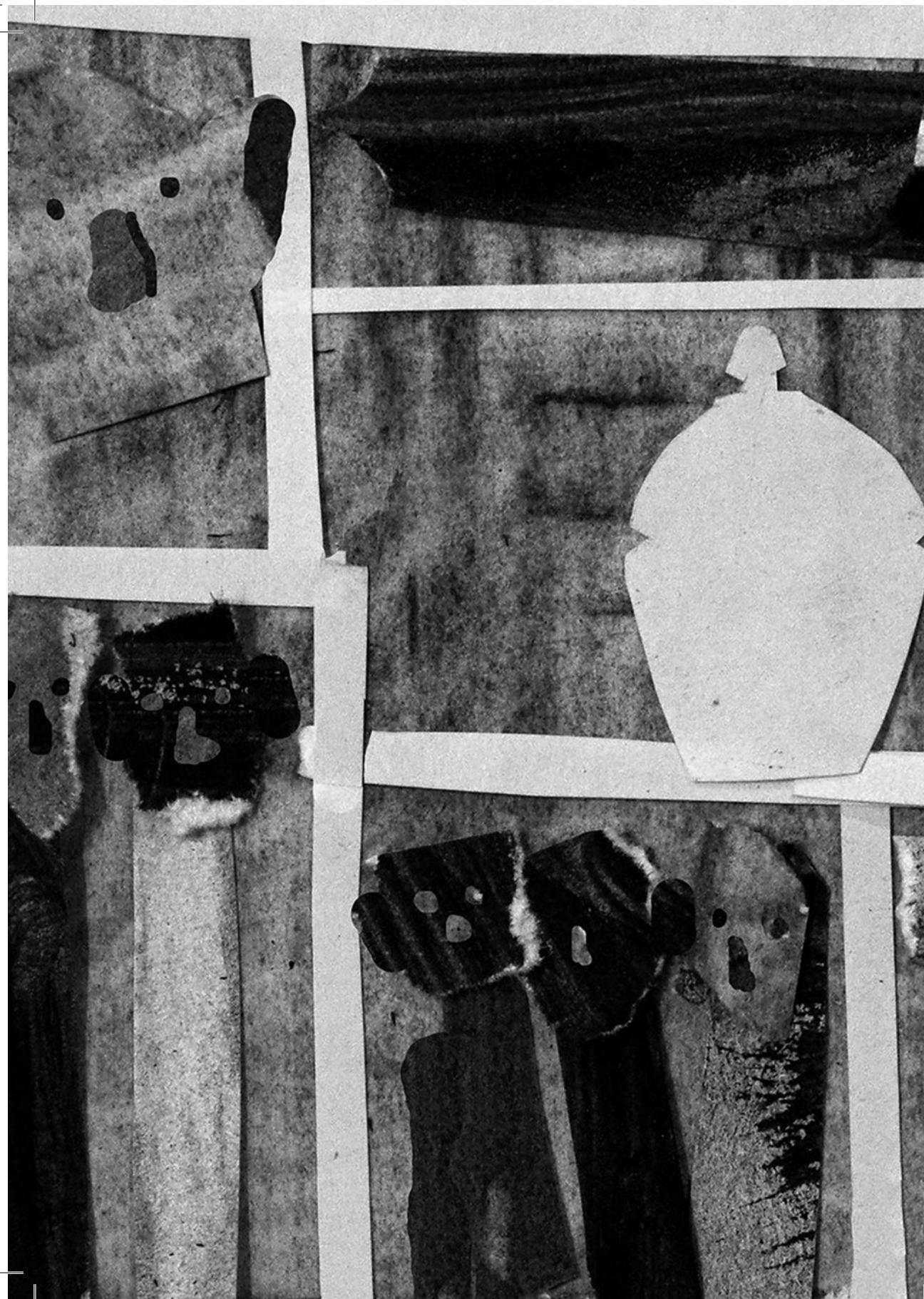
14 Спациализация (spatialization) — термин, используемый для обозначения связи виртуальных феноменов (вербальных, эмоциональных, ценностных, экономических, культурных, ритуальных и т.д.) и пространственных форм («Дикий Запад», «промзона», «Святая Русь», «моногород» и т.д.). Введен в 1985 году канадским социологом и урбанистом Робом Шилдсом в предисловии к переводу книги 1974 года социолога-марксиста Анри Лефевра «La Production de l'espace» («Производство пространства») в качестве английского эквивалента l'espace. Часто используется антропологами, социологами, урбанистами, близкими к методу «археологии культуры» Мишеля Фуко.

Если американцы настолько несведущи в том, что можно, а что нельзя делать с трупами близких, каким образом они узнают о новых способах обращения со смертью? Недавно я посмотрел немецкий фильм «Кофе, кекс и крематорий»¹⁵ о том, как водят экскурсии по крематорию. Это что-то вроде туристической услуги: вы покупаете дешевый тур в Голландию и заодно узнаете о том, как можно распорядиться своим телом после смерти.

Думаю, что социальные медиа — главный источник информации на этот счет. Во время уличных интервью — и во время Хэллоуина, и в самое обычное время, когда люди занимались бегом, шли на серфинг, в общем — во время их самых обычных занятий мы задавали им два вопроса: «как вы хотите, чтобы распорядились с вашим телом после вашей смерти?», и «что, на ваш взгляд, происходит с людьми после их смерти?». Что интересно, подростков и тех, кому меньше 30, вопросы связанные со смертью, интересуют очень сильно. Они прекрасно осведомлены о новых практиках — алмазах, сделанных из кремированных останков, специальных коконах для погребений под деревьями (tree pods) и тому подобном. Их такая информация совершенно не шокирует, они знают довольно много, хотя им пока и не нужно делать выбор в этой сфере. По всей видимости, главный источник этих знаний — Фейсбук, но также популярные фильмы и телешоу. Более пожилые могут получать информацию от похоронных директоров. Не все, но многие из директоров понимают, что их бизнес окажется в зоне риска, если не подстроиться под новые запросы. И также, как когда-то они, скажем, предлагали шесть вариантов гроба, сейчас они предлагают различные варианты услуг по изготовлению объектов из пепла, если речь идет о кремации. В этой части мы, безусловно, вправе говорить о коммерческом, потребительском измерении этих практик (commodification). Более того, идея персонализации похорон востребована, это то, что привлекает клиентов, которые хотят персонализировать объект памяти (memorial), и сделать это по другому, не так, как у других. Собственно, похоронные директора так о себя и говорят — «мы — поставщики услуг».

15 «Coffee, Cake & Crematorium», 2001, реж. Сепрей Кресо (Zuidenwind Filmproductions/IKON TV).

«Гроб неизбежен...»
Гвидо Бартель
о кремации:
инженер и гигиенист

С комментариями Анны Соколовой

Вопрос о возможности кремации в России долгое время оставался вне открытого обсуждения. Доминирующим способом погребения в Российской Империи было трупоположение, которое, с точки зрения Русской Православной Церкви, в наибольшей степени соответствовало евангельскому «доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и во прах возвратишься» (Быт. 3:19)¹. Кремация, напротив, считалась несовместимой с православной верой. Захоронение тела в виде пепла, с точки зрения иерархов Православной Церкви, противоречило идее о воскресении в телах во время грядущего Страшного суда, когда «земля извергнет мертвецов» (Ис. 26:19) и «посеянное в тлении восстанет в нетлении» (1 Кор. 15:42). Библейская максима «Дотоле же возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:7) трактовалась Цековью совершенно однозначно — кремация неприемлема для человека православного вероисповедания².

Поскольку похороны, как и другие «акты гражданского состояния», находились в полном административном ведении религиозных организаций, отрицательное отношение Церкви делало невозможным не только строительство крематория в России, но даже законотворчество на эту тему. В 1909 году медицинский совет Министерства внутренних дел вел работу над первым в истории России законопроектом, допускающим кремацию в случае, если «не имеется прямых указаний, что сам покойный был при жизни против сожжения своего трупа» (Белякова 2013: 536). В ответ на эту инициативу при Святейшем Синоде была сформирована «Комиссия для разрешения вопросов о сожигании трупов и устройстве в России крематориев», результаты работы которой отразились в «Заметке о сожигании трупов с православной церковной точки зрения». Согласно этой заметке, «самым естественным способом погребения признается предание трупов земле... предание тела близкого не земле, а огню представляется

1 Отметим, однако, что прямого запрета на кремацию, равно как и указания на правильный способ погребения, нет ни в Св. Писании, ни в св. Предании. Это отмечалось православными авторами с момента появления дискуссии о кремации в России в начале 20 века (Белякова 2013: 537).

2 Документ «О христианском погребении усопших» одобрен Священным Синодом 5 мая 2015 года (О христианском погребении усопших 2015).

по меньшей мере как своеволие, противное воли Божией и дело кощунственное» (Кашеваров 1999: 265). Управляющий канцелярией Синода С. П. Григоровский опубликовал статью в «Церковных ведомостях», где также критиковал данный законопроект, отмечая, что «хотя в Св. Писании и нет прямого запрета на сжигание трупов, однако “введение нового “закона” о сжигании трупов будет беззаконием». «Если предание наших останков земле вселяет в нас, в согласии с христианским учением, надежду на воскресение, то сожжение тех же останков наводит на мысль о небытии», — писал он (Белякова 2013: 537). В 1913 году проект нового похоронного законодательства, включающего в себя и кремацию, под влиянием Церкви был отклонен Государственной Думой (Белякова 2013: 538). Законодательство того времени не просто не разрешало строительство крематориев на территории Российской Империи, но и запрещало вывоз тел российских подданных для кремации в других странах³, а наличие в личной библиотеке текстов о кремации могло быть отягчающим обстоятельством при судебном разбирательстве⁴. Вопрос о кремации обсуждался также на заседаниях подотдела о погребении и поминании Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 годов. Постановления Собора по этому вопросу свидетельствуют о том, что и к этому моменту отношение Церкви к кремации не претерпело существенных изменений (Белякова 2013: 538–539).

Жесткий запрет и последовательное отрицание кремации Церковью и правительством делает кремацию привлекательным концептом для большевиков и других революционеров. Восторженное отношение к новому виду погребения в полной мере отражено в определении, данном кремации в первом издании Большой советской энциклопедии (1937 год): «Кремация — является наилучшим способом погребения, к тому же в полной мере удовлетворя-

3 «В 1908 году Святейший Синод на запрос Главного Врачебного Управления по делу жены генерала Духовского, просившей разрешения перевести тело ее, после ее смерти, в Гамбург для сожжения в крематории, ответил: “Признать, что сожжение покойника не согласно с учением Православной Церкви, поэтому в просьбе отказать”. Другой подобный случай был в 1913 году. Пепел от тела русского купца Бойтмана, сожженного в цюрихском крематории, был доставлен для погребения в Россию. Когда жена покойного обратилась к Курскому архиерею с просьбой “отпеть покойника”, архиерей, снесшись предварительно с Синодом, ответил: “отпеваться может прах-тело, но не прах-пепел”». (Олешук 1927: 2–4).

4 ГА РФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2040.

ющим чувству эстетики и уважения к умершему» (БСЭ 1937: 713)⁵. Большевистское правительство обращается к вопросу о строительстве и пропаганде крематориев сразу после революции. Согласно Декрету СНК от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах» все крематории страны переходили в ведение местных Советов (Декреты 1968: 163–164). Примечательно, что на момент принятия Декрета на территории молодого государства не было ни одного крематория, поэтому предписание о передаче крематориев в ведение местных Советов можно расценить и как декларацию позиции новой власти в вопросе кремации, и как свидетельство того, что Совет Народных Комиссаров, заранее прописав их статус, считал появление крематориев делом ближайшего будущего.

Принятие Декрета пришлось на разгар жесточайшего похоронного кризиса, охватившего крупные города России в 1918–1919 годах. Общая дезорганизация, нехватка рабочих рук, кризис снабжения, эпидемии привели к серьезным сбоям похоронной индустрии, к десяткам и сотням непогребенных тел, скопившихся в моргах и мертвецких городских больниц⁶. Чтобы преодолеть похоронный кризис коммунальные службы практикуют коллективные захоронения десятков тел в одной могиле, порой даже без гробов⁷. Вопиющая антисанитария в похоронной сфере заставляет Наркомат здравоохранения принять «Санитарные правила об устройстве кладбищ и крематориев и о погребении умерших» (30 января 1919 года). Согласно этим правилам вопрос о сооружении крематориев переходил в ведение этого Наркомата.

Кремация привлекала большевиков не только как технологичный и прогрессивный способ погребения, но и как наиболее гигиеничный (в этом вопросе большевики не были новаторами — гигиеническая аргументация была одной из основных при обсуждении кремации в странах Западной Европы (Davis-Mates 2005: 168, 315, 276–267). Поэтому не удивительно, что советским врачам, инженерам, активистам и администраторам, причастным к решению

5 Отметим, что в третьем издании Большой советской энциклопедии о кремации говорится гораздо более сдержанно: «Преимущество кремации перед другими способами погребения заключается в полном и быстром (1–1.5 ч.) уничтожении органических веществ трупа в строго гигиенических условиях» (БСЭ 1973: 373).

6 ГАМО.Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 4.

7 ГАМО.Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 7, 7 об.; ГАМО.Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

похоронного вопроса, казалось, что именно при помощи скорейшей постройки крематориев можно разрешить тяжелую ситуацию, сложившуюся в похоронной сфере. Так, под постройку крематориев предлагалось в течение пары месяцев переоборудовать несколько пустующих производственных помещений с высокими заводскими трубами в Москве и Петрограде (Шкаровский 2006: 158–163)⁸.

Несмотря на то, что работа над сооружением крематориев в Москве и Петрограде начинается уже в 1919 году, построить полноценный стабильно работающий крематорий удастся только через восемь лет. Открытию Первого Донского крематория в 1927 году предшествовала большая пропагандистская кампания, целью которой было преодолеть негативное отношение людей к трупосожжению и представить этот способ погребения не как полное уничтожение останков, противное русским традициям⁹, а как высокотехнологичную новацию, позволяющую помимо достойной утилизации останков умерших решить и такие насущные проблемы как распространение эпидемий и рост территорий кладбищ.

Брошюра Гвидо Бартеля «Кремация», изданная Московским Коммунальным Хозяйством при Моссовете в 1925 году (Бартель 1925) – один из первых текстов о кремации, опубликованный на русском языке. В отличие от единичных дореволюционных опытов на эту тему (Правдзик 1892; Лавров 1908) в центре работы Бартеля – не технология кремации и устройство разных типов кремационных печей, а анализ различных типов погребения и «огненное погребение», как прогрессивные похороны будущего. Гражданский инженер института социальной гигиены Гвидо Габриэлевич Бартель (1885–1943) был одним из пламенных борцов за введение кремации в СССР. В 1923 году он входит в инициатив-

8 См. также: ГАМО.Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53.

9 Во время обсуждения похорон Ленина Сталин, в частности, сказал: «Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому и должен быть похоронен. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения перед усопшим. Оно может даже показаться оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний, высший суд над теми, кто подлежал казни» (Панченко-Панченко 1996: 167–168). Отметим, впрочем, что некоторые из большевистских лидеров считали кремацию тела Ленина необходимой. Так, например, Н.А. Семашко полагал, что набальзамированное тело Ленина необходимо сохранять лишь до тех пор, пока не будет выстроен специальный крематорий для его сожжения. (Семашко 1924: 7).

ную группу по созданию «Российского общества по сооружению крематориев в СССР – РОСКРЕМАТОР»¹⁰, которое, однако, не получило дальнейшего развития. В 1927 году Бартель становится одним из создателей Общества распространения и развития идей кремации (ОРРИК), которое участвовало в постройке Московского Донского крематория, а также вело обширную пропагандистскую и просветительскую работу – публикацию брошюр, экскурсии в крематорий, публичные лекции и т. д.

Интересно, что в своей брошюре Бартель не ограничивается исключительно размышлениями о кремации и ее преимуществах. Так, очевидная невозможность в ближайшие годы полностью отказаться от трупоположения заставляет его подробно рассмотреть различные риски, которые несет в себе эта традиционная технология избавления от тел умерших людей. Здесь автор откликается на злобу дня: в начале 1920-х годов в связи с резким ростом городов и городского населения старые кладбищенские территории Москвы оказались практически в центре города, монастырские закрытые кладбища застраивались под рабочие поселки, детские дома и другие учреждения, а на территории некоторых открылись парки и скверы. Анализируя, как именно разрушаются мертвые тела, автор – энтузиаст кремации – стремится обосновать тезис, что такого рода утилитарная конвертация кладбищ не является опасной. Таким образом, апеллируя к науке, Бартель одобряет общественно полезное уничтожение кладбищ и подтверждает тезис, что традиция предавать земле трупы себя изжила.

Несмотря на многие годы посвященные пропаганде кремации, сам Бартель не был погребен этим прогрессивным методом. В 1941 году за немецкое происхождение он был сослан в Казахстан, 5 января 1942 года арестован УНКВД Карагандинской области и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей по статье 58–10. Умер он в мае 1943 года (Мемориал; см. также: Рубашева 2003: 6–7; Соболев 2013: 252–255). Жена Бартеля поэтесса Наталья Кугушева посвятила драматичной кончине своего мужа следующее стихотворение (Кугушева 2013: 59):

10 ГА РФ. Ф. Р9560. Оп. 1. Д. 64.

Гвидо

Над твоей безымянной могилой
Казахстанские ветры поют.
Над твоей безымянной могилой
Одинокие тучи плывут.

Звездный дождь упадет на землю,
Если август стоит над землей,
Да полынные заросли дремлют
Под высокой и грустной луной.

Обступили степные просторы,
Сторожат твой последний сон. —
Над седым горизонтом горы,
Как свидетели похорон.

И не я тебя проводила
В твой последний далекий путь.
Над бескrestной твоей могилой
Только ветер посмел вздохнуть.

8 октября 1946 года

Орфография и пунктуация текста брошюры «Кремация» приведены к современным нормам. Текст печатается в сокращении.

Анна Соколова

Кремация

Гвидо Бартель¹¹

Вступление

Среди культурных завоеваний Запада имеется ряд колоссальных достижений в области техники, с которыми нам не только полезно ознакомиться, но и с которых нужно брать пример и среди них, несомненно, значительное место занимает усовершенствованный способ огненного погребения умерших, так называемая «кремация».

<...>

Цель настоящей книги — дать возможно полное разъяснение и описание кремации, являющейся у нас вопросом новым и мало кому знакомым. Между тем теперь, когда Президиум Московского Совета принял принципиальное решение о введении у нас кремации, знакомство с этим вопросом и с его постановкой, с его особенностями и преимуществами — является задачей сегодняшнего дня.

Это тем более важно, что этот кажущийся на первый взгляд очень простым вопрос, в действительности очень сложен, разнообразен и деликатен. Важно, чтобы с первых же шагов население было правильно информировано о кремации, и таким образом можно было бы избежать кривотолков, которые имели место на Западе при введении там кремации.

Надо надеяться, что читатель, ознакомившись с этим вопросом, станет приверженцем этого культурного, разумного, экономного и красивого способа погребения.

Вероятно, с легкой руки Москвы, примеру ее в недалеком будущем последуют и другие наши более или менее крупные города, и кремация сможет постепенно стать наиболее излюбленной формой погребения разноплеменного состава городов Союза Советских Социалистических Республик.

¹¹ Кремация. Составил Гвидо Бартель под редакцией Ф.Я. Лаврова/Популярная библиотека по коммунальным вопросам. Серия I. Выпуск VIII. М.: Издание М.К.Х, 1925. 98 с.

Историческая справка о трупосжигании

Способы погребения при известной их систематизации по внешним признакам можно классифицировать следующим образом:

1. выбрасывание трупа;
2. мумифицирование;
3. скелетирование и другие комбинированные и переходные формы;
4. зарывание в землю или пещеру;
5. сжигание.

Наиболее нас интересующими являются в данном случае оба последних вида погребения: предпоследний, то есть погребение в землю, как у нас наиболее распространенный и всем знакомый, и последний, т. е. сжигание на костре, как являющийся прямым родоначальником современной кремации.

<...>

Тут будет уместным сказать об очень распространенном среди населения мнении об опасности кладбищ для живых людей. В таких случаях обыкновенно говорится о загрязнении источников воды (колодцах) продуктами гниения и разложения, раздаются опасения о заражении воздуха могильными испарениями, возникает естественное подозрение о распространении заразы закопанными вместе с умершим разными бациллами и микробами (в случае смерти от заразной болезни), наконец, указывается, что вместе с трупами поступает в почву большое количество органических веществ, что может привести к перенасыщению почвы, результатом чего и получается упомянутое загрязнение и заражение питьевых вод и окружающего воздуха.

Об этих волнующих вопросах писалось много как на Западе, так и у нас. Неоднократно делались лабораторные исследования воды и почвы. Каковы же выводы?

Резюмировать эти выводы можно примерно таким образом: кладбище при соблюдении санитарных правил безопасно для живых людей!

<...>

Так, простой расчет показывает, что в городе с населением в 1 миллион жителей при смертности 24 человека на 1000 жителей (в Европе эта цифра фактически ниже) в год получится около 1875 пудов органических веществ. Между тем, если подсчитать количество отходов, подлежащих удалению из населенных мест, то их окажется примерно в 99 раз больше! Вот почему гигиенисты и говорят теперь, что живой человек куда больше представляет опасности для других, чем мертвый!

Первым следствием полученных цифр было доказательство напрасного опасения перенасыщения почвы гнилостными веществами. В особенности это нашло свое подтверждение при лабораторных исследованиях почвы Парижа (Деллесс) и Ленинграда (Колодезников), а также воды Москвы (лабор. им. Эрисмана) и некоторых улиц Будапешта (Росзахеги). Оказалось, что почва дворов Парижа и Ленинграда более загрязнена, чем кладбищенская, равно как и вода колодцев Ваганьковского кладбища в Москве и в Будапеште (Венгрия) — менее загрязненной, чем вода колодцев близлежащих районов.

Единичные, описываемые в литературе случаи отравления людей при разрытии старых могил и открытии старых склепов могильными газами являются исключениями и, как исключения, подтверждают правило. Исследования воздуха над могилами показали, что фактически выделяется весьма незначительное количество этих газов, да и они очень быстро рассеиваются в атмосфере.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о разложении трупа.

Каждому лицу при взгляде на умершего бросаются в глаза те резкие изменения, которые происходят на теле и лице усопшего вскоре же после прекращения жизни, не говоря уже о распространяемом неприятном и тяжелом трупном запахе.

Чем вызваны эти изменения и в чем их причина?

Дело в том, что с прекращением сердечной деятельности и омертвением всех органов фактически не вся жизнь в организме человека остановилась и прекратилась. Действительно, научно доказано, что в кишечнике, например, продолжается жизнь и деятельность микроорганизмов, которые и выделяют ферменты, вызывающие эти хорошо всем знакомые первые признаки разложения. Им помогают своей работой так называемые клеточные аутолитические энзимы. Затем в земле этот процесс гниения органических веществ, сопровождаемый выделением дурнопахнущих газов (вследствие разложения без доступа кислорода), продолжается.

Таблица №1. Могильная фауна, составленная
в 1894 году по Мегнину¹².

I период sarcophagienne (продолжается около 3-х месяцев).		
Двукрылые	Cyrtoneura Caliphora Lucilia Musca Domestica > Sarcophaga	Разрушители мускулов
II период—dermestienne (продолжается от 3-го до 4-го месяца)		
Жуки	Dermestes Coryntes	Разрушители жира
Бабочки	Aglossa	
III период—silphienne (продолжается от 4-го до 8-го месяца)		
Двукрылые	Phora Anthomyca	
Жуки	Silpha Hister	
Клещи	Saprinus Serrata	
IV период—acarienne (продолж. от 8-го до 12-го месяца)		
Клещи	Tyroglyphus Glyciphagus Uropoda Trachinotus	В стадии тления трупа
Моль	Tineola Biselliella	

12 D-r J. Kratter. Ueber die Schicksale der Leichen im Erdgrabe. Wien: 1919.

И, если с одной стороны происходит процесс разрушительный, то с другой стороны мы видим замену его процессом восстановительным, при котором и выделяются продукты, не содержащие кислорода, как-то: аммиак, дурнопахучий болотный газ, сероводород и т. п., а также целый ряд сложных органических соединений, представляющих собой продукты распада белков и жиров, например кадаверин (трупный яд), жирные кислоты, тирозин и целый ряд других. В этот период гнилостные бактерии проникают в ткани и полости тела, как уже было сказано, из кишечника. Вероятно, в процессе разложения принимают участие и патогенные микроорганизмы, так как замечено, что умершие от заразных болезней подвергаются разложению быстрее, чем трупы умерших от незаразных болезней.

Есть и еще один крайне любопытный фактор, предназначенный для разрушения организма трупа. Это – могильные насекомые. Нужно указать, что особенно любопытным и интересным в этом вопросе является не сам всем хорошо известный факт появления в могиле на трупах насекомых, жуков, клещей и т. д., а та поразительная закономерность, то остроумное распределение ролей и та организация и задачи, которые выполняются нижеприведенными представителями могильной фауны (т. е. животного царства).

Итак, мы видим, как у каждого из описанных видов насекомых имеется определенное и твердо установленное временем задание по разрушению и постепенному уничтожению трупа и как один вид приходит на смену другому для продолжения той же цели. Обращаем внимание читателя еще и на то, что в первые еще часы по прекращении жизни, наша всем хорошо знакомая домашняя муха (*musca domestica*) успевает положить в доступные ей места яички, которые превращаются в личинки, и вот эти-то личинки и начинают свою разрушительную работу. Вообще, из приведенных в таблице насекомых большинство производит, как, например, муха, предназначенную работу в виде личинок, а не в виде взрослого насекомого.

Возвращаясь к прерванному описанию, следует сказать, что период зловонного гниения оканчивается примерно через 3 месяца и наступает второй период разложения, характеризующийся окислительными процессами. Это – период тления трупа. Но прежде чем перейти к описанию этого периода, нужно упомянуть, что

по мере разрушения органических веществ микроорганизмами и насекомыми постепенно истекает имеющаяся в трупе жидкость, поглощаемая почвой, целостность покровов и тканей нарушается и создаются условия, благоприятные для доступа кислорода (почвенного воздуха) внутрь трупа. Проникновение кислорода благоприятствует окислению с образованием конечных продуктов минерализации: воды, углекислоты, солей, азотной кислоты и т. д. (этот момент необходимо запомнить, так как мы в дальнейшем к нему вернемся). Таким образом, мы подошли к тому моменту, когда высыхание трупа достигло таких пределов, что ни микробам, ни могильным насекомым больше разрушать уже нечего и им на смену появляются плесни и грибки, которые доканчивают процесс разложения оставшихся органических веществ.

Наступающий теперь окончательный период тления продолжается в среднем 7–10 лет, а для детских трупов — 3–5 лет. Теперь читателю станет понятным, почему более пожилые, кряжистые и сухопарые люди сохраняются многие годы, иногда десятки лет, в особенности умершие в холодное время года.

Во всяком случае, на быстроте или замедлении процессов разложения, значительно отражается состав почвы могилы, в смысле ее пористости, обилия воздуха и легкости вентиляции, и, если в песчаной почве он длится примерно 7 лет, то в глинистой сухой почве он длится примерно 10 лет, а в сырой — 30 лет.

Принимая во внимание, что низкая температура (т. е. холод) замедляет ход разложения, санитарные кладбищенские правила предписывают рыть могилу ниже слоя зимнего промерзания почвы. На уровне гробов температура почвы в нашем климате обычно колеблется между 0° Ц. весной и 12° Ц. осенью, вполне достаточна для нормальных условий разложения.

Как было указано, разложение в европейском среднем климате наступает через 7–9 лет, поэтому санитарные правила предусматривают следующие кладбищенские периоды:

Италия — 10 лет
Франция — 5 лет
Венгрия — 30 лет
Мюнхен — 6 лет
Штутгарт — 10 лет
Берлин — 60 лет
у нас — 30 лет и т. д.

То есть это те кратчайшие сроки, через которые разрешается перекапывание могилы, к которому приходится прибегать при переполнении кладбищ.

Указанные в некоторых странах довольно продолжительные кладбищенские периоды в 30 и больше лет, само собою разумеется, продиктованы не санитарными соображениями, а уважением к чувству живых родственников.

<... >

Теперь переходим к рассмотрению вопроса о применении трупосожжения в Европе в христианскую эпоху.

В самом начале нашего летоисчисления центр и источник распространения христианской веры был, как хорошо всем известно, в Риме. Из дошедших до нас источников и сохранившихся катакомб, в которых первые христиане прятались от преследовавших их язычников-римлян, достоверно известно, что в течение первых 300–400 лет перешедшие в христианство римляне (язычники) по своему обыкновению сжигали умерших родных и единомышленников, в то время как принявшие христианство евреи прибегали по старому к земельному погребению. Однако, с течением нескольких сот лет обычай сжигания начал сокращаться до его полного уничтожения. Что же повлияло на изменение этого когда-то излюбленного и почтеннейшего обычая?

Причин несколько.

Во-первых, нужно вспомнить, что главный контингент первых христиан давали беднейшие классы, для которых огненное погребение было не по средствам, следовательно, причина чисто экономического характера.

Во-вторых, немаловажную роль сыграла вера в скорое пришествие Христа и связанная с ней вера в телесное воскрешение из мертвых. Вот, исходя из этих религиозных соображений, христиане перестали прибегать к трупосжиганию.

В третьих, естественно, напрашивается мысль, что, приняв христианство, римские христиане старались отказываться от всего того, что напоминало «языческий» Рим. Огненное погребение было причислено к разряду тех обычаев, от которых нужно было отвыкать. Вот откуда и взялось понятие о трупосжигании, как об «языческом» обычае!

Если мы проследим историю других народов Европы в последние годы, то легко заметим, как с проникновением в них христианства земляное погребение становилось преимущественным способом хранения умерших.

<...>

О возврате к этому погребальному обычаю вопрос подымался неоднократно, начиная со средних веков. Авторы — ученые, врачи, гигиенисты, экономисты, поэты, техники, и химики и т. д. ратовали за возобновление этого способа, исходя: одни — из санитарно-гигиенических соображений, другие — из экономических выгод и разрешения кладбищенского кризиса, третьи — из мотивов эстетического характера и т. д.

Идея эта много, много раз подымалась в специально этому вопросу посвященных книгах (д-р Маттия Нальди, Гагено, Лоранс-д'Асси и т. д.), или в научных докладах (знаменитый Яков Гримм, Фердинанд Колетта и т. д.), или в специальной периодической печати (инж. Иоганн Динглер, д-р Трузен и др.), или воспевалась поэтами (Гете, Шиллер, Платен и др.).

Известные гигиенисты и ученые Моллешотт, Петтенкофер, Реклам, Фохт, Вирхов и др. определенно высказали свой взгляд на сожжение как на наилучший способ погребения.

<...>

Однако, даже если мы не примем во внимание сопротивления духовенства к возобновлению этого способа или религиозные предрассудки широких масс, то трупосожигание на костре при всех его доказанных достоинствах все же не могло привиться. И это легко станет понятным читателю, если он представит себе мысленно картину сжигания. Тотчас же перед глазами читателя встанет неприятная сама по себе картина процесса сжигания, затем вспомнится, какое неприятное чувство должны вызывать у зрителей распространяемый запах и разносимый ветром едкий дым. Ко всему этому прибавляется продолжительность процесса и, наконец, смешение пепла и костей сожженного с золой от горячего материала и всякая другая примесь.

Вот эти-то эстетические дефекты и были причиной, почему трупосожигание не находило сочувствия у населения и не могло

привиться, не говоря уже о предрассудках, суеверии, косности и трудности, с которой воспринимаются вообще новые идеи, обычаи и всякие новшества, какими бы целесообразными, разумными, выгодными и удобными они ни были!

Мы подошли теперь к тому моменту, когда человечеству предстояла задача по изысканию способа изжить вышеупомянутые дефекты костра, дабы трупосжигание стало приемлемым культурному человеку.

Изобретатели, техники, химики предлагали разные, изобретенные ими способы для лучшего уничтожения трупа.

Не желая особенно долго задерживать внимания читателя на описании различных предложенных способах, упомянем лишь о некоторых вкратце.

Химики предложили засыпать могилу жженой известью, благодаря чему ускорялся обычный срок разложения. Некто Горини составил особый род лавы, которая при очень высокой температуре должна была быстро, в какие-нибудь минут 20, совершенно уничтожить труп. И много еще других тому подобных проектов. Но все они на практике имели те или иные, в особенности опять-таки не эстетического характера недостатки или были недостаточно экономными. Техники в свою очередь предлагали разного вида, различной конструкции печи, но и они имели недостатки, но все же стало ясным, что разрешить эту задачу может техника, а не химия.

В результате упорных изысканий инженеру Фридриху Сименсу в Дрездене (в Германии), наконец, удалось сконструировать регенеративную печь, которая блестяще разрешила поставленную перед ней задачу и за которую в 1874 году Сименс на конкурсе получил I приз.

Кремация

Для того, чтобы читатель с самого начала получил правильное понятие и представление о кремации и предъявляемых к ней требованиях, считаем важным ознакомить с тем постановлением о кремации, которое было вынесено на упомянутом выше Международном Медицинском Конгрессе в Дрездене 7-го июня 1876 года и ставшее с того времени основой кремационного вопроса.

Постановление это гласит:

1. сжигание должно быть полным, не должно оставаться обугленных остатков;
2. сжигание должно производиться исключительно в специальных кремационных печах;
3. при сжигании не должны образовываться дурно пахнущие газы;
4. зола и пепел должны быть чистыми и белыми, и собирание их должно быть не затруднительным;
5. стоимость кремационной печи и самого сжигания, должны быть возможно ниже;
6. крематорий должен заключать в себе следующие помещения: для отпевания, для сжигания, для медицинских вскрытий трупов, для хранения трупов, для различных подсобных служб и уборных;
7. тело должно сжигаться в раскаленной струе воздуха и генераторных газов, а не в пламени огня.

Отсюда мы видим, что это постановление могло возникнуть только тогда, когда фактически это стало осуществимым и выполнимым, и когда печь Ф. Сименса вполне оправдала возложенную на нее задачу.

Идеал кремации заключается, таким образом, в том положении, чтобы:

1. получить белые, чистые, хрупкие и поддающиеся измельчению легким нажатием кости и пепел, без всякой посторонней человеческому трупу примеси;
2. сжигание должно производиться возможно быстрее;
3. сжигание должно происходить в закрытой камере с тем, чтобы ни чувство зрения, ни обоняния не оскорблялось;
4. продукты неполного сгорания должны выходить наружу через дымовую трубу в виде дыма — в возможно меньшем количестве и возможно менее заметным и не густым;
5. сжигание должно обходиться как можно дешевле;
6. в кремационных печах не разрешается производить сжигания павших животных.

Можно ли этот идеал достичь и как его достигнуть?

Опыт Запада показал, что идеал этот вполне достижим. Лучшие результаты в этом смысле получены германскими крематориями, поэтому полезно привести те правила, которыми там руко-

водствуется администрация крематория и которые обязательны для клиентов его:

а) гроб разрешается только из легких пород дерева, как-то: осина, ель, тополь и т.п., или из гипса, или же из металлических (неизбежных для умерших от заразных болезней или при перевозке из других городов) — из цинкового листа в 1 мм толщиной; крышка гроба из картона удешевляет его стоимость и ускоряет его сгорание;

б) доска нижней части гроба — не толще 18 мм, крышки — 15 мм;

в) размер гроба не должен превышать: длина — 225 см, ширина — 75 см и высота — 72 см;

г) металлические части, как-то: гвозди, проволока, ручки, украшения, ножки — не допускаются; гвозди заменяются деревянными нагелями, ручки и ножки делаются отъемными, украшения могут быть бумажными;

д) лакировка гроба заменяется протравой;

е) нельзя под умершего подкладывать вещества, препятствующие прониканию тепла: подушки с пухом или пером, или соломой, или песком, или золой; допускаются лишь древесные стружки.

ж) одежда, белье и туфли должны быть возможно легче, лучше всего изготовленные из легкой бумаги;

з) живые цветы (букеты или венки) — не сжигаются.

При строгом соблюдении этих правил достигаются наилучшие результаты. Отступление от них немедленно отметится трубой в виде густого дыма или получением вместе с останками умершего посторонних примесей.

Предвидя невольно возникаемый у всякого вопрос: разве сжигают с гробов? Отвечу следующее:

Гроб неизбежен. Без него сжигать лучше, но при соблюдении вышеизложенных предписаний стоимость его сравнительно незначительна, он сгорает в несколько минут и зато с ним связан ряд больших удобств.

Самое главное — гроб неизбежен при транспортировании покойника в крематорий <и> при хранении его там. Кроме того, гроб представляет известные удобства технического характера при вводе в печь для сжигания.

Требуемое получение белых, не обугленных, хрупких костей и пепла возможно, понятно, лишь при высокой температуре. Практика установила, что наилучшей температурой является

860–1100 градусов Цельсия.

При более низкой жаре получают обуглившиеся кости, а при более высокой температуре, хотя она и благоприятнее в смысле ускорения процесса сгорания, тем не менее не допустима, так как при ней фосфорно-кислая известь костей остекловывает их и делает их (например, при 1200 градусах) твердыми.

После взрослого человека остается костей и пепла около 3 литров, весом $1\frac{1}{2}$ – $2\frac{1}{2}$ кило. Многие неправильно предполагают, что кости превращаются в печи в порошкообразный пепел. Нет, это не верно. Кости обязательно остаются, но они настолько пережжены, что крошатся от легкого нажима и при желании легко могут быть измельчены в пепел.

Дав эти общие и основные понятия, перейдем к описанию деталей.

Крематорий

В прежней литературе (например, у инженера Ив. Лаврова в его книге «Трупосжигание и крематории», издание 1908 года (Лавров 1908)) часто крематорий назван «трупосожигательной станцией». Это наименование не правильно. Крематорий – не мусоросжигательная станция, булочная или т. п. Подобное обозначение было бы допустимым лишь в том случае, если в этом здании ничего другого, кроме сжигания, не происходило. Между тем крематорий кроме сжигания предназначается для хранения умерших и для их отпевания. Следовательно, крематорий сравним лишь с храмом, имеющим свою узкую, строго определенную задачу. Неудивительно поэтому, что зачастую его внешнему виду и внутреннему убранству придают церковный характер.

Обыкновенно крематорий представляет собой большего или меньшего размера одноэтажное здание, состоящее из находящей в 1 этаже залы для отпевания (в германских крематориях эта зала называется «Halle») с дополнительными помещениями для ожидания публики, для духовных лиц или оратора, для хранения принадлежностей, для канцелярии, уборных и т. п.

В полуподвальном помещении – в «кремационном отделении» (немцы именуют его «рабочим помещением»), находятся кремационные печи, вернее верхняя их часть с камерой для сжигания, лифт

(подъемник) для подачи гроба в залу для отпевания и для спуска его после прощания с умершим, движущаяся на рельсах каретка, на которую устанавливается с лифта гроб для подачи его к печи и ввода в камеру печи, мастерская для пайки урн и штамповальня для выдавливания прессом на крышках урн данных о сожженном (имя, фамилия, даты рождения и смерти, название крематория и т. д.), наконец, комната для суд.-медицинских вскрытий.

Подвальный этаж отведен для нижней части печи, с растопкой¹³ и с местом для выемки пепла и костей. Здесь же предусматривается место для хранения топлива и другие подсобные службы для обслуживающего персонала.

Очень важно — хорошие вентиляции, освещение, чистота и соблюдение тишины.

Возвращаемся к описанию залы. В глубине ее устраивается катафалк с подвижным полом, который представляет собой площадку упомянутого выше лифта. Помимо этого, катафалк (в виде небольшого возвышения над полом) имеет механически открывающиеся и закрывающиеся двухстворчатые крышки. Механизмом они тесно связаны с лифтом и, при подъеме площадки кверху, створки эти плавно раскрываются, а при опускании подъемника с гробом — закрываются. Это остроумнейшее устройство придает крематорию в смысле производимого на присутствующих впечатления огромное превосходство по сравнению с прощанием и отпеванием на кладбище. Впечатление это тем более усиливается, что отпевание в виде гражданских похорон или по религиозному обряду за границей сопровождается всегда игрой на органе. Протяжные, мощные и в то же время нежные звуки органа, а сплошь да рядом в сопровождении хора или игры на других инструментах (скрипка и виолончель) производят торжественно-подавляющее впечатление, столь подходящее для данного случая, и невольно производящее некоторое успокоение, очень ценное в момент вечной разлуки!

Заметим еще, что катафалк обыкновенно украшают зелеными растениями и цветами, что также производит крайне благоприятное впечатление.

Несколько поодаль от катафалка обычно располагается на некотором возвышении место для оратора, духовного лица или

13 У некоторых систем печей загрузка топливом происходит в верхней части печи.

проповедника. Остальное место занято скамьями или стульями для присутствующих.

При достаточной высоте залы устраиваются хоры, на которых и помещается орган и другие музыкальные исполнители.

Теперь очень принято стены залы использовать под ниши для хранения урн. Это очень остроумно, уместно и не только экономит расходы по украшению стен залы, но служит некоторым источником доходов по отдаче этих ниш в аренду за плату. Для этой же цели, т. е. для хранения урн с прахом в подобных нишах приспособляют специальные комнаты, если это позволяют размеры здания, или же строятся отдельные постройки. Эти комнаты или постройки носят название «колумбария», ибо эти ниши по своей форме напоминают голубиные гнезда, а по-латыни *columbus* означает голубь.

При крематориях всегда имеются и кладбища, и в виду меньшей стоимости по сравнению с нишами колумбария, большинство людей зарывает урночки в могилу, причем на 1 кв. метре разрешается погребать до 15 урн. Могилы эти квадратного вида, немного возвышены (но гораздо ниже наших могильных холмов), обведены бордюром из зелени (травы), без всяких решеток, но с памятниками в виде древнеримских надмогильных урн, или мраморных и гранитных камней (как у нас), или же мраморных плит. Эти последние особенно популярны. На них имеется надпись: «семья таких-то», и затем заносится имя и обычные даты каждого почившего члена семьи, здесь схороненного.

Если к этому прибавить, что место для кладбища выбирается в парковой местности, что повсюду разбиты цветники и кругом имеются зеленые насаждения, что вся площадь строго по известной системе распланирована и в ней отсутствуют могильные решетки, то всякий легко себе представит, что подобное место превращается в парк-сад, производящий крайне приятное, а потому и успокаивающее впечатление на каждого посетителя. Нет тех назойливых решеток, которые у нас на каждом шагу напоминают, что находишься на кладбище.

Несколько слов нужно сказать о распорядке в крематориях.

Все кремационные законы, предусматривая возможность сжечь лицо, уснувшее летаргическим сном, или же умерщвленное насильственно, требуют, чтобы сжигание имело место не ранее 72 часов с момента смерти (т. е. не раньше, как через 3 суток).

Кроме того, требуется представление медицинского свидетельства о причинах смерти, также (во многих странах) предъявления собственноручного письменного согласия на сожжение или же предъявление членского билета кремационного общества.

Остановимся на этом моменте, имеющем, как мы увидим, важное значение.

Начнем по порядку.

Требование о 72-часовом периоде нужно безусловно приветствовать. Действительно, как бы редки ни были случаи летаргического сна, но ведь они возможны, поэтому шансы быть заживо сожженным, благодаря этой предосторожности, сведены на нет. Для лиц, которых преследует эта ужасная мысль быть заживо погребенным, требование о представлении медицинского удостоверения, с одной стороны, и 72-часовой промежуток с другой, несомненно, должны произвести сильно успокаивающее действие, тем более, что даже в случае более продолжительного сна, их успокаивает сознание, что в раскаленной температуре кремационной печи смерть наступит в одно мгновение и не придется испытать тех жесточайших мучений, которые при подобных обстоятельствах имели бы место при обычном земляном погребении.

Имеется еще и другая положительная сторона, которая, впрочем, признается больше нашим рассудком, чем чувством. Необходимость трехдневного пребывания в крематории невольно повлекла за собой обыкновение увоза умершего туда возможно скорее, во избежание сильного разложения. Вначале, поскольку население не привыкло к такому порядку, этот обычай не очень приятен, как противоречащий нашей привычке хранить умершего возможно дольше дома. Со временем, когда так поступают все, этот новый обычай перестает оскорблять чувство родных и все должны признать, что хранение среди живущих умершего небезопасно, в особенности в случаях смерти от заразной болезни, а тем более в наше время (даже и за границей) при жилищном кризисе и скученном житье и подавно, если еще имеются и малолетние!

Следствием этого же предписания явилось и установление, например, в Германии, обычая увозить умершего в крематорий в специальных автомобилях, принадлежащих кремационным обществам, без сопровождения родных, чем достигается огромная экономия денег и времени по сравнению с распространенными

у нас похоронными процессиями. По доставке усопшего в крематорий он хранится там трое суток и в это время родные могут его навещать и совершать религиозные обряды или гражданские похороны. Отпевание происходит, обычно, на третий день до сжигания.

Этим же Обществами для своих умерших членов принимаются на себя совершение всех установленных формальностей, чем оказывается большое облегчение близким и родным. При них же функционируют страховые кассы на случай смерти. Таким образом, в эту чрезвычайно тяжелую минуту родные получают необходимые для погребения деньги. В большинстве случаев члены кремационных обществ пользуются в крематории существенной скидкой, или вовсе сжигаются бесплатно (в Бремене и Штутгарте).

Само собой разумеется, что каждый вновь поступивший в крематорий умерший заносится в специальную книгу за своим очередным номером, и на гроб тотчас же кладется соответствующий номерок из огнеупорного кирпича. С этим номерком гроб вводится в печь и номерок этот извлекается затем вместе с остатками сожженного, благодаря чему избегается возможность смешения остатков разных лиц. Это — деталь, но все же существенного характера.

Читателю, вероятно, интересно будет узнать, что по крематорным правилам двум ближайшим родным разрешается спуститься в «кремационное отделение» и присутствовать при моменте ввода гроба в печь, дабы они могли убедиться, что их умершего действительно сожгли. Жизнь выдвинула это разрешение в силу тех вздорных и нелепых слухов, которые умышленно распускали противники кремации. Из их уст выходила иногда (в начале деятельности первых крематориев) нелепые заявления, что трупы вовсе не сжигаются, а утилизируются на хозяйственные надобности. Еще более вредное влияние оказывало распространение ими лживых слухов, что сжигают живыми. Эти последние возникали на почве их полной невежественности, которая происходила по причине их незнания с физическим законом, по которому под влиянием лучеиспускающей теплоты у каждого трупа обязательно происходит в начальной стадии горения сокращение мышц, выражающееся в движении руками и ногами.

<...>

Кремация с точки зрения санитарии

Научно точно доказано, что химические основные вещества остатков после кремационной печи (кости и пепел) тождественны остаткам, получаемым от разложения и тления трупа. Таким образом, разложение и тление трупа в земле есть ничто иное как процесс горения, при чем в земле он происходит холодным способом и длится медленно, а в крематорной печи – в струе раскаленного воздуха и быстро (в среднем в 35.000 раз скорее!).

Между тем, оба эти почти одинаковые по своим окончательным результатам процесса с санитарной точки зрения имеют существенные различия, а именно: 1) вода и жидкости человеческого организма в печи исчезают в виде пара, в то время как в могиле они вытекают и примешиваются к почвенным водам; 2) вредные болезнетворные бактерии живут в могиле – одни дольше, другие меньше – и могут представить при неблагоприятных условиях известную опасность; в раскаленной же струе воздуха кремационной печи, они все немедленно погибают; 3) в случаях смерти от заразных болезней кремация и связанная с ней необходимость скорого увоза в крематорий – не заменима.

Если принять даже современную точку зрения гигиенистов, опровергающих точку зрения прежних ученых, что кладбища представляют опасность для живых, то укажу, что все же это отсутствие вреда от кладбища признается с оговоркой: «если кладбищенское хозяйство ведется по правилам гигиены!». А если нет, тогда оно может представить опасность?

Несомненно.

Вот поэтому знаменитый Вирхов о кремации высказался, что она «при всех случаях безопасна для живых!»

Итак, несомненно, кремация – идеальный способ погребения с точки зрения санитарии и не случайно поэтому, что Наркомздрав горячо поддерживает этот способ.

Вопросы религии и кремация

В исторической справке о трупосожигании упоминались уже причины возникновения среди приверженцев христианской религии неприязненного чувства к этой форме погребения. Главную роль

в этом отрицательном отношении сыграло, конечно, духовенство. Особенно ярко сказалось оно, как помнит читатель, в эпоху Карла Великого, издавшего в 785 году свой знаменитый декрет против трупосожигания на костре, под влиянием духовенства.

И нужно сказать, это свое недоброжелательное отношение духовенство перенесло через тысячелетие и на кремацию. Именно католическое духовенство и поныне является самым ярким противником кремации. Впрочем, нельзя обойти молчанием того любопытного факта, что первые 10 лет существования крематория, т. е. с 1876 г, кремация получила у духовных лиц, по крайней мере, у некоторой ее части, полное признание. Выразилось оно не только в принятии активного участия при отпевании, но, что любопытнее всего, и в завещании некоторых представителей духовной власти предать себя огненному погребению! И, действительно, известны случаи применения кремации к умершим духовным лицам. Особенно же часто прибегали к сожжению католических миссионеров, умерших в Японии, где трупосожигание сильно развито. Урны с их пеплом привозились на их родину для хранения в монастырях или церквях! Так продолжалось вплоть до 1886 года, когда глава церкви своим декретом от 19 мая запретил католикам вступать в члены кремационных обществ, а духовенству возбранялось не только сжигание, но даже принятие участия в отпевании в крематории!

В чем же кроется причина этой резкой перемены?

Причина же заключается в следующем. В 80 годах усилилась деятельность итальянских масонов по борьбе с суевериями и предрассудками, в значительной степени прививаемыми и поощряемыми со стороны духовенства. В кремации же масоны видели культурный фактор в этой борьбе, а потому и рекомендовали кремацию. Этого было вполне достаточно, чтобы, не считаясь со всеми преимуществами этого способа погребения, глава католической церкви издал упомянутый декрет.

Идея же эта находила сторонников не только среди католического населения, но также среди высокопоставленных лиц духовного звания. И, хотя католическая церковь и не любит признавать своих ошибок, тем не менее в 1892 году пришлось уступить давлению и пойти на некоторый компромисс. Заключался он в том, что духовным лицам предоставили некоторую свободу действия, если «имеются основания для предположения, что умерший подвер-

гается сожжению под чьим-нибудь давлением, а не по собственной воле» или «если возможно допустить, что умерший взял свое распоряжение о сжигании обратно, если бы пришел в сознание» и т.п. С тех пор никаких изменений больше не произошло, благодаря чему кремация относительно слабо развивается в тех странах, где преобладает влияние католического духовенства над светской властью (Италия, Франция, Испания, Бельгия, Австрия).

Еще более консервативными оказались старый синод, как представитель Православной Церкви, и еврейское духовенство. И тот и другой ни на какие компромиссы не соглашались. Исключительно отрицательное отношение синода стояло на пути к введению кремации в России. Неудивительно поэтому, что одним из первых шагов организовавшегося в 1918 году Народного Комисариата Здравоохранения было проведение через Совнарком при горячей поддержке Ленина, декрета о кремации.

Во враждебную оппозицию встало сперва и евангельско-лютеранское духовенство. Вскоре же передовая его часть, признала кремацию не противоречащей догматам религии. В августе 1925 года на путь признания встал и глава греко-католической церкви патриарх в Бухаресте (в Румынии).

Нужно сказать, одним из главных доводов оппозиции является ссылка на изречение «земля есть и в землю отыдеши», которое в сущности не соответствует точному переводу и смыслу первоисточника. Дело в том, древнееврейское слово *afar* в точном переводе обозначает «прах» или «пыль», лежащую на дороге, но никак не «землю». Да и по своему смыслу изречение это имеет в виду «прах», вернее «ничтожество» человека, но отнюдь не погребальную форму!

Наукой же точно установлено, что разложение, гниение и тление тождественны процессу горения и что остатки трупa в земляной могиле по своему химическому составу вполне одинаковы с химическим составом костей и пепла, остающихся после кремационной печи. Таким образом, при той или другой погребальной форме человек превращается в «прах», и с этой стороны никакой разницы нет между кремацией и могилой. Да и в Библии, или в Талмуде, или в других церковных писаниях нигде трупосожигание не запрещается, да и нигде нет указаний считать зарывание в могилу единственной или обязательной формой погребения. В наш век материализма, научного и трез-

вого подхода к самым разнообразным вопросам — нет места предрассудкам, суевериям и мистике. Учитывая, однако, нашу отсталость, косность, порой глубокое невежество и некультурность, при которых особенно прочно уживаются всевозможные предрассудки, очень важно и целесообразно указать так же еще на одну ошибочную и нелогичную аргументацию противников кремации, касающуюся веры в «воскрешение из мертвых». В самом деле, духовенство безоговорочно допускает возможность «воскрешения» превратившегося в прах погребенного в землю, или утонувшего в море, или сгоревшего на пожаре и делает исключение для кремационной печи! Почему? Да вероятно просто потому, что остатки после кремации реально показывают, во что превращается умерший, а при земельном погребении можно оставаться при приятном заблуждении! Утопленников же или сгоревших на пожаре очень мало, да и редко кому приходится сталкиваться с этим зрелищем.

Во всяком случае считаем нужным успокоить горячих противников, что нигде кремация не введена, как обязательная форма погребения. И у нас она будет добровольной. Да и никто из разумных сторонников кремации не предполагает сделать ее единственной погребальной формой. Все стремление сторонников заключается в предоставлении возможности желающим, а таких немало, уберечь себя от отвратительного, медленного горения холодным способом в могиле.

В нашу эпоху победоносного пробивания знанием дороги даже в гущу наиболее отсталой части населения, знаменем которой становится просвещение и наука — нет у нас больше места для суеверий, предрассудков и косности! Вместе с автомобилем, трактором, электрификацией — дорогу кремации!

Архитектура и художественная промышленность — и кремация

Те задачи, которые стоят перед кремацией, не могли не сказаться на внешнем и внутреннем устройстве и виде крематория.

Привоз умершего, его хранение и, наконец, отпевание предъявляют определенные требования к подобному зданию. Они,

в значительной степени и предрешили специальный стиль, выработавшийся за границей. Во многих городах придали крематорию церковный характер, в других пошли по пути новых изысканий и нашли новое архитектурное выражение (например, Дрезденский или Штутгартский крематорий), третьих удовлетворил стиль музейный (например, Миланский или Цвикауский крематорий), четвертых он заставил воскресить античный вид храма (например, крематорий в Гейдельберге или в Маннгейме), а остальные — по мере сил своего небольшого бюджета строили незатейливое здание, (крематорий и Деосау) и т. д.

Во всяком случае, архитектурному творчеству дан введенным кремации новый импульс.

То же случилось и с художественной промышленностью.

Столь естественное желание придать красоту и приятный вид месту хранения любимого усопшего заставило работать художников над созданием бесчисленного множества всевозможных видов, форм, размеров — урн, надгробных памятников, а также плит, за которыми в нише в колумбариях хранится прах.

И в этом смысле за кремацией имеются определенные заслуги.

Судебная медицина и кремация

Среди противников кремации в прежнее время играли немаловажную роль представители судебной медицины. Главная их аргументация — невозможность после сожжения установить признаки преступления и причины смерти. При земельном погребении вопрос этот разрешается просто: вырой могилу, извлеки труп и произведи необходимое исследование.

Теперь судебные медики переменили свой взгляд и против кремации не возражают, но требуют сжигания через три дня и обязательное представление медицинского свидетельства лечащего врача о причинах смерти.

В чем же кроется перемена взгляда?

Нужно начать с того, что статистикой точно установлена цифра подобных случаев, когда приходится извлекать для исследования труп давно уже погребенного. Оказывается, в Англии 1 вырытие — приходилось на 1 миллион похороненных, а в Германии на 600 000. Понятно отсюда, насколько это старый мотив малозна-

чуший по сравнению с преимуществами кремации.

Затем выяснилось, что растительные яды мало чем отличаются от продуктов разложения, и химические анализы не редко не могли дать определенного и точного ответа, имело ли в данном случае место отравление, а минеральные яды большей частью обнаруживались, когда на то были показания судебно-медицинских вскрытий.

Следовательно, былые возражения совсем отпали.

<...>

Кремация и СССР

Вопрос о введении кремации в России подымался с конца 80-х годов. Этому вопросу посвящались доклады, статьи в периодической печати и журналах. Многие коммунальные деятели возбуждали его неоднократно (в особенности в Ленинграде в связи с тяжелым положением тамошних кладбищ), наконец, он рассматривался в I и III сессиях Государственной Думы по инициативе Министерства внутренних дел. Несмотря, однако, на все его преимущества и пример Запада, вопрос этот наталкивался на упорство со стороны Синода и ему не суждено было осуществиться.

Только при Советской власти, а именно 7 декабря 1918 года, кремация была у нас декретирована. 24 января 1919 года в Ленинграде Советом Комиссаров Северной Области был одобрен и утвержден проект создания постоянной комиссии по постройке Государственного Крематория и Морга в Ленинграде. Комиссией этой был объявлен архитектурный и технический конкурсы. В результате Комиссией были одобрены, а Исполкомом Ленинградского Совета утверждены к постройке архитектурный проект крематория гражд<анского> инж<енера> А. Г. Джорогова и техн<и-ческий> проект печи профессора Горного Института В. Н. Липина, и для этой цели был предназначен митрополичий сад Александрo-Невской Лавры на Обводном канале. Тяжелое экономическое положение страны (годы блокады, разрухи, голода и эпидемии) не дали возможности осуществить эту задачу: Комиссия, принимая во внимание острую необходимость в огненном погребении, приняла решение довольствоваться пока временным, опытным

крематорием. По 14 линии Васильевского Острова был найден остов дома бывших бань, который и решили использовать для намеченной цели.

С марта 1920 года приступили к строительным работам, и уже 14 декабря 1920 года было совершено первое сожжение и вплоть до 21 февраля 1921 года в нем было произведено 379 сжиганий, из коих 241 умерших от заразных болезней и 16 согласно их завещанию. 361 урна захоронены, 4 замуравлены в стену и 14 выданы на руки родным. Вследствие оказавшихся дефектов, с 21-го февраля 1921 года крематорий закрыт. Теперь вновь решен вопрос о постройке нового крематория в Ленинграде.

Президиум Моссовета вынес постановление о необходимости введения у нас кремации и постройки крематория. Сейчас идут работы по приспособлению церкви Нового Донского кладбища под крематорий. Печи уже заказаны. Таким образом, недалеко уже то время, когда мы в этом отношении приобщимся к культуре Запада.

Нельзя обойти молчанием еще и следующее важное обстоятельство. 19 октября 1924 года Государственным Институтом Социальной Гигиены при Наркомздраве была организована в Москве, на Петровке, 14, специальная выставка по кремации, богато обставленная экспонатами и всесторонне освещающая этот вопрос.

С августа 1925 года в несколько уменьшенных размерах она превращена там же в постоянный отдел выставки. Каждый интересующийся этим вопросом должен ее посетить, дабы получить полное представление об этом интересном вопросе, которому на всех культурных языках посвящено более 1.500 книг и брошюр и большое количество специальных ежемесячных журналов.

Среди экспонатов этой выставки имелся художественно-исполненный плакат, в краткой и сжатой форме выясняющий весь смысл, всю суть и все преимущества кремации, а потому считаем полезным ознакомить с его содержанием наших читателей. Благодаря ему лучше выявится и запомнится содержание этой книги. Плакат гласит:

КРЕМАЦИЯ:

1. идеальнейший способ погребения;
2. абсолютно удовлетворяет всем требованиям санитарии;

3. разрешает земельно-кладбищенский кризис городов;
4. незаменима при эпидемиях, войнах, народных бедствиях;
5. рассеивает вековые предрассудки;
6. наиболее красивый, целесообразный и дешевый способ погребения;
7. разрешает вопрос легкого и дешевого способа передвижения останков;
8. вносит упрощение в быт похорон, удешевляет их и сберегает время родных;
9. служит источником для архитектурного, технического, художественно-промышленного творчества;
10. признак высокой культуры.

Заключение

Умершему или подлежащему полному разложению, тлению и уничтожению трупу глубоко безразлична погребальная форма, погребальные обычаи и где, когда и как будет происходить процесс разложения. Об этом, конечно, двух мнений быть не может.

Между тем еще с древнейших времен погребальные обряды и обычаи занимали в числе разных бытовых и религиозных явлений немаловажное место. Им уделялось и много времени, и много забот, и приносилось много материальных и других жертв. Сохранилось это и поныне. И нужно отдать себе полный отчет в том, что в корне всех этих проявлений, забот об ушедших в сущности лежит глубокая мысль, имеющая своею целью служение живым людям, а иногда даже связанная с великими идеями. И в данном случае, и крематорий, и сложные кремационные печи, и урны, и отпевания, и все тому подобные заботы о мертвом — они нужны только живым людям и только для живых людей предназначены! Это основное положение прошу читателя хорошо усвоить и запомнить, в особенности всех тех, которые будут причастны к кремационной деятельности и к пропаганде этой идеи! Только при этих условиях возможно будет избежать всех тех ошибок, которые могут послужить во вред распространению и популяризации этого нового дела. Руководствуясь же этим положением, можно заранее предсказать успех, так как тогда, даже при малом знакомстве с этим многосторонним вопросом, инстинкт невольно подскажет

правильный путь. Попутно позволю себе остановиться на некоторых моментах, которые особенно необходимо иметь в виду.

Не подлежит сомнению, что эти заботы прежде всего продиктованы естественным чувством родных и близких выказать ушедшему навсегда всю свою любовь, свое уважение, свое почтение и, может быть, желание загладить свою ту или иную вину, совершенную при его жизни. Несомненно, сознание невозвратимой утери любимого, дорогого и близкого человека, ухода его навсегда, чувство полного своего бессилия вернуть его причиняют одно из самых острых и мучительных страданий, а потому к осиротевшему невольно должно проявляться со стороны людей чувство жалости, сочувствия и отзывчивого отношения.

Все это вместе взятое и должно быть положено в основу кремационного дела. Нужно поэтому избегать мрачных построек, наоборот, крематорию с наружной и внутренней его стороны необходимо придавать приятный, успокаивающий вид, равно, как и всей окружающей обстановке, кладбищенскому парку и колумбария. Мир, тишина, покой должны здесь царить в полной мере. Чистота и опрятность и подавно. Обращение лиц, причастных к администрации крематория — сугубо вежливое, внимательное и предупредительное. А задача Общества, если таковое будет существовать, сделать все возможное, дабы облегчить положение родных в смысле принятия на себя выполнения всех формальностей и устройства похорон, удешевив все расходы, связанные с ними, и оказать материальную поддержку путем устройства страховых касс, как это практикуется на Западе.

Итак, запомним, что кремация, в качестве задачи коммунальных хозяйств и санитарно-гигиенических органов, есть признак большой культурной заботы о населении со стороны государства.

Источники

ГАМО — Государственный архив Московской области.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Декреты 1968 — Декрет СНК О кладбищах и похоронах//Декреты Советской власти. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968.

Литература

Белякова 2013 — Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2013.

БСЭ 1937 — Кремация//Большая советская энциклопедия. Т. 34. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, 1937.

БСЭ 1973 — Кремация//Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 13. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973.

Кашеваров 1999 — Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999.

Кугушева 2013 — Гвидо/Кугушева Н.Л. Проржавленные дни. Собрание стихотворений. Directmedia, 2013.

Лавров 1908 — Лавров И.М. Трупосожигание и крематории/Ив. Лавров, инж. Моск. гор. управы. М.: Гор. Тип., 1908. 57 с.

Мемориал — Общество «Мемориал», проект «Жертвы политического террора в СССР»//Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/>.

О христианском погребении усопших 2015 — О христианском погребении усопших//Электронный ресурс. Режим доступа: <http://prichod.ru/church-documents/21417/>.

Олещук 1927 — Олещук Ф. Огненное погребение//Безбожник. 1927. № 15.

Панченко-Панченко 1996 — Панченко А.А., Панченко А.М. Осьмое чудо света//Полярность в культуре. Альманах «Канун». 1996. Вып. 2.

Правдзик 1892 — Кремация: Крат. обзор ист. фазисов ее распространения и подроб. описание приборов, применяемых в настоящее время: Из отчета по поездке за границу с ученою целью гражд. инж. Б. Правдзика. СПб: Тип. В.И. Штейна, 1892. 45 с.

Рубашева 2003 — Рубашева Н.М. Штрихи к биографии/Кугушева Н. Некрашенные весла: Первая книга стихов (1920–1956). М.: ПалЕАтиТ, 2003.

Семашко 1924 — Можно ли сжечь тело Ленина?//Рабочая Москва. 1924. № 21 (583).

Соболев 2013 — Соболев А. Биографический очерк/Кугушева Н.Л. Проржавленные дни. Собрание стихотворений. Directmedia, 2013.

Шкаровский 2006 — Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией//Клио. 2006. № 3.

Davis-Mates 2005 — Encyclopedia of Cremation. Edd. Douglas J. Davies with Lewis H. Mates. Routledge: 2005. 516 pp.

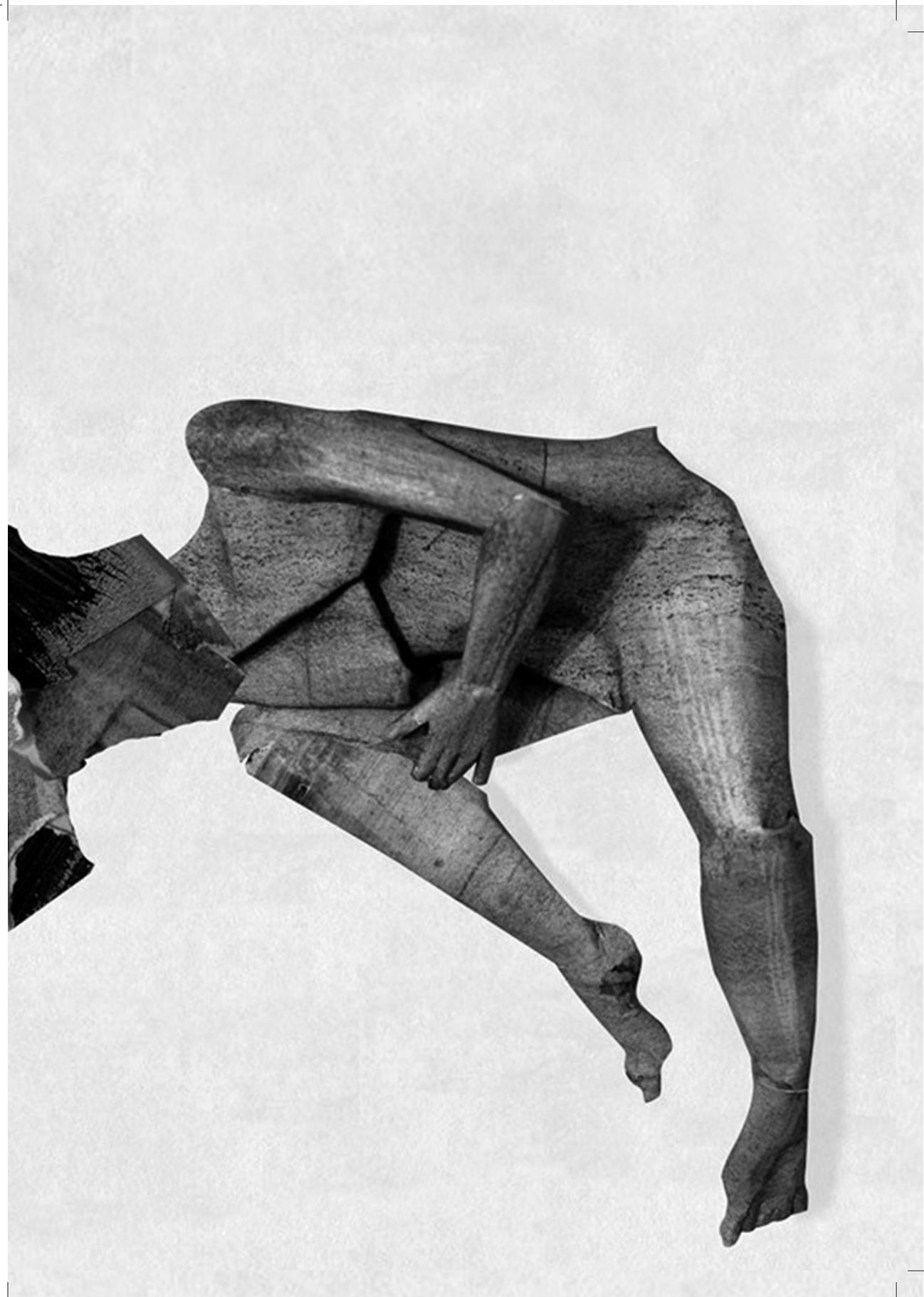

Дмитрий Рогозин

**«Эти вопросы мне
не нравятся...»: высказывания
русскоязычной
интернет-аудитории
о кремации**

Мы задали русскоязычным интернет-пользователям несколько вопросов о кремации. Опрос проводился в течение восьми дней, за которые было собрано 4306 анкет, из которых 3263 (80 %) заполнены полностью.

Опрос проведен среди аудитории лояльной тематике кремации (V) и готовой рассуждать о способах погребения, отстаивать свою позицию, критиковать мнения собеседника. Исходя из полученных данных можно предположить, что всего 5 % пользователей Рунета отрицательно относятся к кремации (I). Подавляющее большинство опрошенных толерантны распространению кремации в России (III). Самая лояльная и одновременно сомневающаяся аудитория в отношении к кремации – женщины в возрасте от 18 до 35 лет (VI). Вместе с тем, вопросы кремации наших собеседников не волнуют (II), особого интереса к способам захоронения у них нет. Даже лояльно настроенные собеседники не готовы к разговору о личном погребении, выбору между погребением и кремацией (VII). Похоже, пройдет ещё немало времени, прежде чем «добрый отзыв о кремации» станет частью повседневного разговора россиян.

(I) Всего 5 % пользователей Рунета отрицательно относятся к кремации

Сразу отметим, что само приглашение участвовать в опросе специфической тематики, опубликованное в соцсетях, может влиять на структуру участников опроса. Если вопрос острый и важный для сообщества, на распределении голосов сказывается мнение включенных и информированных участников. Также, если тема сложная, но её значимость или оценка важности собственного мнения низкие, выборка будет смещаться в сторону позитивно или, как минимум, лояльно настроенной группы. Такие перекосы следует учитывать, поскольку наш опрос зафиксировал значительное смещение в сторону позитивных ответов.

Среди тех, кто заполнил всю анкету – 81 % относится положительно к кремации, среди частично заполнивших – 70 %. Доля отрицательных оценок примерно одинакова в двух группах, а вот доли с безразличным отношением и затруднившихся ответить в них разнятся (Табл. 1).

Таблица 1: Распределение ответов на вопрос об отношении к кремации

Как вы относитесь к идее кремации в качестве способа погребения?	Результат прохождения опроса*		Итого
	Полная анкета (n=3263)	Неполная анкета (n=736)	
Положительно	81%	70%	78%
Отрицательно	5%	6%	5%
Безразлично, затрудняюсь ответить	15%	24%	17%
Итого	100%	100%	100%

* Здесь и далее в таблицах жирным шрифтом выделены ячейки, в которых стандартизированный остаток больше двух по модулю, что указывает на высокую статистическую значимость наблюдаемых различий.

На основе этих данных можно сформулировать гипотезу о чрезвычайно низкой доле негативного отношения к кремации среди пользователей Рунета.

(II) Невнимание к вопросу о кремации, нежелание отвечать на него больше связано с безразличным, нежели отрицательным отношением к кремации.

Эта гипотеза опирается на предположение, что ответы прервавших заполнение анкеты не сильно отличаются от тех, кто игнорировал опрос. Если доля положительных и безразличных ответов отличается между группами полностью заполнивших анкету и частично, то отрицательное отношение к кремации стабильно, и мы можем предположить об устойчивом его измерении. Итак, при том, что вопросы кремации мало интересуют пользователей Рунета, всего 5 % относится к ней отрицательно.

По двум содержательным вопросам о кремации зафиксированы изменения всех вариантов ответов среди полностью и частично заполнивших анкету. Это вопрос о личных предпочтениях

погребения (Табл. 2) и вопрос о желании или нежелании больше узнать о кремации (Табл. 3). В обоих случаях полностью ответившие на анкету статистически значимо отличаются в своих мнениях от ответивших частично.

Таблица 2: Распределение ответов на вопрос о личных предпочтениях погребения

Что бы вы выбрали для себя — кремацию или погребение в землю?	Результат прохождения опроса*		Итого
	Полная анкета (n=3263)	Неполная анкета (n=692)	
Кремацию	71%	62%	69%
Погребение в землю	10%	15%	11%
Мне все равно, затрудняюсь ответить	19%	24%	20%
Итого	100%	100%	100%

* Здесь и далее в таблицах жирным шрифтом выделены ячейки, в которых стандартизированный остаток больше двух по модулю, что указывает на высокую статистическую значимость наблюдаемых различий.

Нестабильность ответов о выборе способа личного погребения объясняется, скорей всего, нетипичностью и «неприемлемостью» рассуждений о собственных похоронах. Респонденты склонны иронично относиться к подобной постановке вопроса, что более всего проявляется в выборе варианта «другое» (не учитывается в приведенной выше таблице): «стать удобрением для дерева», «отдать тело на растерзание науки», «отправить останки в космос», «сжечь в жерле вулкана», «скинуть в море или отдать медикам» и т. д.

Таблица 3: Распределение ответов на вопрос о желании больше узнать о кремации

Хотели бы вы больше знать о кремации?	Результат прохождения опроса*		Итого
	Полная анкета (n=3263)	Неполная анкета (n=498)	
Да	57%	38%	55%
Нет	31%	46%	33%
Затрудняюсь ответить	11%	16%	12%
Итого	100%	100%	100%

Возможно, что вопросы кремации и практик захоронения не интересуют пользователей Рунета не столько из-за незначительности самой темы, сколько из-за отсутствия конвенционального языка и комфортного контекста для обсуждения этой темы.

(III) Среди опрошенных доминирует толерантное отношение к распространению кремации

В оценке развития кремации в России (Табл. 4) и отношению к хранению праха близкого человека дома (Табл. 5) нет значимых различий между заполнившими всю анкету и частично.

Таблица 4: Оценка развития кремации в России

Как вам кажется, может ли кремация получить широкое распространение в России?	Результат прохождения опроса*		Итого
	Полная анкета (n=3263)	Неполная анкета (n=582)	
Да, может	71%	62%	69%
Нет, не может	10%	15%	11%

Затрудняюсь ответить	19%	24%	20%
Итого	100%	100%	100%

Чуть более половины опрошенных допускает широкое распространение кремации в России. Лишь 26 % говорят о невозможности такого сценария и 20 % затрудняются с ответом. Вопрос о возможной транспортировке праха отражает утилитарный подход к захоронению. Более половины опрошенных склонны воспользоваться компактным способом перемещения к месту захоронения останков умершего близкого человека (Табл. 5).

Таблица 5: Отношение к возможной транспортировке праха

Если ваш близкий человек умер вдалеке от предполагаемого места захоронения, будете ли вы пользоваться кремацией для облегчения транспортировки?	Результат прохождения опроса*		Итого
	Полная анкета (n=3263)	Неполная анкета (n=537)	
Да, буду	59%	55%	59%
Нет, не буду	11%	12%	11%
Затрудняюсь ответить	30%	33%	30%
Итого	100%	100%	100%

Эти данные косвенно указывают на отсутствие какого-либо ярко выраженного неприятия кремации. Во-первых, больше половины опрошенных допускают принятие кремации другими (Табл. 4). Во-вторых, в случае трудности транспортировки, кремацией готовы воспользоваться значительная (до 59 %) часть опрошенных. Другими словами, среди пользователей Рунета доминирует толерантное отношение к распространению кремации.

(IV) Подавляющее большинство пользователей Рунета не готовы хранить прах близкого человека дома.

Ответы о готовности хранить прах близкого человека дома неустойчивы. Люди, прервавшие заполнение анкеты, реже отвечают положительно, нежели те, кто прошёл анкету полностью: 15 % против 20 % соответственно (Табл. 6).

Таблица 6: Распределение ответов на вопрос о возможности хранить прах близкого человека дома

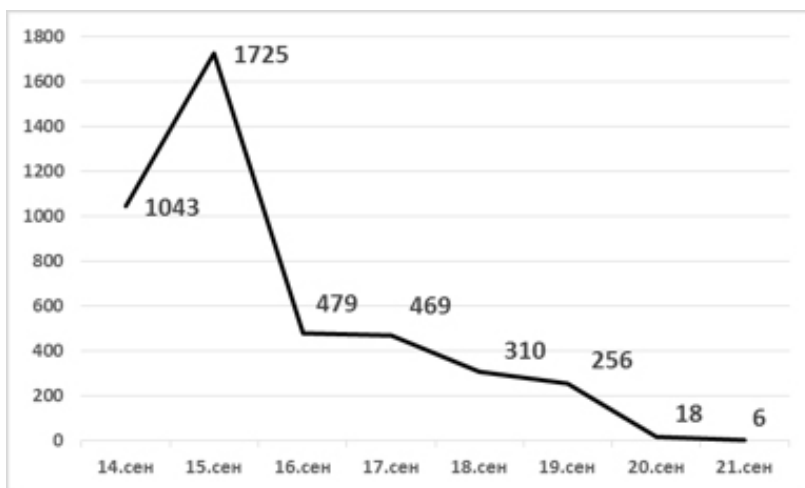
Готовы ли вы хранить прах близкого человека дома?	Результат прохождения опроса*		Итого
	Полная анкета (n=3263)	Неполная анкета (n=516)	
Да, готов	20%	15%	20%
Нет, не готов	69%	73%	69%
Затрудняюсь ответить	11%	12%	11%
Итого	100%	100%	100%

* Здесь и далее в таблицах жирным шрифтом выделены ячейки, в которых стандартизированный остаток больше двух по модулю, что указывает на высокую статистическую значимость наблюдаемых различий.

Вопрос воспринимается странным и подчас неуместным, поскольку лишь единицы задумывались о такой возможности ранее. Положительные ответы указывают скорее на общее толерантное отношение к альтернативным способам поддержания памяти, нежели на предполагаемые практики. В анкете не хватает вопросов о фактическом опыте обращения с умершими и участия в похоронах, но уже из имеющегося набора ответов можно предположить о незначительных вариациях в обращении с усопшим, допустимых по мнению опрошенных. Итак, подавляющее большинство пользователей Рунета не готовы хранить прах близкого человек дома.

(V) Опрос проведен среди аудитории,
лояльной тематике кремации

В опросе об отношении к кремации приняли участие 4306 человек, перейдя по ссылкам из 13 организованных для этого площадок (коллекторов), на которых было размещено приглашение к участию в опросе. Выбор последних определялся личными отношениями и симпатиями, поэтому проектируемая выборка относится к типу *конформных* как со стороны респондентов, так и организаторов опроса. На второй день опроса пришлось максимальное количество переходов – 1725. За два первых дня собрано 2768 анкет, что составило 65 % от всего числа. Опрос длился 8 календарных дней, но, практически, был завершён на шестой день, к которому было собрано 4282, или 99 % анкет.

Количество полных и прерванных анкет

Несмотря на непривычные вопросы, коэффициент заполнения анкет, или отношение полных анкет к общему количеству переходов к анкете (с ответом на первый вопрос), высок для онлайн опросов, и составляет в среднем по всем коллекторам 0,8 (Табл. 7). Это косвенно указывает на высокую лояльность аудитории задаваемым вопросам, отсутствие даже у негативно настроенных к кремации респондентов, отторжения и раздражения к обозначенной теме.

Таблица 7: Полностью заполненные и прерванные анкеты по коллекторам*

Коллектор	Полная анкета	Неполная анкета	Всего	Коэффициент заполнения
Реклама в FB	893	590	1483	0,6
Такие Дела (FB)	783	151	934	0,8
Такие Дела (VK)	424	88	512	0,8
С. Мохов (FB)	369	56	425	0,9
Медиазона (Twitter)	320	67	387	0,8
Necrosociology (VK)	118	26	144	0,8
Фаланстер (VK)	110	17	127	0,9
Медиазона (VK)	103	18	121	0,9
Такие дела (Twitter)	88	12	100	0,9
Циолковский (VK)	23	8	31	0,7
Фаланстер (FB)	16	8	24	0,7
Медиазона (FB)	13	2	15	0,9
Циолковский (FB)	3	0	3	1,0
Всего	3263	1043	4306	0,8

* Коллектор – выделенный источник демонстрации ссылки на опрос и перехода на него респондентов.

Нам не известно число людей, которые посмотрели предложение принять участие в опросе и не отреагировали на него. Однако для коллেকтора таргетированной рекламы в Фейсбуке мы знаем количество переходов, которые не всегда приводили к началу заполнения анкеты. Всего было произведено 2370 кликов на ссылку, а заполнено 893 анкеты. Соответственно коэффициент заполнения в этом случае равен 0,4, что точнее отражает поведение типичных, не связанных какими-либо отношениями и обязательствами с организаторами опроса респондентов в интернет-среде.

(VI) Самая лояльная и одновременно сомневающаяся аудитория в отношении к кремации — женщины в возрасте от 18 до 35 лет.

Основной состав опрошенных — женщины 18–35 лет. В половозрастной структуре выборки их количество в разы превышает остальные группы и занимает 51 %. Среди же группы отрицательно относящихся к идее кремации в качестве способа погребения женщин от 18 до 35 лет уже 39 %, в то время как среди положительно относящихся — 53 % (Табл. 8). Любопытно, что обратная тенденция наблюдается среди женщин в возрасте от 36 до 55 лет — в группе с положительным отношением к кремации их 17 %, с отрицательным — 30 %.

Таблица 8: Отношение к кремации в качестве способа погребения среди мужчин и женщин разных возрастов

Пол и возраст	Как Вы относитесь к идее кремации в качестве способа погребения?			Всего (n=3263)
	Положительно (n=2627)	Отрицательно (n=148)	Безразлично или 3/О (n=488)	
Мужской, 18-35 лет	19%	14%	21%	19%
Мужской, 36-55 лет	5%	9%	6%	5%

Мужской, более 56 лет	1%	1%	2%	1%
Женский, 18-35 лет	53%	39%	48%	51%
Женский, 36-55 лет	17%	30%	16%	17%
Женский, более 56 лет	7%	7%	7%	7%
Всего	100%	100%	100%	100%

* Здесь и далее в таблицах жирным шрифтом выделены ячейки, в которых стандартизированный остаток больше двух по модулю, что указывает на высокую статистическую значимость наблюдаемых различий.

Женщины в возрасте от 18 до 35 лет не только положительно относятся к кремации, но и хотят больше узнать о ней. В группе, проявившей интерес к новой информации о кремации, женщин 18–35 лет 59 %, в группе не проявивших интерес – всего 36 % (Табл. 9). Во всех остальных половозрастных категориях доминирует отсутствие интереса к вопросам кремации.

Таблица 9: Желание узнать больше о кремации среди мужчин и женщин разных возрастов

Пол и возраст	Хотели бы Вы больше знать о кремации?			Всего (n=3263)
	Да (n=1876)	Нет (n=1015)	З/О (n=372)	
Мужской, 18-35 лет	20%	18%	16%	19%
Мужской, 36-55 лет	3%	9%	6%	5%
Мужской, более 56 лет	0%	2%	1%	1%

Женский, 18-35 лет	59%	36%	53%	51%
Женский, 36-55 лет	13%	25%	17%	17%
Женский, более 56 лет	5%	11%	7%	7%
Всего	100%	100%	100%	100%

Вместе с тем, именно женщины 18–35 лет чаще других половозрастных групп сомневаются в возможном распространении кремации в России. Среди согласных с широким распространением кремации женщин этой возрастной группы 49 %, среди несогласных – 58 % (Табл. 10).

Таблица 10: Оценка распространения кремации, сделанная мужчинами и женщинами разных возрастов

Пол и возраст	Как Вам кажется, может ли кремация получить широкое распространение в России?			Всего (n=3263)
	Да, может (n=1756)	Нет, не может (n=854)	З/О (n=653)	
Мужской, 18-35 лет	20%	19%	14%	19%
Мужской, 36-55 лет	6%	3%	6%	5%
Мужской, более 56 лет	1%	1%	1%	1%
Женский, 18-35 лет	49%	58%	50%	51%
Женский, 36-55 лет	18%	13%	20%	17%

Женский, более 56 лет	6%	6%	9%	7%
Всего	100%	100%	100%	100%

Исходя из имеющихся распределений можно предположить, что самая лояльная и одновременно сомневающаяся аудитория в отношении к кремации – женщины в возрасте от 18 до 35 лет.

(VII) Даже лояльно настроенные собеседники не готовы к разговору о личном погребении, выбору между захоронением тела или кремацией

Согласно методическим рекомендациям о проведении онлайн-анкетирования, в анкету встроено два открытых вопроса, в которых респондентам предоставлялась возможность высказать своё отношение к вопросам и прокомментировать общий дизайн анкеты. Подобное решение позволяет собрать критические замечания, комментарии, мысли и идеи, не уместяющиеся в стандартизированные варианты ответов. Мы выделили три наиболее частотных предмета критики.

Во-первых, отторжение рационального подхода к кремации, возможности взвешенного выбора того или иного варианта погребения, исходя из экономических соображений. Погребение воспринимается как чрезвычайно значимое событие, разговор о котором невозможен в логике товарно-денежных отношений, удобства или качества.

Во-вторых, выбор способа погребения по мнению критиков анкеты следует отдавать умершему. Одновременно, сами отвечавшие чаще затрудняются выбрать способ собственного погребения. Таким образом, создается область умолчания и конвенционально непринятого решения. Только человек может решать, как его должны хоронить, но он не может это сделать по тем или иным соображениям.

«Это чушь какая-то и полное неуважение к умершему. Кремация – такой же ритуал, а не экономия на перевозке. Кремировать человека можно только если он сам этого хотел».

«В вопросе о кремации близкого человека вдалеке от дома нет варианта ответа: в зависимости от заранее озвученного им желания, если таковое было».

В-третьих, отсутствие опыта обсуждения похорон приводит к негативному восприятию анкеты в целом. Критикующие респонденты не видят смысла в задаваемых вопросах, пытаясь реконструировать задачи исследования, они вменяют организаторам опроса прагматические или маркетинговые цели.

«Опрос по интонации был похож на «в каком супермаркете вы обычно покупаете продукты?»»

«Совершенно не понимаю, зачем заводить этот разговор, если только не в качестве агента по предложению услуг крематория».

«Знаете, ваши вопросы звучат очень навязчиво, такое чувство что вы «продавцы кремации»».

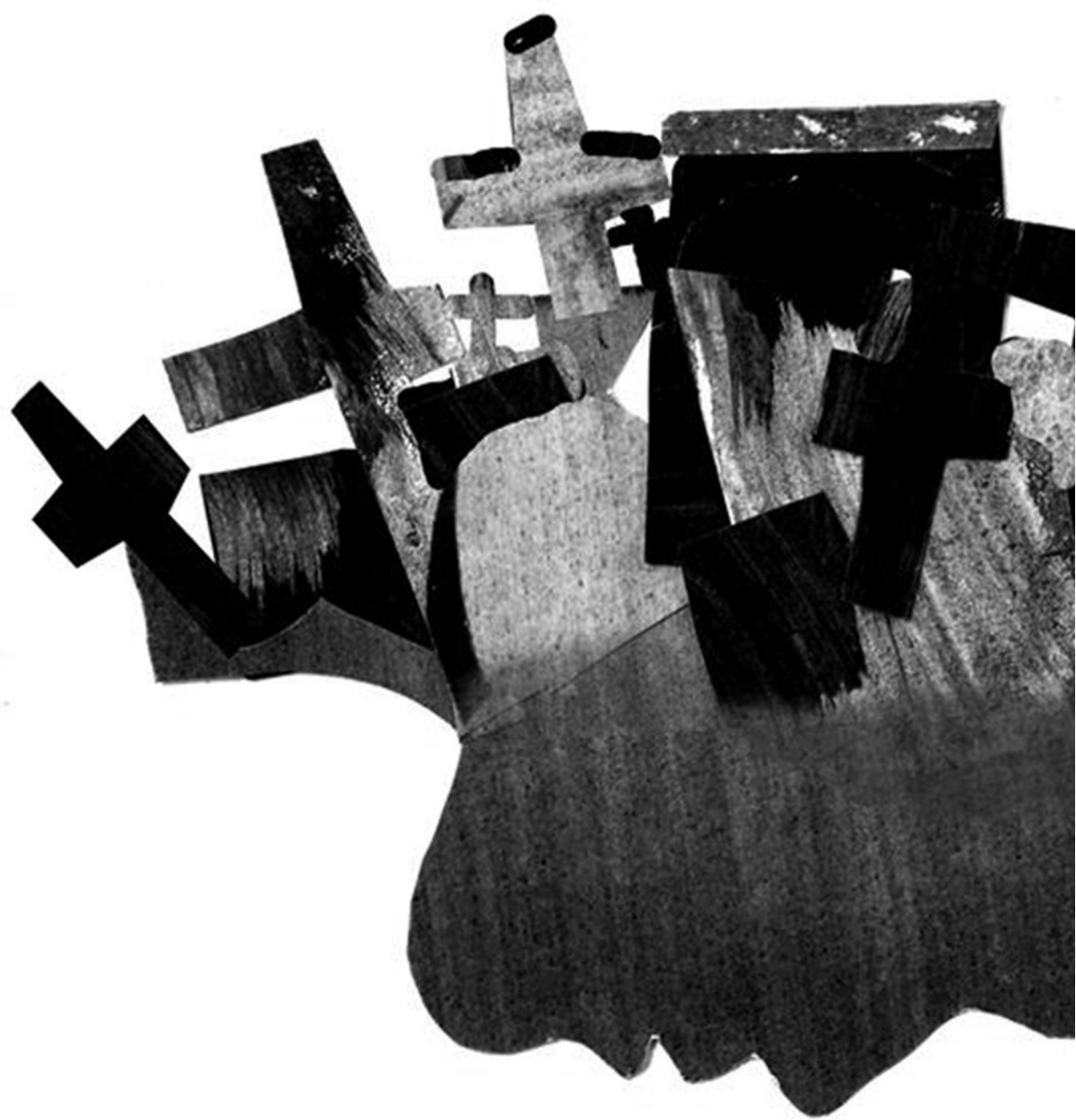
«Мне эти вопросы не нравятся, от них веет маркетингом похоронных услуг».

«Вопросы слишком прямолинейные, кажется, что вы продаете урны».

Даже лояльно настроенные собеседники не готовы к разговору о личном погребении, выбору между захоронением тела или кремацией. Они сводят разговор на шутки или занимают позицию отрицающего субъекта, отрицающего какую-либо значимость рационального подхода к погребению. Несмотря на весьма значительное количество комментариев, поддержавших исследование, выразивших надежду на продолжение подобных проектов и проявивших интерес к полученным результатам, общий критический настрой доминирует и определяют опрос как «исследовательскую блажь» или прямой коммерческий заказ не слишком искушенного в вопросах поставщика ритуальных услуг.

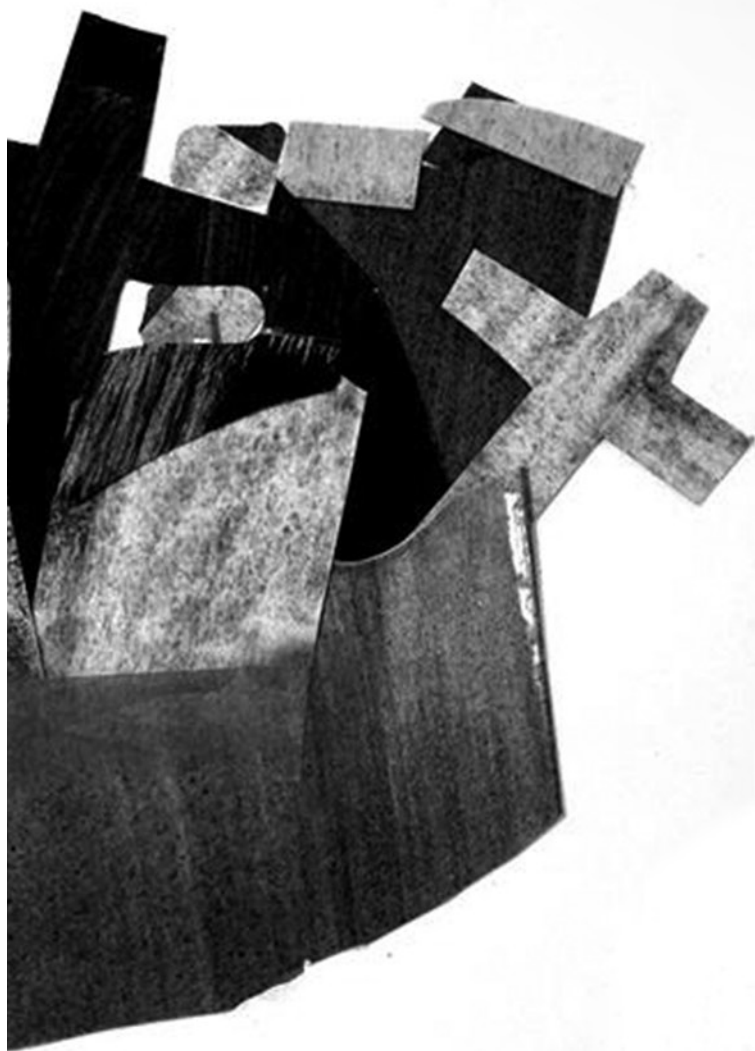
Я признателен моей коллеге Марине Вырской за организацию полевых работ и проведение статистических расчетов, а также Ольге Пинчук за кодирование открытых вопросов и внимательное отношение к письменной речи респондентов.

Анна Маляр

Машина де-организации. Кремация в экспертном дискурсе

Кремирование многократно становилось объектом интереса исследователей танатических областей — антропологов, социологов, историков — как, прежде всего, социальный ритуал и система действий, детерминированных религиозными, этическими, экологическими факторами. Мы попробуем сместить перспективу анализа и поговорить о современных смыслах кремации как об операции с материальностью мертвого тела, его субстанциональном, вещественном преобразовании.

Классические социальные исследования кремации касаются прежде всего археологических и этнографических описаний кремационных практик, в том числе восстановленных на основе артефактов той или иной культуры, практикующей кремацию. Другой влиятельный сегмент исследований материальных аспектов кремации включает методологии и результаты изучения кремированных останков в целях судебной и физической антропологии. Рискнем предположить, что изыскания в области кремации ожидает своеобразный *материальный поворот*, стирающий радикальные различия между вещами, смыслами и дискурсами (см., например, исследование культурного контекста кремационной архитектуры [Danielsson 2009]).

Вводя вещественное измерение в исследовательский фокус, мы вступаем в проблемную область взаимодействия органической и неорганической материи. Область, в которой проекты синтетических продуктов питания, органического топлива, бионических протезов, секс-манекенов и т. п. неизбежно провоцируют научные и обывательские дискуссии. Здесь необходимо понять, в каких именно дискурсивных структурах становится возможным распространение кремационной практики [Sørensen & Rebay 2008: 60]. Это, в свою очередь, поможет выяснить, в чем и как выражаются (дискурсами, визуальностью и системами действий) социальные смыслы кремации в современной России. Безусловно, мы не претендуем на сколь-нибудь полный охват этой проблемы — в наших силах описать лишь несколько наблюдаемых эффектов, предложить интерпретационные модели, а также выяснить, каким образом экспертный дискурс крематория репрезентирует преобразование мертвого тела в ходе кремации.

Кто говорит?

Экспертные дискурсы в нашем случае представлены корпусом текстов, в которых кремация предъявляется профанной аудитории профессиональным сообществом практиков — работниками крематориев. Экспертный дискурс, таким образом, формирует место, где метанарративы и материальная практика (манипуляции с телом-вещью) смыкаются с логикой адресата дискурса — тех, к кому обращены рассуждения о кремации и крематории.

В настоящее время экспертный дискурс о кремации развивается в контексте конкурентных отношений между услугами традиционного захоронения и кремацией тела (см. исследования российских рынков ритуальных услуг [Мохов 2016; Моисеева 2010], выявляющие стихийность и неформальность взаимодействий контрагентов и преобладание неформальных механизмов регуляции). Также кремация настойчиво представляется как «современный» способ погребения, но его отношения с актуальными образами современности противоречивы.

В Новокузнецке, одном из объектов нашего исследования, крематорий работает с 2002 года. В настоящее время около половины похорон в этом городе происходит с использованием кремации. Серия интервью с жителями Новокузнецка (взяты в 2016–2017 годах) о предпочитаемом ими способе распоряжения их телом после смерти¹ дала вполне предсказуемый для исследователя в области социологии смерти реестр мнений². Предпочитающие кремацию говорили об удобстве (прежде всего для родственников) этой процедуры, о своем безразличии к соблюдению похоронной традиции и даже (несколько бравируя) к возможности бытия после смерти. Предпочитающие погребение ссылались на религиозную (христи-

1 Исследование Евгении Климовской методом глубинного интервью, Новокузнецк, N = 18.

2 Паралингвистические наблюдения в ходе интервью этой и смежной тематики (собственная смерть, обращение с мертвым телом и т.д.) давали в нашей практике едва ли не более богатый материал, чем содержание высказываний информантов, в частности — произвольный смех информантов, нередкий в обсуждении сенситивных тем. Более того — реакция смеха возникала в ходе представления результатов исследования в самым серьезным образом настроенных аудиториях — в ходе конференций и защиты квалификационной работы. В итоге часть данных была представлена докладом на юмористической «антинаучной» конференции вуза.

анскую) аргументацию, отрицающую возможность воскрешения сожженного тела. И хотя дискурсы экспертов, в том числе работников крематория, местами более любопытны, в целом в вопросах кремации наблюдается относительное однообразие «профанной» и экспертной речи: обыватели, конечно, не знают технических или юридических тонкостей кремации, но концептуально их отношение к феномену кремации аналогично экспертному.

Приступая к анализу экспертного дискурса важно учитывать следующее:

- Конкурентный контекст задаёт парарекламную прагматику экспертных высказываний, а при кажущейся нейтральности технических подробностей исследованные тексты имеют отчетливый агитационный характер, порождающий очевидные аналогии с советской пропагандой «огненного погребения» в конце 1920-х — 1930-е годы [Соколова 2013; Малышева 2016].
- Корпус дискурсов, положенных в эмпирическую основу исследования, составляют публичные ненаведенные³ тексты о кремации (всего 26 текстов⁴) — информационные справки на корпоративных сайтах, реже публицистика. Тексты, репрезентирующие экспертный дискурс, удовлетворяли следующим двум критериям: 1) они профессионально маркированы источником размещения (корпоративные сайты действующих российских крематориев и похоронных домов) и статусами информантов — сотрудников крематориев; 2) они описывают материальные аспекты процесса кремации. Тексты, посвященные другим аспектам кремации (нормативно-правовые особенности погребения, способы захоронения праха, религиозные воззрения на кремацию и прочее) из анализа исключались.
- Разделение в экспертных текстах практического (технологии кремации и сопутствующих процедур — подготовки тела, оказания специфичных услуг и т. д.) и спекулятивного уровней (режимов и структур говорения о кремации, её репрезентации) не отрицает того, что материальная практика кремации (техника, механизмы, вещи) порождается спекулятивным дискурсом о ней, более того — несколькими конкурирующими дискурсами.

3 Ненаведенные — тексты, созданные независимо от исследователя.

4 С перечнем источников первичных данных можно ознакомиться в конце статьи.

- Анализируя настойчиво повторяющиеся фрагменты экспертных дискурсов, можно выявить детерминирующие их социальные структуры и культурные смыслы аналогично тому, как повторяющиеся мотивы в речи пациента психоаналитик сочтет симптомами неосознаваемых состояний. Так, неявные на первый взгляд нарушения логики высказываний о кремации могут выявить в их семантике социальные и культурные детерминанты, которые и формируют специфику экспертного (и не только) дискурса о кремации.

Гигиена — современность — экономика

Содержание большей части экспертных текстов о кремации однообразно и сводится к двум-трем опорным (возможно — прецедентным) текстам, которые по разному дублируются и копируются в источниках⁵. Однообразие текстов, доходящее до тождества, говорит об однородности соответствующего кремации дискурса-строю. Как правило, эти тексты содержат определение кремации как вида захоронения с описанием её преимуществ относительно погребения тела; реже — поэтапное описание хода кремации. В качестве коммерческого предложения кремация, как услуга, снабжается следующими набором «привлекательных» концептов — гигиеничность, современность, дешевизна.

Что означают эти понятия применительно к кремации?

Семантика концептов решена экспертным дискурсом следующим образом: гигиеничность кремации понимается как «экологическая *безопасность*» или «экологическая *чистота*», деликатно определяемая как «*возвращение тел природе*». Антропологический смысл этих клише становится более стройным, если связать понятие *экологической безопасности* с биополитическими интенциями, которые анализировал Мишель Фуко [Фуко 2010: 90], *чистоту* — с упорядочиванием оскверненного [Дуглас 2000], *возвращение природе* — с принципом обратимого дара [Годелье 2007: 110, 187].

Как бы то ни было, скрытое нарушение логики очевидно уже здесь, ведь традиционный способ захоронения через погребение

⁵ Одинаковое содержание текстов делает бессмысленным ссылки на них; в дальнейшем будут цитироваться со ссылкой только оригинальные тексты.

тела в землю выглядит не менее «экологичным» в смысле замещения мертвого тела агентами биоценоза — червями, насекомыми, грибами и т. д. [Чебанов 1995]. Похоже, что значения понятий «чистоты», «безопасности» и «возвращения» в контексте именно кремации детерминируются какими-то весьма специфичными культурными условиями формирования дискурса о ней. В этом смысле мы вправе трактовать «чистоту» и «безопасность» кремации как элементы современного биополитического нарратива утилизации мертвых тел, гигиенически и психически безопасной для живых граждан, что соответствует модернистской парадигме «совершенной технологии», в которой интерпретировалась кремация последние сто лет. С другой, и это усложняет картину, практика кремации отсылает к очень архаичным структурам, речь о которых пойдет позже.

Попытка экспертного дискурса вписать практику кремации в большой модернистский нарратив приводит к расщепленному, двойному её положению. С одной стороны, подчёркивается её современный характер в противоположность традиционному, *устаревшему* захоронению в землю. С другой, с помощью поверхностных исторических экскурсов обосновывается её традиционность, прежде всего через признание кремации традиционными конфессиями (или, в случае христианства, молчаливое допущение её), и даже через восстановление посредством кремации «древних традиций России» — семейных захоронений. Также кремация легитимируется ссылками на «мировую практику», на то, что это «принято во многих странах», на её *автоматизированность* и *высокотехнологичность*. Однако, с учетом появления новых способов захоронений в последние десятилетия (промессия, заморозка тела, ресомация и др.), тезис об особой современности кремации сомнителен. Возможно, его некритичное восприятие вызвано тем, что дискурс о кремации сформирован относительно давно и, как в случае любого функционального и экономически востребованного дискурса, его успешное воспроизводство сопровождалось идейной консервацией.

Экономическая выгода кремации — одно из ее главных конкурентных преимуществ. Здесь на сцену выходит адресат кремации, потенциальный потребитель этой коммерческой услуги. Практически все сайты российских крематориев и аффилированных структур содержат коммерческие предложения минимальной

стоимости кремирования, тарифы и онлайн-калькуляторы похоронных услуг, снабженные указаниями на их более низкую, чем в случае традиционного погребения, цену. Дешевизна, как правило, перечислена лишь в ряду других преимуществ кремации. Это вполне объяснимо: с субъекта, делающего выбор, необходимо снять вину за расчетливое поведение в ситуации траура, симулируя большой диапазон всяческих обоснований выбора кремации ради сокрытия главного — ее относительно низкой стоимости.

Итак, такие компоненты дискурса, как экономичность и экологичность кремации, призваны снять имплицитную вину субъекта дискурса и заказчика за выбор/предложение кремации в качестве способа захоронения. Другая дискурсивная тактика оборачивает индивидуальный выбор уже в коллективную «правильную» стратегию через концепт «экономики кремации»: здесь выгодной для заказчика оказывается не только стоимость, но и в целом практика кремации как для локального, так и для глобального сообществ. В качестве аргументов перечисляются сэкономленные площади захоронений («уменьшает площадь погребения в 100 раз»), экономия муниципальных бюджетов на покупку земли и обустройство кладбищ, минимизация загрязнений природных ресурсов, экономия времени утилизации тела (вместо 50 лет — до 2-х часов). Выбирающий кремацию, таким образом, приобщается к сообществу экологически передовых субъектов и участвует своим выбором в благородном начинании во имя будущих поколений. На место заботы о себе приходит забота о человечестве.

Машина-крематор

Собственно кремация репрезентирована Машиной: её устройство и технические характеристики описываются экспертным дискурсом весьма подробно. Семиотически Машина не тождественна кремационной печи; кремационная печь — лишь одно из ее воплощений. Каков прагматический смысл такой репрезентации, какой выигрыш получает дискурс?

С одной стороны, Машина должна представить кремацию как «научный», «автоматический», классово и социально нейтральный процесс, ускользающий от инстанций власти и субъективных оценок. Машина придает высказываниям экспертную весомость.

С другой — она присваивает функциональные статусы живым и мёртвым действующим лицам, участникам кремации: дискурс обретает акторов и становится реальным действием.

Типичное описание кремационной печи и технологии кремации имеется примерно в половине корпоративных текстов. Приведем часто встречающийся отрывок: «Печи (в других вариантах — «кремационные установки» — прим. автора) отвечают мировым стандартам в области экологической и промышленной безопасности. Процесс кремации на данном типе печей проводится в автоматическом режиме, исключая возможность смешения праха. С началом кремации температура внутри печи возрастает до 872–1092 градусов Цельсия. В зависимости от модели кремационной печи для кремирования тела взрослого человека средней комплекции требуется от 80 до 120 минут».

Значительно реже описание дополняется подробностями, иллюстрирующими эффективность кремации: подача большей части жара на торс тела (ускоряет сгорание), блокировка загрузочной двери печи (обеспечивает безопасность сотрудников и невозможность кремирования дополнительных, загруженных после тела вещей), специальные транспортеры для загрузки гроба (снижают потери тепла), использование магнитов для изъятия из праха металлических частей.

Таким образом, на дискурсивном уровне Машина кремации предстает как не столько технологический, сколько экономический механизм, макдональдизирующий⁶ работу с мертвым телом: преобразование тела описывается набором точно калькулируемых параметров (тексты изобилуют градусами, минутами, процентами и т. д.) и стандартных автоматических (автономно машинных, одинаковых) операций. Эффективность в рамках этой новой экономики кремации (ускорение времени, объёмов, снижение издержек) аналогична производственной эффективности.

Подводя итог, можно говорить о следующих ключевых факторах экономики кремации: это *биополитическая экономика* обществен-

6 Макдональдизация (англ. McDonaldization) — понятие, впервые использованное американским социологом Джорджем Ритцером в его книге «Макдональдизация общества» [Ritzer 1993]. Процесс распространения ресторанов быстрого питания сети «Макдональдс» отражал, по мнению Ритцера, развивавшего идеи Макса Вебера, базисные принципы модернистских «ультра-рациональных» обществ.

ной гигиены (безопаснее для населения, меньше отягощающих социум издержек), которая вытесняет (но не отрицает) собственно финансовую экономию отдельного потребителя (кремация «дешевле»), плюс производственная экономика Машины (больше сожжённых тел, более быстрое сгорание, экономия энергии).

Еще один признак Машины кремации – её автоматизм и автономность. Экспертные дискурсы содержат только безличные глагольные формы и возвратные глаголы: не работники загружают тело и сжигают его, но это делает сама Машина (тело «должно быть помещено», температура «возрастает», прах «помещается», гроб «подаётся» в печь, металлические предметы «изымаются» из праха и т. д.). Работники крематория в рамках дискурса отсутствуют – действующими фигурами являются только Машина и преобразуемое тело, которое «приходит» в крематорий и само «заезжает» в Машину (не случайно упоминаются автоматические транспортеры и погрузчики). Работник одного из крематориев описывает прощание с умершим так: «там у нас красиво очень: оно (тело) уезжает само, то есть кнопочку нажимают, занавес опускается. Потом тело уходит в печь, в случае если она свободна, у нас три печи, а если печь несвободна, то тело уходит в холодильник и ждет своей очереди»⁷.

Отметим, что машина-крематор как метафора модернистского индустриального нарратива подразумевает именно преобразование тела-вещи в отличие от символической череды состояний умершего в случае доиндустриальных похорон, реализуемой через различные метафоры – дороги в загробный мир, нового рождения, возвращения и иных принципиально обратимых состояний. В контексте такого индустриального нарратива вполне логично, что советской пропагандой кремации отчасти двигал пафос освобождения от телесных канонов буржуазных предрассудков посредством необратимой переплавки мещанского тела в пролетарский прах.

Наконец, результатом работы Машины является максимально рационализированное пространство колумбария – универсального хранилища стандартных калькулируемых объектов.

Следующий аспект кремации – это идея индустриального преобразования в ходе кремации *тела как сырья*.

7 Интервью с работником крематория Новокузнецка [Климовская 2016: 59].

Де-организация тела-вещи

Машина-крематор работает с телом-вещью: для анализа метаморфоз тела мы абстрагируемся от фигуры умершего и покажем, что химические и физические процессы, сопровождающие сжигание трупа, также культурно конституированы.

В экспертном дискурсе сожжение тела, как правило, описывается термином «минерализация», определение которого в текстах отсутствует, но который концептуально связан с традиционным погребением: он тождествен ему в цели «возвращения тела природе (земле)», но занимает меньше времени («срок минерализации останков сокращается с 50 лет до 1 часа»). Таким образом, различие между кремацией и погребением артикулируется чисто количественным ускорением. Вся последующая логика дискурса, однако, опровергает это: речь идет прежде всего о процессе, превращающем «нечистую», «нестабильную», «заразную» органику трупа в безопасный и функционально конвертируемый субстрат, удобный для дальнейшего обращения, в том числе в качестве коммеморативного объекта⁸. Такая социальная валидность принципиально отличает кремированные останки от замороженного или законсервированного тела и его фрагментов, которые потенциально могут быть восстановлены как учебный препарат, но как компактная, наглядная, вещественная память об умершем использоваться уже не могут.

Но в чем состоит качественное отличие кремированного праха от других форм существования мертвых тел? Согласно исследованным текстам, минерализация в ходе кремации подразумевает два одновременных процесса. Во-первых, упрощения вещества — разделения сложных комплексов на простые компоненты. Во-вторых — преобразования «живой», органической материи в неорганический минеральный прах. Уникальные свойства кремированного праха вытекают из социального измерения этих метаморфоз.

Первое значимое свойство праха — его однородность. Тело человека является многомерным семиотическим пространством: знаково интерпретироваться могут как разные биологические признаки вроде фигуры или цвета кожи, так и символы, нанесен-

⁸ Здесь и далее, говоря о коммеморативных объектах (символах памяти), мы имеем в виду современные практики скорби посредством артефактов — фотографий, поделок, игрушек и т.д. [Арьес 1992: 478].

ные на тело посредством макияжа, татуировок, одежды, украшений [Михель 2003]. Кремация уничтожает семиотику тела-знака, тело как улику⁹, предавая огню телесные означающие: сожженное тело уже не означает ничего, кроме единственного референта кремированных останков – собственно умершего. Другими словами, кремированные останки символизируют умершего, который лишен собственного тела. Подобная радикальная редукция влечет запрет кремации тел, семиотика которых юридически проблематична – это тела с неустановленной причиной смерти и так называемые «криминальные трупы».

Экспертный дискурс настойчиво акцентирует эту однородность праха. Во-первых, всячески дисциплинируя тела в ходе подготовки к процедуре кремирования (снятие металлической фурнитуры гроба, запрет на кремирование тел с электрическими протезами и т.д.). Во-вторых – послекремационной обработкой: сортируя прах после кремации, удаляя металлические предметы «специальным магнитом», перемалывая останки в однородный «порошок». Отметим, что две последние операции, не имея гигиенического или экономического смысла, реализуют фантазматические желания субъекта – желание очищения и однородности. При этом, симулируя однородное вещество, дискурс неуклонно следует довольно своеобразному запрету на «неправильную терминологию»: как гласят экспертные тексты, «вопреки распространенному мнению, в процессе кремации не образуется “пепел”». С учетом нейтрального, словарного значения пепла как пылевидного серого остатка сгорания чего-либо, за запретом называть останки «пеплом» просматривается попытка сместить терминологию кремации из области чисто материальной практики в некий символически размеченный ландшафт, где смыслы этих слов четко различаются. Таким образом, «прах» как означающая, опорная инстанция возникает в месте разрыва материальной и дискурсивной практик.

Какую функцию выполняет концепт однородности праха? Однородность делает невозможной различение: волосы, плоть, кровь, прах разных тел, прах тела и других вещей редуцируются в некое однородное вещество. Здесь кремация отменяет не только семиотику тела, но и его морфологию, сворачивая всю сложность орга-

9 Мертвое тело как инстанция вины уличает причину смерти и виновных — см. практику криминального сожжения тела.

нической машинерии в простую субстанцию «порошка». Редукция необратима: в отличие от биологического разложения и ритуалов культурного прощания с умершим, кремация не позволяет вернуть предшествующие состояния тела, возродить организм с помощью генетического материала, восстановить внешний облик умершего на основании его останков, «прокрутить» назад этапы распада его плоти. Здесь мы имеем дело с радикальной, безвозвратной отменой тела и в качестве означающего, и в качестве структуры. Аналогом кремации как операции уничтожения означающего может быть растворение тела в кислоте, при котором также остается только одно означающее — сам акт растворения.

Заметим, что потеря тела как целого вовсе не означает потерю функции. Наоборот, будучи сыпучей субстанцией, кремированный прах буквально иллюстрирует определение смерти как «рассеяния жизни» [Чебанов 1995]. Так, прах одного человека может быть разделен на любое количество частей («тело разрушается на мелкие фрагменты»), каждая из которых тождественна всем остальным (и праху в целом) в качестве коммеморативного объекта: симптоматические отношения между мертвым телом и его фрагментами сменяются метонимическими, пронизывающими все частицы праха. Это свойство представлено ценным конкурентным преимуществом: получатели праха могут хранить части праха в разных местах¹⁰. В максимальной степени метонимика праха достигается его развеянием, в котором концентрируется фантазматическое желание субъекта полностью рассредоточиться в пространстве. Пушечный залп или фейерверк из праха¹¹ — яркие примеры реализации таких фантазмов.

Следующее значимое свойство кремации — дискретность. Как способ утилизации мертвого тела, кремация призвана раздробить целое на предельно маленькие части. Но, в отличие от естественного распада органики с его континуумом бесконечных стадий биоразложения, кремация бинарна и мгновенна: тело или сожжено полностью, или нет. Уничтожение тела Машиной-крематором

10 Что кажется странным, например, директору крематория во Владивостоке: он задается вопросом, как разделение праха соотносится с целостностью «духа умершего».

11 Способ обращения с прахом, предположительно (по данным информантов) практикуемый в странах Западной Европы.

должно происходить как можно более быстро, с минимальным числом промежуточных стадий¹². По этой причине экспертный дискурс настойчиво сообщает о скорости минерализации останков и ускорении их сгорания с помощью сверхвысоких температур, направленного жара и т. п.

Более сложным является вопрос сепарации праха, затрагивающий крайне важную для дискурса проблему телесного домена — границ кремированного тела. Один из лейтмотивов экспертного дискурса — убеждение адресата в невозможности смешения праха разных тел. Гарантией того, что прах одного человека будет надежно отделен, выступают заверения, что «специальные конструктивные элементы исключают возможность смешения праха одного усопшего с другим», «прах собирается в специальный мешочек, таким образом, смешать прах разных умерших невозможно» и т. д.¹³. Прах фантазматически конституируется дискурсом как аналог умершего тела, притом, как коммеморативный, функционально значимый объект. О наличии в прахе остатков сгоревшего гроба, одежды и других материалов, дискурс умалчивает. Таким образом, адресат дискурса должен воспринимать кремированный прах как символически воссозданное тело умершего¹⁴. Примечательно, что расчленение тела для ускорения кремации экспертный дискурс называет «совершенно неприемлемым»¹⁵.

Другой, этический аспект телесного домена связан с запретом на кремирование животных в крематориях. Сожжение трупов животных в символическом пространстве крематория дискурс однозначно трактует как нарушение чистоты человеческого праха: «с точки зрения этики и культуры похорон, кремация животных в крематориях, где кремируют умерших людей, недопустима»¹⁶.

12 Фантазм мгновенного сгорания реализован, в кинематографических сценах взрыва автомобиля, бомбы и т. д.

13 Важную функцию контроля выполняют также металлические номерки.

14 Своеобразной иронией является практика погребения, в том числе, с помощью кремации, тел-химер, когда биоматериал одного умершего помещается в тело другого умершего.

15 Высказывание директора новосибирского крематория.

16 Ответ представителя крематория на вопрос о возможности кремировать животное.

Именно эта идеология и прагматика очищенного от всех знаков, выхолощенного и редуцированного тела является обоснованием «высокой культуры» кремации, заявленной экспертным дискурсом: кремация называется «высококультурной традицией прощания с покойным», обещает «высокую культуру погребения», словно травестируя леви-строссовскую дихотомию «сырого» и «приготовленного», культурного [Леви-Стросс 2006].

**Социальная валидизация праха:
«кремация подкупает чистотой»¹⁷**

Ядро кремации как преобразующей процедуры – это де-организация тела, физическое изъятие из него органического, средоточия нечистой, гниющей, «заразной» семантики («Органические вещества в прахе полностью отсутствуют, поэтому прах совершенно безопасен в инфекционном смысле»). Органика, плоть, выделения, следы – опасность, которую нужно минимизировать. Неоднородность и дефектность органики подчеркивается высказываниями экспертов: наличие определенных болезней ускоряет или замедляет горение, меняет цвет пламени.

Кремация конвертирует тело в фантазматический образ чистой, гомогенной, отделенной от среды субстанции, которая готова к социализации: ее можно хранить, передавать другому, даже продавать, что с обычным трупом делать крайне трудно или невозможно. Аналогами кремации в предшествующих культурных парадигмах следует считать метонимические мемориальные объекты (хранение, например, волос умершего в качестве «чистого» субститута мертвеца), посмертные фотографии и слепки.

Де-организованный прах из мемориального объекта становится материалом, универсальной субстанцией, которой можно придать любую форму и функцию: скульптуры, украшения, грифельного карандаша, искусственного алмаза. Возможно, подобное использование праха иллюстрирует попытку вернуть его в поле капиталистического дискурса как «объект со стоимостью». Другой вариант – обратная перверсия тела в «органический» режим, который порождает «жуткие» постфольклорные сюжеты, например – об из-

¹⁷ Формулировка директора владивостокского крематория.

готовлении мыла из жировой ткани людей¹⁸, или об использовании волос умерших для косметического протезирования. В обоих случаях мыло и волосы символически уничтожают тех, кто будет ими пользоваться: читатель призван ужаснуться мерзости «человеческого» мыла, хотя броши, сделанной из пепла¹⁹, он ужасаться не обязан.

Социальные практики, связанные со смертью и умиранием, амбивалентны. С одной стороны, они стараются скрыть смерть от взгляда наблюдателя. С другой — они методично экспонируют смерть, открывая ее взгляду Другого. Они потаённые и навязчиво визуальны одновременно. Современное кремирование наследует этой амбивалентности: символическая стадия перехода тела в другое состояние открыта наблюдателям (близким умершего или даже самому умершему, который санкционирует кремацию) через подписание похоронного договора, подбор похоронной атрибутики и т. д. А вот стадия субстанционального преобразования (сгорания) тела должна быть сокрыта Машиной-крематором.

Режим видимости инсценирован дискурсом следующим образом. Современные крематории предлагают услугу «просмотра» (входящую в ритуал прощания или дополнительно к ней): наблюдатели могут видеть, как гроб заезжает в печь. Экспертный дискурс артикулирует это как визуальный, символический аналог погребения: «близкие покойного проходят в комнату, из которой через бронированное стекло наблюдают за загрузкой гроба в кремационную печь. Данный ритуал сравним с опусканием гроба в могилу на кладбище, когда участники похорон сопровождают своего близкого до последних мгновений его присутствия в этом мире»²⁰. Наблюдатель защищен от зрелища сгорания трупа временным лагом (по словам информантов, сожжение зачастую происходит через несколько часов после ритуала прощания, в порядке очереди), а также механически — бронированным небольшим окном (вспомним о «заразности» мертвого тела). В интервью сотрудники крематория говорят о желании некоторых посетителей увидеть процесс сгорания трупа, но они табуируют

18 Использованный, в частности, А. Бирсом и Ч. Палаником.

19 Другая распространенная тактика «органической» герильи — плюнуть в суп — также эксплуатирует нечистоту телесности Другого.

20 Описание процедуры кремации на сайте новосибирского крематория.

его как этически недопустимое и технически неисполнимое²¹. Невозможность *прямого взгляда*²² компенсируется визуальной избыточностью инфраструктуры ритуала: крематории имеют «изысканные интерьеры залов прощания, в материалах отделки которых использовались уральский камень, чугун, бронза и даже мореный дуб»²³.

Итак, экспертный дискурс о кремации структурно однороден. Типичной чертой обследованных текстов является акцент на техническом описании кремации с помощью наборов калькулируемых величин, позволяющих описывать кремацию как экономически эффективный процесс, сопровождаемый семантикой гигиеничности, современности, дешевизны, скорости.

Внутреннее устройство дискурса сосредоточено на Маши-не-крематоре, осуществляющей квазииндустриальное преобразование мертвого тела. Машина должна редуцировать тело до социально и биологически безопасной, неорганической субстанции, однородной, дисперсной и дискретной, а также обеспечить это преобразование соответствующими режимами видимости и не-видимости.

В целом можно констатировать противоречивость экспертного дискурса о кремации, вызванную, предположительно, сосуществованием альтернативных *похоронных парадигм* в пределах одного сообщества. Способом преодоления этой противоречивости является наложение (зачастую алогичное) нескольких экономических логик и культурных обоснований, легитимирующих кремацию и преобразование мертвого тела в пепел. Открытым остается вопрос, подчиняется ли материальная инфраструктура кремации этим дискурсивным структурам, или сама порождает их.

21 Интервью с работником новокузнецкого крематория (Климовская 2016: 59).

22 Дэнилсон отмечает, что современный ритуал кремации проектируется таким образом, чтобы факт сгорания тела игнорировался или исключался чувствами наблюдателей; в то время как архаичные обряды кремации предполагали организацию целого представления, комбинирующего звуковые и обонятельные эффекты за счет подбора сортов древесины, ароматных растений и т. д. [Danielsson 2009: 68].

23 Описание екатеринбургского крематория на корпоративном сайте.

Литература

- Danielsson 2009 — Danielsson, Ing-Marie. A rare analogy. Contemporary Cremation Practices. In Back Danielsson, I.-M., Gustin, I., Larsson, A., Thedéen, S., & Myrberg, N. (Eds.). On the Threshold: Burial Archaeology in the Twenty-first Century. Stockholm, 2009.
- Ritzer 1993 — Ritzer, George. The McDonaldization of society: An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social. LifePine Forge Pr., 1993.
- Sørensen & Rebay 2008 — Sørensen, M.L. S., Rebay K.C. From substantial bodies to the substance of bodies: analysis of the transition from inhumation to cremation during the Middle Bronze Age in Central Europe. In D. Borić and J. Robb (eds). Past Bodies. Body-Centred Research in Archaeology. Oxford: Oxbow, 2008, pp 59–68.
- Арьес 1992 — Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Годелье 2007 — Годелье М. Загадка дара. М., 2007.
- Дуглас 2000 — Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
- Климовская 2016 — Климовская Е. А. Стратегии управления мертвым телом: экспертные практики и дискурс//Общество и экономика постсоветского пространства. Липецк, 2016. С. 57–60.
- Леви-Стросс, К. Мифологии: В 4-х т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М., 2006.
- Малышева 2016 — Малышева С.Ю. Красный танатос: некротрансформизм советской культуры//Археология русской смерти. 2016. Т. 2. № 1 (2). С. 22–47.
- Михель 2003 — Михель Д. Власть, знание и мертвое тело. Историко-антропологический анализ анатомических практик на западе в эпоху ранней современности//Логос. 2003. № 4–5 (29). С. 219–233.
- Моисеева 2010 — Моисеева Е.Н. Рынок ритуальных услуг: трансформация правил ритуала в правила рынка//Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 3. С. 84–99.
- Мохов 2016 — Мохов С.В. Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный процесс//Социология власти. 2016. № 28 (4). С. 83–103.
- Мохов 2017 — Мохов С.В. Управляя неопределённостью и стигмой региональный рынок ритуальных услуг в этнографических заметках//Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 1. С. 28–46.
- Соколова 2013 — Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!»//Отечественные записки, 2013/№ 5 (56). С. 191–208.
- Фуко 2010 — Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.

Чебанов 1995 — Чебанов С.В. Смерть как извращение жизни//Альманах «Фигуры Танатоса», Тема смерти в духовном опыте человечества. Пятый специальный выпуск. 1995. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/chebanov-sv/cmert-kak-izvrashchenie-zhizni>

Источники первичных данных

1. Важная информация о кремации (веб-сайт Барнаульского похоронного дома). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://bpd22.ru/services/167-vazhnaya-informatsiya-o-krematsii>.
2. Вопросы и ответы (веб-сайт новосибирского крематория). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematori-nsk.ru/faq/>.
3. Главная страница веб-сайта «Похоронного дома № 1» Санкт-Петербурга. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rityal.pro/blog/kremaciya-otvet-na-voprosy>.
4. Главная страница веб-сайта крематория в Ростове-на-Дону. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rostovskiy-krematori.ru/index.html>.
5. Главная страница веб-сайта крематория Краснодара. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://кремация-краснодар.рф/>.
6. Как происходит кремация человека? (веб-сайт Московской городской ритуальной службы). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ritual.ru/poleznaya-informacia/articles/kremacia/>.
7. Кольченко А. Как в Барнауле кремируют людей. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.alt.kp.ru/daily/26483.4/3355518/>.
8. Главная страница веб-сайта крематория в Туле. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lepo71.ru/>.
9. Крематорий во Владивостоке: подкупает чистотой, не сжигает ордена и охраняется Кузей. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/424395>.
10. Крематории Москвы (веб-сайт Московской городской ритуальной службы). Электронный ресурс. Режим доступа: https://ritual.ru/poleznaya-informacia/krematorii_moskvy/.
11. Крематорий (веб-сайт похоронного дома «Память» в Волгограде). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.memory-vlg.ru/?psubcatid=6>.
12. Крематорий (веб-сайт похоронного агентства «Профритуал» в Екатеринбурге). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://profritual.ru/ekonom/crematorium>.

13. Кремация в Новосибирском крематории (веб-сайт новосибирского крематория). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematori-nsk.ru/kremaciya-v-novosibirskom-krematorii/>.
14. Кремация (веб-сайт Похоронного портала). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.funeralportal.ru/>.
15. Кремация (веб-сайт новосибирского крематория). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematori-nsk.ru/services/cremation/>.
16. Кремация (веб-сайт крематория в Новороссийске). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematoriy.ru/uslugi-kremacija.html>
17. Кремация (веб-сайт крематория в Туле). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lepo71.ru/page/services/#kremaciya>.
18. Кремация: главные вопросы (веб-сайт новосибирского крематория). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematori-nsk.ru/osnovi-kremacii/>.
19. Кремация: как это происходит. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vn.ru/news-10356/06.04.2001>.
20. Кремация: ответы на вопросы (веб-сайт «Похоронного дома № 1» в Санкт-Петербурге). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://rityal.pro/blog/kremaciya-otvety-na-voprosy>.
21. О крематории (веб-сайт крематория в Ярославле). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.yarkremat.ru/about/>.
22. Прием умершего (погибшего) в крематорий на кремацию (веб-сайт крематория Санкт-Петербурга). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematory-spb.ru/info/acceptance/>.
23. Процесс кремации (веб-сайт крематория Хабаровска). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.krematorii-khabarovsk.ru/> — с1 ао8.
24. Степаненко Е., Карпов С. Единственный в рае (о крематории в г. Норильске). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://norilsk-tv.ru/751-edinstvennyy-v-rae.html>.
25. Что такое кремация (веб-сайт похоронного дома «Некрополь» в Новосибирске). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://funeral-nsk.ru/services/chto-takoe-kremaciya/>.
26. Что такое кремация (веб-сайт новосибирского крематория). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://crematori-nsk.ru/chto-takoe-kremaciya/>.

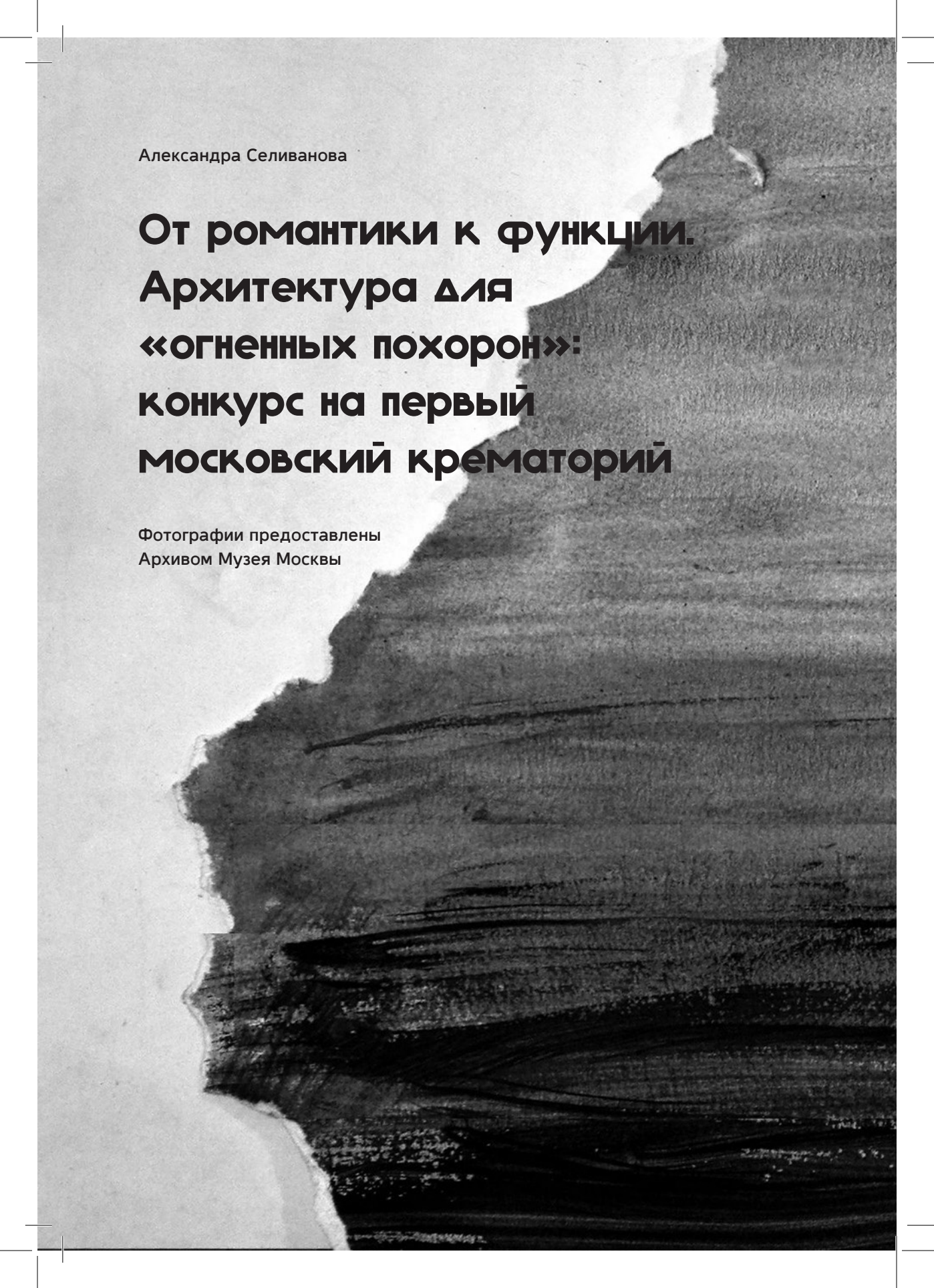

Александра Селиванова

От романтики к функции. Архитектура для «огненных похорон»: конкурс на первый московский крематорий

Фотографии предоставлены
Архивом Музея Москвы

Сразу после Октябрьской революции архитекторы, поддержавшие новую власть, взялись за проектирование монументальных, символических и мемориальных объектов — это были памятники жертвам событий 1905 и 1917 годов, стелы и надгробия, маяки и памятники по ленинскому плану монументальной пропаганды¹. Неудивительно, что среди этих самых ранних проектов, решенных в духе революционного романтизма, были и проекты крематория с колумбарием в Петрограде. В тот момент эта тема мыслилась исключительно в символическом, а не функциональном духе (хотя именно в прикладной своей роли, казалось бы, из-за роста смертности в первые послереволюционные годы², крематорий был очень актуален).

В марте 1919 года был проведен конкурс на здание крематория и колумбарий на территории Александро-Невской Лавры: впервые была детально описана структура будущего здания, включавшая зал для совершения обрядов, для певчих, галереи для урн, и, что особенно любопытно, для священнослужителей. Оргкомитет конкурса упоминал о 200 желающих принять участие в проектировании, свои проекты на конкурс представили сильнейшие архитекторы — среди них Ной Троицкий, Иван Фомин. Первые предложения в полной мере соответствовали общему характеру раннесоветской «бумажной» архитектуры [Иконников 2001]: монументальные архаические формы, отсылающие к графике Пиранези, утопической неоклассике Леду и Булле, древнеримским руинированным мавзолеям и мемориалам, как их изображали на гравюрах XVIII–XIX веков. Победивший проект под девизом «Неизбежный путь» принадлежал Ивану Фомину и в полной мере соответствовал образу здания-мемориала — это был ступенчатый мавзолей с факелом на вершине. Проект Петроградского крематория в Лавре так и не был реализован — денег на грандиозное строительство не на-

1 Мысль воплотить идеи и лозунги Октябрьской революции в городской скульптуре и графической агитации была впервые высказана В.И. Лениным в разговоре с А.В. Луначарским и конкретизирована соответствующим Декретом СНК «О памятниках Республики» 12 апреля 1918 года.

2 Например, в Москве смертность в 1919 году превышала довоенную смертность в два раза, рождаемость — в три раза [Коммунальное хозяйство 1924: 42].

шлось. В итоге первый советский крематорий³ открыли в здании бывших бань на Васильевском острове только благодаря энергии Бориса Каплуна, члена коллегии Комиссариата внутренних дел и рьяного энтузиаста «огненного погребения».

Параллельно, в том же 1919 году, Архитектурный отдел Наркомпроса провел конкурс на проект крематория и в Москве. Было подано 58 заявок, из них жюри отобрало 17. Среди премированных проектов были предложения Николая Колли, Владимира Кринского, Ильи Голосова (последний представил три проекта, все они были премированы). Абсолютно все проекты являли квинтэссенцию революционного романтизма (о революционном романтизме в советской архитектуре см. [Хан-Магомедов 1996]): выросшие в землю сверхмонументальные портики, огромные цилиндрические мавзолеи и ступенчатые пирамиды. Не были определены ни место строительства, ни какие-либо привязки. Проект остался нереализованным, как и в Петрограде.

Однако необходимость строительства крематория в Москве активно доказывал нарком здравоохранения Н. А. Семашко: «Кремация устраняет много угроз здоровью населения. За последние 100 лет в Москве было закопано в землю около 4 млн. трупов людей. Можно представить себе, какое количество разлагающихся веществ отравляет почву. Кремация дорога тем, что она разрушает вековые предрассудки. Кремация, наконец, дорога тем, что борется с заразой, оздоравливая население» [Коммунальное хозяйство 1927: 30]. К 1920-м годам в Москве насчитывалось 32 кладбища, из которых десять были уже закрыты и приспособлялись под скверы и парки, остальные кладбища были переполнены.

Для строительства московского крематория был выбран участок кладбища Ново-Донского монастыря, где под новые нужды решили приспособить храм Серафима Саровского и Анны Кашинской по проекту Зиновия Иванова. Храм-усыпальница в неорусском стиле, поделенный на два уровня (верхний храм с нефом и двумя притворами, алтарной частью, трапезной и колокольной был посвящен Серафиму Саровскому, канонизированному в 1903 году, нижний храм со склепами был посвящен Анне Кашинской), строился очень долго — с 1904 года по 1914-й годы. В нижнем

3 Самый первый крематорий в России был открыт еще до революции во Владивостоке для кремации японского населения города.

храме были установлены три фарфоровых иконостаса, изготовленных товариществом М. С. Кузнецова. При том, что храм был закончен и освящен в 1914 году, в большинстве публикаций 1920–1950-х годов он упоминается как недостроенный [Бутескул 1926: 1].

В 1920-е годы Донскому монастырю властью уделялось особое внимание. Здесь с 1922 года и почти до смерти в 1925 году находился патриарх Тихон (сначала под арестом, затем под следствием); сюда продолжали стекаться верующие, а в день погребения патриарха собралось около миллиона человек, шедших в четыре ряда от Калужской площади. Создание в монастыре Музея антирелигиозного искусства, а на Ново-Донском кладбище – первого в столице колумбария с крематорием должно было совершенно по-новому маркировать эту территорию, превратив ее в один из важнейших в городе центров антирелигиозной пропаганды.

Чтобы изучить зарубежный опыт проектирования и строительства крематориев зимой 1925 года в Музее коммунального хозяйства (теперь – Музей Москвы) была организована выставка, на которой были представлены макеты, чертежи и модели крематориев и печей, использовавшихся в Европе. Эти материалы легли в основу технического задания для объявленного управлением Московским коммунальным хозяйством в 1926 году конкурса на составление проекта перестройки церкви в крематорий. Три премии получили проекты архитекторов В. Дьяконова (третье место), К. Мельникова (второе место) и Д. Осипова (первое место). В журнале «Строительство Москвы» [Лавров 1926: 5–7] были опубликованы отзывы жюри на проекты, которые мы приведем полностью.

Проект архитектора Дьяконова:

«Автору не удалось дать постройке типа крематория⁴; переработка дает характер, близкий к типу мавзолея, с удачно проработанными деталями и хорошими пропорциями в общих чертах архитектурных масс; проект экономичен, встречает возражение покрытие части крематория с очень малым подъемом крыш, недопустимых в условиях Москвы».

Действительно, Дьяконов, инженер Московского коммунального хозяйства, единственный из всех конкурсантов практически сохранял абрис и основные объемы церкви, добавляя элементы из уже прошедшей эпохи революционного романтизма: монумент-

4 Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены.

тальную тяжеловесную арку входа и ступенчатое завершение башни на месте бывшего барабана и луковицы с неперменным для мемориалов 1918–1921 годов пламенем. Получается, что здание еще на стадии проекта устарело дважды – как храм в неорусском стиле, и как мавзолей первых послереволюционных лет.

Проект архитектора Мельникова:

«Автор дает много интересных мыслей по внутренней организации здания и придает оригинальную внешность сооружению, которая, однако, не отвечает представлению о крематории, напоминая более выставочный павильон. Исполнение связано с значительной перестройкой здания, отходящей от предположений Московского Коммунального Хозяйства, и осуществляется декоративными приемами (трубы, перекрытие абсид) и потребует значительного перерасхода против предложений других конкурентов. Возможность совсем иной организации сжигательных оборудований Жюри передает по компетенции на окончательное суждение Крематорной комиссии».

Как обычно, Мельников предлагал совершенно оригинальное, театральное решение, требовавшее особенных технических условий и кардинальной перестройки здания. Под существовавшим куполом планировалось встроить второй купол, опускавшийся в момент окончания траурной церемонии вдоль стеклянного «стакана» башни так, чтобы полностью закрыть свет [Хан-Магомедов 2007: 81]. Кремация должна была проходить в полной темноте. Вход в крематорий был оформлен в виде стеклянного вестибюля-витрины с закругленными сторонами.

Проект архитектора Осипова:

«Основная идея – дать монументальность сооружению – автору удалось, но не удалось получить в должной мере масштабности: здание слишком мало по своим размерам при данной архитектурной обработке. Общий характер обработки близок к типу крематория; композиция проста и экономична. Неудачны покрытия – при парапетах по периметру всего здания».

Последний проект был выбран для реализации не в последнюю очередь потому, что Дмитрию Осипову удалось максимально «закамуфлировать» первоначально храмовый характер сооружения. Модернистский строгий объем с вытянутыми окнами и квадратной башней в плане не был архаичен, как первые проекты крематория, а, напротив, подчеркнуто современен и деловит. Все

в здании — от жесткого ритма окон и пилястр на башне до внутренней машинерии (раскрывающегося металлического пола ритуального зала и установленных на нижнем уровне немецких кремационных печей фирмы «Топф» с прозрачными окошками, в которых можно было наблюдать процесс сжигания тел) представляло новый рациональный и технологический подход к смерти. Здесь не было места ни мистике, ни экзальтации, как в ранних проектах крематориев. На первом этаже находился ритуальный зал с раздвижным полом и лифтом, служебные помещения (в том числе и для священнослужителей, чье участие в погребении упоминалось в статьях об открытии крематория), а также колумбарий. Позже в ритуальный зал был перенесен старинный орган из снесенного в 1928 лютеранского храма св. Михаила. На нижнем уровне находилось собственно кремационное отделение — две печи, к которым вели рельсы, морг с изоляторами для заразных, кабинет врача, душевые для персонала, мастерские. Стоит отметить, что первоначальный план здания был максимально сохранен. Вокруг здания широким каре, по проекту Осипова, были размещены галереи с колумбарием.

Рядом с вертикалью Шуховской башни башня Донского крематория и поднимавшийся от него дым воспринимались единым комплексом, символически отмечая «углы» главного экспериментального района Москвы эпохи авангарда. Сюда удалось вписать новую архитектурную типологию, реформировавшую все этапы человеческой жизни от рождения и до смерти [Селиванова 2014: 27; Броновицкая и др. 2014]: ясли и детсады, школы-гиганты, студенческое общежитие-коммуна, организованную по принципу конвейера (архитектор И. С. Николаев), первый дом-коммуна (архитекторы Г. Я. Вольфензон и С. Я. Айзикович), целые рабочие городки, современный универмаг (архитекторы А. К. Болдырев и Г. К. Олтаржевский) и баню (архитектор В. Б. Ивашкевич). Крематорий и колумбарий Д. П. Осипова замыкали эту цепочку. Новый район, в котором должен был формироваться советский человек, показывали туристам. Отдельно демонстрировался крематорий, для чего, по некоторым свидетельствам, по Шаболовке был пущен специальный дополнительный трамвай.

Предварительные испытания крематория прошли в конце декабря 1926 года: были сожжены тела двух неизвестных женщин, о чем сохранилось свидетельство на страницах журнала «Ком-

113. Внешний вид
4А Крестовозд. 1927/28

113. Внешний вид Крестовозд.
4А перестройка 1927/28

113. Наружный вид Крестовозд.
4А со стороны входа в храм.

113. Вид изнутри храма
4А. 1927/28

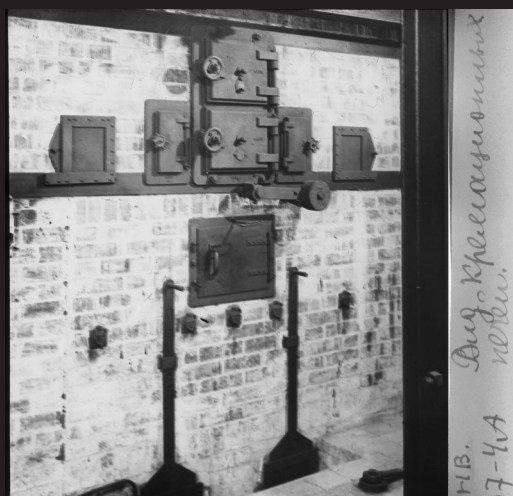

113. Вид изнутри храма
4А. 1927/28

113. 425-4А. Ограда

мунальное хозяйство». Наконец, 11 января 1927 года уже в более официальной обстановке и перед кинокамерой было кремировано тело рабочего мытищинского водопровода Ф. Соловьева (кино-пленка сохранилась в собрании Красногорского архива кинофото-документов). Пока совершались пробные кремации, выяснились неполадки с вентиляцией. Для исправления были приглашены немецкие специалисты, за месяц наладившие систему. И вот 24 августа состоялась «первая кремация, выполненная во вполне нормальных условиях»: было кремировано тело американского журналиста Вальтера Виффена (его имя – Walter Clement Whiffen – произносили на немецкий манер), чей прах был затем развеян над Ходынским полем.

Торжественное открытие крематория готовилось к ноябрьским праздникам в качестве подарка от Моссовета. Однако позже было решено не связывать эти события, чтобы не вызвать ложных интерпретаций. Открытие с уже «не опытным» сожжением в итоге состоялось раньше – 6 октября 1927 года. С этого момента крематорий работал без перерывов до 1970-х годов.

После прекращения его работы и возвращения здания церкви, башня и пилоны были разобраны, и от проекта Осипова сохранились только ниши колумбария в интерьере. В одной из этих ниш установлена урна с прахом самого архитектора.

Таким образом, за первое послереволюционное десятилетие архитектурный образ крематория, важнейшего элемента строительства нового быта, кардинально изменился. Проектировавший-ся изначально в формах мемориала, храма или мавзолея, к второй половине 1920-х он приобретает черты строгого функционального здания. Для жюри конкурса на проект крематория на Донском кладбище не подошли ни традиционалистские, архаизированные образы, ни экспериментальная машинерия авангарда. Строгая функциональная архитектура, близкая «ребристому» стилю рационального модерна или американскому ар-деко, стала в итоге выразителем идеи советского стерильного погребения.

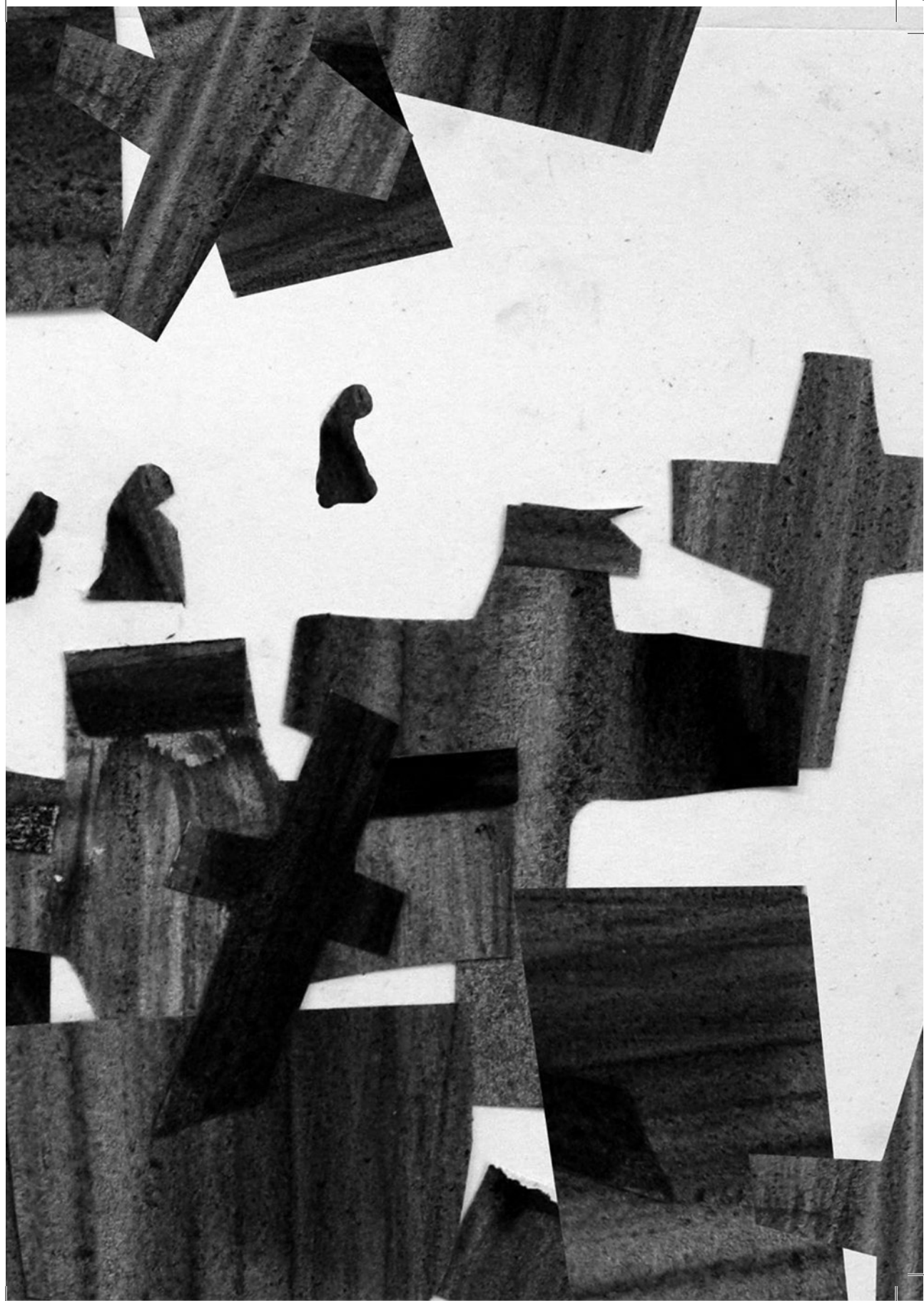
Литература:

- Броновицкая и др. 2014 — Броновицкая А.Ю, Васильев Н.Ю., Селиванова А.Н., Петухов А.В. и др. Авангард вокруг башни. Путеводитель по архитектуре Шаболовки 1920–1930-х годов. М., 2014.
- Бутескул 1926 — Бутескул В. Строительные работы в 1926 году//Строительство Москвы. 1926. № 10.
- Иконников 2001 — Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2 томах. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Клемпиер Л.И., Некрасов С.С. Первый крематорий в Москве. М.: «Коммунальное хозяйство», 1929.
- Коммунальное хозяйство 1924 — Смертность и рождаемость в Москве//Коммунальное хозяйство. 1924. № 1.
- Коммунальное хозяйство 1927 — Наша анкета о кремации//Коммунальное хозяйство. 1927. № 11–12.
- Лавров 1926 — Лавров Ф. Московский крематорий и его значение//Строительство Москвы. 1926. № 5.
- Маллори Д. Огненные похороны//Огонек. 1927. № 50.
- Селиванова 2014 — Селиванова А.Н. Дети — наше будущее. Шаболовка как идеальная модель советской жизни эпохи авангарда от рождения до смерти//Московское наследие. Хронотоп XX века. 2014. № 6.
- Хан-Магомедов 1996 — Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангард. В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996.
- Хан-Магомедов 2007 — Хан-Магомедов С.О. Константин Мельников. М., 2007.

Павел Грабалов

Современные кладбища Северной Европы: обзор основных исследований

Новые практики обращения с умершими, переосмысление традиций ландшафтной архитектуры, миграционные процессы меняют даже такие довольно консервативные пространства, как кладбища. В последние годы современные кладбища и их функции чаще становятся объектом изучения представителей самых разных дисциплин, отличающихся исследовательскими задачами, вопросами и методами. Какую роль играют современные кладбища в городской среде и какие функции они способны выполнять, не создавая конфликтов с их первоначальным назначением как мест упокоения и поминания усопших? Данный обзор научных статей не претендует на систематический анализ всего того, что было сделано в этой сфере, но представляет собой краткую выборку из шести исследований кладбищ в Северной Европе. Именно здесь, в Великобритании и Скандинавии, накоплен самый заметный опыт в подобных исследованиях.

Статьи, вошедшие в обзор, были опубликованы в четырех журналах: *Journal of Social Archaeology*, *Urban Forestry & Urban Greening*, *Mortality* и *Landscape and Urban Planning*. Эти исследования показывают, насколько разнообразными могут быть дисциплины, которым интересны современные кладбища, — археология, ландшафтная архитектура, градостроительство, здравоохранение, психология среды, социология. Некоторые из статей были написаны в рамках междисциплинарных проектов.

Sørensen, T.F. The presence of the dead: Cemeteries, cremation and the staging of non-place//*Journal of Social Archaeology*. 2009. № 9 (1). Pp. 110–135.

В своей работе датский археолог Тим Флор Сёренсен (Tim Flohr Sørensen) исследует изменения, которые произошли на сельских кладбищах Дании в течение последних 50 лет. Отправной точкой для этих изменений стала возросшая популярность кремации и присущих ей в датском контексте форм захоронения: могил с урнами, газонных кладбищ (*lawn cemeteries*), коллективных надгробий. Статья Сёренсена интересна с нескольких точек зрения. Во-первых, он подробно описывает практику и историю обращения с умершими в Дании, стране, где кремация получила очень широкое распространение: в 2006 году кремация использовалась

в 74 % случаев похорон. В 1960-х и 1970-х власти продвигали кремацию как альтернативу традиционному погребению, а датская церковь, которая управляет большинством кладбищ, этому процессу не препятствовала.

Во-вторых, для археолога Сёренсена было важно увидеть, как материальность кладбищ отражает социальные и культурные изменения в обществе. В рамках своего исследования он выдвигает тезис *об агентстве мертвого тела*, который влияет на то, как выглядят и функционируют кладбища. Для фиксации нового состояния датских кладбищ Сёренсен использует предложенный французским антропологом Марком Оже термин «не-мест» (*non-places*), мест с потерянной идентичностью. Сельские кладбища Дании – хороший пример для разговора о таких местах.

Часто в качестве причины популярности кремации называют нехватку пространства для захоронения, проблему преимущественно городскую. Сёренсен показывает, как в сельской Дании к распространению кремации привел другой процесс, а именно миграция населения в города. Люди стали менее привязаны к месту своего рождения, а уход за могилами родственников усложнился из-за расстояний. Изменения в обществе повлияли на восприятие мертвого тела. В результате кремация и соответствующие ей газонные кладбища превратились в наиболее популярную форму захоронения, а сам дизайн этих пространств теперь больше отсылает к традиционному парку. По мнению Сёренсена, таким образом идентичность кладбищ, как мест с вполне конкретными мертвыми людьми изменилась, ведь прах намного меньше связан с телесностью и служит скорее символом, чем материальным воплощением умершего.

Kjøller, C.P. Managing green spaces of the deceased: Characteristics and dynamics of Danish cemetery administrations//Urban Forestry & Urban Greening. 2012. № 11 (3). Pp. 339–348.

Датские кладбища также стали объектом исследования Кристиана Кьёллера (Christian Kjøller), предметная область которого – ландшафтная архитектура и менеджмент зеленых зон (*green spaces*) в городе. Именно менеджменту кладбищ Дании посвящена данная работа Кьёллера. По его мнению, кладбища этой скандинавской

страны — не только пространства для погребения, но и зеленые зоны высокого качества. В скандинавских странах, которые воспринимаются исключительно светскими, местные церкви — важные общественные институты, в том числе занимающиеся управлением кладбищ, территорий, открытых для всех членов общества. Это приводит к необычной схеме управления. В своем исследовании 28 администраций кладбищ Кьёллер описывает особенности менеджмента этих территорий, отличающегося как от собственно церковных служб, в рамках которых кладбища функционируют, так и от менеджмента других зеленых зон, например, парков и скверов.

Кьёллер использует интервью с управляющими кладбищ, статистические данные (площадь, использование и схема управления) и анкетирование работников кладбищ. Данные обработаны методом статистического анализа. Наибольшая разница в управлении заметна между городскими и сельскими кладбищами. Менеджментом первых занимается обычно отдельная команда во главе с директором, а вторых — церковный работник кладбища, который часто имеет и другие обязанности в церкви. Такая организация приводит к более тесной связи сельского кладбища непосредственно с церковной общиной и его более консервативному характеру. Согласно Кьёллеру, работники сельских и небольших городских кладбищ больше занимаются поддержанием территории в надлежащем виде, чем решением управленческих задач и планированием. Администрация городских кладбищ не так тесно связана с церковью и более открыта к изменениям. В то же время Кьёллер подчеркивает, что даже в городах менеджмент кладбищ редко взаимодействует с администрацией других зеленых зон, что не позволяет в полной мере реализовать их рекреационный потенциал.

**McClymont, K. 'That eccentric use of land at the top of the hill':
Cemeteries and stories of the city//Mortality. 2016.№ 21 (4).
Рр 397–397.**

Особенностям менеджмента современных кладбищ в Великобритании посвящена статья Кэти Макклимонт (Katie McClymont), занимающейся вопросами городского планирования. В основе её работы — интервью с администраторами муниципальных кладбищ в крупных городах Англии и Уэльса, исключая Лондон. Матери-

ал этих интервью представлен в виде нарративов, или историй, которые определяют современное кладбище в трех измерениях: как зеленую зону, место социальной идентичности (civic identity) и привязанности (place attachment).

Макклимонт интересуется роль кладбищ в городской среде и потенциальные конфликты, которые эта роль (или ее изменение) может вызвать. Она отмечает, что британские инструменты городского планирования мало что говорят о кладбищах и их функциях, игнорируя их роль в городском развитии. Распространение кремации предопределило меньшую зависимость кладбищ от мертвых тел и погребений, открыв перед ними новые возможности. Исследование показывает, насколько разнообразны роли кладбищ в городской среде, и как их управляющие справляются с изменениями и конфликтами. Макклимонт не призывает к превращению кладбищ в городские парки, но отмечает необходимость гибкой планировочной стратегии, учитывающей уникальность этих пространств.

Nordh, H., Evensen, K. H. and Skår, M. A peaceful place in the city — A qualitative study of restorative components of the cemetery//Landscape and Urban Planning. 2017. № 167. Pp. 108–117.

В течение последних трех лет междисциплинарная команда норвежских исследователей занималась изучением кладбищ в рамках проекта «Green Urban Spaces — the role of the cemetery in multicultural and interreligious urban contexts» («Городские зеленые пространства — роль кладбища в мультикультурных и межрелигиозных городских контекстах»). Результаты этого проекта частично представлены в журнале *Landscape and Urban Planning*. Так, на примере Gamlebyen gravlund в Осло были изучены восстановительные компоненты (restorative components) современного кладбища. Положительное влияние зеленых зон на психическое здоровье человека описано в большом количестве исследований. Среда, которая способствует процессу психического восстановления, считается восстановительной. В качестве примеров такой среды уже были исследованы леса, парки, сады, музеи и монастыри, но восстановительный потенциал кладбищ не был изучен.

Для анализа этого потенциала были взяты 59 интервью с посетителями Gamlebyen gravlund. Интервью включали в себя такие

вопросы, как: почему вы сегодня здесь, как бы вы описали это место, как бы вы описали атмосферу этого места, считаете ли вы это место парком и почему, и т. д. Анализ ответов выявил общие мотивы, которые были сопоставлены с четырьмя восстановительными компонентами, предложенными американскими психологами Рейчел и Стивеном Каплан в рамках теории восстановления внимания (attention restoration theory): восхищение (fascination), отстранение (being away), масштаб (extent) и совместимость (compatibility). Ответы респондентов хорошо укладываются в данную теорию, что говорит о том, что посетители воспринимают это норвежское кладбище как место с большим восстановительным потенциалом. Сочетание природной среды, культурного и исторического наследия с пониманием кладбищ, как мест сохранения памяти об умерших делает эти городские территории по-настоящему особенными и способными оказывать восстановительное воздействие на посетителей, резюмируют авторы.

Clayden, A., Green, T., Hockey, J. and Powell, M. Cutting the lawn — Natural burial and its contribution to the delivery of ecosystem services in urban cemeteries//Urban Forestry & Urban Greening. In press.

Другому аспекту роли современных кладбищ в городах — экосистемным услугам (ecosystem services) — посвящена статья британских исследователей. Ландшафтный архитектор Энди Клейден (Andy Clayden) много занимается изучением естественного погребения (natural burial), популярной, особенно в Великобритании, практике, которая не замедляет процесс разложения трупа, а наоборот способствует этому естественному процессу. Считается, что такой способ погребения наносит минимальный вред окружающей среде, так как предполагает использование лишь савана или биоразлагаемого гроба, а также отсутствие надгробия, которое часто заменяют деревья. В статье, вошедшей в обзор, Клейден вместе с коллегами исследует, как зоны для естественного погребения на муниципальных кладбищах Великобритании влияют на связанные с кладбищами экосистемные услуги.

Концепция экосистемных услуг (природных благ, которыми может пользоваться человек) получила широкое распространение

в исследованиях разных дисциплин. В фокусе внимания британских исследователей — два аспекта таких услуг: регулирующий (включающий регуляцию воздуха, качества воды, вредителей, климата) и культурный (включающий рекреационные функции, когнитивное развитие и духовное обогащение). На примере трех кладбищ (в Ливерпуле, Клайтеро и Ноттингеме) авторы исследуют, как зоны для естественного погребения изменяют как сам ландшафт кладбищ, так и связанные с ними экосистемные услуги. В основу работы легли информация о кладбищах и интервью с менеджерами.

Согласно результатам исследования, зоны для естественного погребения положительно влияют на регулирующие и культурные экосистемные услуги всех трех кладбищ. Это достигается благодаря сокращению территории, которую необходимо косить (естественное погребение обычно предполагает луговую растительность), уменьшению использования удобрений, увеличению ландшафтного разнообразия по сравнению с традиционными газонными кладбищами. Авторы отмечают, что городские муниципальные кладбища наиболее интересны с точки зрения потенциала экосистемных услуг. Во-первых, они расположены в городах — местах, наиболее уязвимых перед природными изменениями. Во-вторых, играя роль общественных пространств, они могут сделать более приемлемыми и привычными для горожан решения с высоким качеством экосистемных услуг (например, луга вместо газонов).

Wingren, C. Place-making strategies in multicultural Swedish cemeteries: The cases of 'Östra kyrkogården' in Malmö and Järva common//Mortality. 2013. № 18 (2). Pp.151–172.

Ландшафтный архитектор Карола Вингрэн (Carola Wingren) сравнивает два шведских кладбища — Östra kyrkogården в Мальмё и Järva begravningsplats в Стокгольме. Вингрэн интересуют идеи, которыми руководствовались архитекторы, спроектировавшие эти кладбища, материальное воплощение этих идей, роль ландшафта, а также взаимодействие с обществом. Между этими кладбищами — сто лет истории шведской ландшафтной архитектуры: проект Östra kyrkogården был реализован в 1916 году, а конкурс на Järva begravningsplats завершился в 2010-м. Для Вингрэн это повод поговорить не только об изменениях в дизайне, но и в обще-

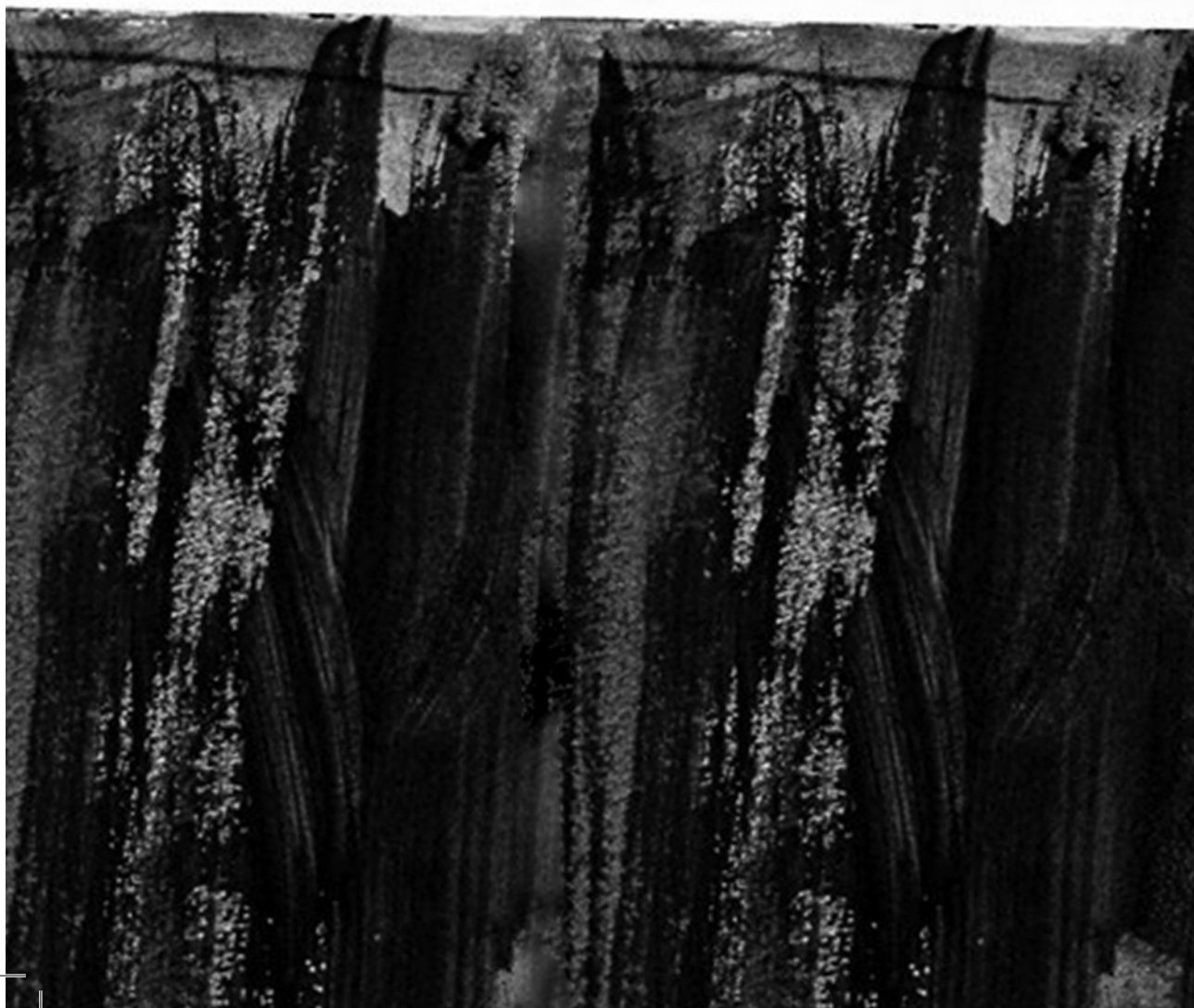
стве в целом: «кладбище — это место, которое отражает общество, а также место, где унаследованные глубокие культурные различия становятся видимыми», подчеркивает она.

Östra kyrkogården спроектировал один из самых известных шведских архитекторов Сигурд Леверенц, один из соавторов знаменитого Лесного кладбища (Skogskyrkogården) в Стокгольме. Хотя кладбище в Мальмё и менее известно, но является важной работой Левернца, иллюстрирующей эволюцию его творчества от классицизма к шведскому модернизму. Для Левернца был особенно важен природный ландшафт этого места, который он мастерски использовал в проекте. В то же время архитектор не забыл и про традиционные для дизайна кладбищ символы (например, крест нашел свое воплощение на плане), а также создал очевидную границу между Östra kyrkogården и городской средой, соединив их всего четырьмя проходами. Проект же Järva begravningsplats, созданный Кристин Йенсен и Поулем Ингеманном, предполагает полную открытость кладбища городу и еще более трепетное отношение к природному ландшафту.

Вингрэн особенно интересно, как два кладбища приспособлены к современному мультикультурному и многоконфессиональному обществу. Так, первоначальный проект Левернца не предполагал наличие специальных мест для могил мусульман, иудеев и православных, но в последние годы миграционные процессы в Швеции заставили менеджмент кладбища создать их. Вингрэн отмечает, что часто эти процессы не учитывали ценности кладбища как памятника ландшафтной архитектуры и шли вразрез с идеями Левернца. Проект кладбища в Стокгольме отвечает на эти вызовы уже на стадии конкурсного предложения, используя деревья и кустарники, чтобы разграничить территорию в виде своеобразных «островов», не называя прямо, что эти «острова» символизируют разные культуры. Вингрэн использует этот пример, чтобы показать, как много кладбище может сказать об обществе, и как общество интерпретирует процессы интеграции.

Виктор Вилисов

Прах и мимесис. Театральные заметки на полях смерти

Для современного театра нет красных флажков, за которые запрещено заходить режиссерам в поисках новых театральных техник, новой образности. Дошел черед и до крематория. Конечно, в театрах и в рамках театральных проектов вне сцены в печах пока никого не сжигают (хотя, пожалуй, именно к такого рода достоверному натурализму эволюционирует русский консервативный драматический театр, стойкий приверженец реалистичности). Но пара примеров прямого обращения к кремации — одному из самых экстремальных образов смерти — в современном театре есть. Примечательно, что вопреки экзистенциальному стереотипу *безусловного конца*, который связан с крематорием, эти радикальные примеры скорее помогают понять, чем живо современное искусство театра, а также куда и как оно эволюционирует.

Балет-крематорий и жизнь как пепел

В 2014 году на Руртриеннале перформативных искусств в Германии был впервые показан спектакль Ромео Кастеллуччи «Весна священная» по балету Игоря Стравинского, написанного в 1913 году. Премьера готовилась к столетию со дня первого исполнения балета. Оркестром дирижировал Теодор Курентзис, который со своим ансамблем MusicAeterna отвечал за музыкальную часть постановки. За зрелищную часть отвечал итальянский театральный режиссер Ромео Кастеллуччи — один из главных новаторов современного театра. Чтобы не запрыгать дольше положенного, сразу скажем, что в этом балете не было занято ни одного живого человека. Сценическое пространство представляло собой герметичный короб, повернутый длинной стороной к зрителям. Недра короба закрывало огромное фронтальное стекло, за которым специальные механизмы распыляли пепел сожженных костей коров. Всего в коробе «танцевали» 37 машин для распыления пепла разных по размеру и функциям. Общий же вес конструкции составлял 30 тонн, не считая загруженного внутрь праха.

Первое исполнение «Весны священной» в 1913 году вызвало страшный скандал — общество не было готово к такой «брутальной» музыке. И хотя в 2014-м шокировать публику уже сложнее, да и у Кастеллуччи есть значительно более радикальные спектак-

ли, следует признать, что одно описание его «Весны Священной» заставляет вздрогнуть.

Как рассказывал Стравинский, замысел балета был навеян приснившимся ему ритуалом, во время которого танцующая девушка умерла от изнеможения, призывая весну. В «Весне Священной» музыка Стравинского очень природная, живая — «диковая». Как бы в противоположность этой музыкальной органике спектакль Кастеллуччи предельно технологичен. В его интерпретации «Весна Священная» предстает торжеством механизма и машин, торжеством неживой материи.

Один из эффектнейших моментов балета — летящие в сторону зрителей сгустки праха, которые разбивались о фронтальное стекло, как чернильные заряды осьминога. Впрочем, описывать, как именно прах коров распылялся на протяжении спектакля — дело бессмысленное. С одной стороны, распыление пепла прекрасно гармонировало с музыкой, с другой — струи и полосы праха формировали изобразительный контрапункт к ней, а примерно на середине действия прах заканчивался и начинался механический балет. Растяжки с машинами то опускались, то поднимались в пространстве короба, менялись местами и выстраивались ровными, зловещими рядами, мерцая красными огнями. Наконец, заканчивалась и музыка Стравинского, уступая глухому гулу, написанному постоянным композитором Кастеллуччи Скоттом Гиббонсом. Под гулы Гиббонса люди в костюмах биозащиты собирали внутри короба пепел в контейнеры. Публика не сразу поняла, что балет давно закончился.

Другой, не такой резонансный, но также использующий тему кремации спектакль — «Крум» польского режиссера Кшиштофа Варликовского по пьесе израильского писателя Ханоха Левина. Сорокалетний Крум возвращается на родину с пустым чемоданом и попадает в заколдованное время, в котором все никак не начинается новая жизнь, которую он так ждет. Героям спектакля все осточертело. Так, близкий друг Крума пятнадцать лет бьется над мучительной дилеммой, когда следует делать зарядку — утром или вечером? Утром от нее потеешь. А вечерняя зарядка, как утверждает медицина, вредна для здоровья. Друг умирает от рака, его кремируют. После кремации все герои собираются, выпивают, а Крум опрокидывает урну с прахом на круглый стол, как завещал покойный. Этот вульгарный, но эффектный жест — кульминация

спектакля. Человеческая жизнь не имеет смысла, а пепел, который от нее остается, герои просто сдувают со стола...

Театр ускользающей смерти

Выразительные театральные приемы, описанные выше, и сейчас шокируют, ну а представить, что они могли быть использованы в классическом европейском театре, или даже в театре модерна, невозможно в принципе. И в театре, и в зрителе, и в самом понимании смерти должны были произойти тектонические изменения, чтобы реализовались сценические опыты такого рода.

Начавшись примерно в 60-х годах прошлого века, к концу века эти тектонические сдвиги были обобщены и теоретически осмыслены в книге Ханса-Тиса Леманна «Постдраматический театр» (Lehmann 1999). Применительно к теме смерти интересны некоторые ключевые признаки этого постдраматического театра, которые вычленяет автор. Таковым, например, является отказ от *мимесиса*, то есть жизнеподобного описания реальности на сцене. Другой признак – отчуждение театра от драматического текста, имеет прямое отношение к отказу от мимесиса, поскольку драма представляет собой историю, последовательно развернутую в определенных бытоподобных обстоятельствах. Последние, конечно, не исключают использование метафор и образов. Однако эта метафоричность не выходит за рамки подобия реальности. Только уход от нарративности, связности сюжета (и вообще сюжета как такового) и жизнеподобия позволил современному театру, во-первых, по-новому освоить реальное через синтез с перформативными практиками, и, во-вторых, полностью уйти в иллюзорные миры за отсутствием необходимости выстраивать «земную реальность» на сцене. Это коснулось и темы смерти. Реальность смерти представляет для современного театра огромный интерес как источник новой зрелищности, новых театральных техник. Но при этом феномен смерти, несмотря на его реальность, все больше становится иллюзией.

Вообще, из всех физиологических феноменов смерть – самая труднофальсифицируемая в исполнительском искусстве. Если быть максимально точным, действительную смерть в театре невозможно показать в принципе. Это следует из самой природы происходящего, ведь зритель понимает, что гибель персонажа

либо фальсифицирована, либо показана образно, иносказательно, потому что актер как факт реального не может запрограммировано умереть на сцене — ему еще жить и играть.

В разные эпохи задачу представления смерти на сцене решали по-разному. Чем дальше в историю мы углубляемся, тем наивнее в целом выглядит театральная публика, а устроители шоу — все более склонными к натурализму. Есть и экстремальные примеры. В средневековых театрах довольно часто на сцену выводили реальных преступников и в момент, когда по сюжету персонаж должен погибнуть, их закалывали или отрубали головы. Но это, кажется, единственный случай, когда смерть в театре демонстрировалась буквально. В остальном в театрах прошлого, действительно отличавшихся большим количеством сцен насилия и жестокости, шли на разные уловки, чтобы реалистично показать травму, рану или гибель. В дело шли искусственные головы, кровь животных, разного рода хитрости с маскировкой частей тела актера и т. д. Нельзя не вспомнить, что в более поздние времена трупы — и не только преступников — начали отдавать в так называемые анатомические театры. Несмотря на то, что это были места, созданные преимущественно с образовательными и исследовательскими целями, нельзя отрицать спектаклярность, имманентно присущую действию, когда в центре амфитеатра опытный врач разделяет труп.

Чем ближе к современности, тем менее убедительными для зрителя выглядели эти технические трюки. В литературных и драматических текстах смерть персонажа обычно является кульминационным моментом — неважно, находится ли она в середине, в конце или в любом другом месте произведения. В конвенциональном драматическом театре, который строится отчасти по законам литературных текстов, чья-либо смерть — момент переломный, который должен вызывать у зрителя бурные эмоции. Закалывать на авансцене злодея телескопическим клинком с лезвием на пружине, которое только протыкает пузырь с красной краской под белой рубашкой героя, со временем стало выглядеть вульгарно. В какой-то момент в театре появились сигнальные пистолеты, вхолостую стреляющие с очень громким хлопком, однако и их использование стало признаком дурного вкуса. Смерть в театре медленно, но верно перемещалась с авансцены в глубину сцены, а оттуда — и вовсе за сцену.

Невозможность фальсифицировать смерть заставляет режиссеров и художников воздерживаться от того, чтобы прямо изображать ее на сцене, оставляя задачу интерпретации события смерти зрителям. Показательный пример такого остранения – спектакль Андрея Могучего «Гроза» в Большом Драматическом Театре им. Товстоногова по пьесе Николая Островского. В финальной сцене самоубийства Катерина под музыку Александра Маноцкова бежит от сцены по помосту, проложенному над головами зрителей, за пределы зала и появляется только на аплодисментах. В другом спектакле Могучего по рассказу Леонида Андреева «Губернатор» герои играют с серым гримом на лице, демонстрируя, что они на самом деле трупы. В этих примерах отказ от мимесиса программируется самой невозможностью, абсурдностью задачи, безуспешно решаемой конвенциональным театром – изобразить смерть жизнеподобной.

Умирание как ирония

Впрочем, в современном театре «топорные» изображения гибели, убийства и умирания до сих пор практикуются, но, скорее, уже как намеренный, формальный прием, зачастую балансирующий на грани иронии или даже пародии.

Так, например, в спектакле Тимофея Кулябина «Онегин» в кульминационной сцене дуэли Онегин и Ленский трижды сходятся на расставленных параллельно просцениуму стульях, и только с четвертого захода Онегин неожиданно стреляет из сигнального пистолета, а Ленский картинно падает под тревожную музыку. В другом спектакле Кулябина «Гедда Габлер» в сцене самоубийства главная героиня уходит в ванную, скрытую полупрозрачной перегородкой, и раздевается. Внезапно в ванной раздается выстрел, причем актеры, смотрящие куда-то вдаль, продолжают сохранять спокойствие, как бы минимизируя всю вульгарность происходящего на сцене.

Изображение смерти даже в конвенциональном современном театре остраняется, предельно формализуется. Выразительный пример такого остранения можно найти, например, в оперном спектакле Роберта Уилсона «Травиата», идущем в Пермском театре оперы и балета. По сюжету главная героиня умирает от чахот-

ки на руках вернувшегося жениха. В момент смерти исполнительница роли Виолетты, Надежда Павлова, резко вскидывает руки вверх, а фронтальный прожектор в этот момент гаснет, оставляя ее черный силуэт на фоне светящегося задника и остальных героев. Жених Виолетты не держит ее на руках, как в либретто, а наблюдает за невестой со стороны. Смерть героини изображена через затенение ее фигуры и странный жест руками.

Более радикальный пример формализации смерти – «Гамлет» немецкого режиссера Томаса Остермайера. Его Гамлет хватает автомат и несколько раз выстреливает в перегородку, за которой, как он считает, прячется Клавдий. Обнаружив, что убил другого, он усаживает за стол убитого Полония и хочет накормить его. Актер, играющий Полония, не пытается изобразить безжизненный труп. Он моргает, реагирует на реплики короля и на попытки Гамлета влить ему в рот пиво из банки. Сцена смерти формализована, но уже посредством предельно, вплоть до гротеска, натуралистичных действий, противоречащих идее смерти. Так же изображена и смерть Лаэрта, который с показным криком нагибается, падает, а затем встает и садится за стол, за которым, беседуя, собрались все убитые персонажи пьесы. Смерть у Остермайера изображена через ее инверсию – убитые Гамлетом герои «как бы» продолжают жить.

От постдрамы к постсмерти

Остранение, инверсия, ироничный формализм – типичные приемы «игры со смертью», которые активно использует современный театр. Их объединяет стратегия вытеснения смерти из области видимого – спектакль может представлять смерть максимально выразительно, при этом не изображая смерть вообще. Наоборот, экспансия смерти в область видимого – пример другой, более радикальной и противоположной по вектору стратегии, которая предполагает и более сильное, и уже совсем не условно-ироничное экзистенциальное испытание для зрителя. И здесь мы снова возвращаемся к радикальному театру Ромео Кастеллуччи. Его балет-крематорий «Весна Священная» – исключительно яркий пример такой стратегии, открывающей новые горизонты в разрешении вечной театральной диллемы – «мимесис или смерть».

Вообще, у Каstellуччи – мрачного гения, работающего с темными материями и религиозными символами – смерть и умирание всегда разлиты в атмосфере его спектаклей. Зачастую эти темы даже не представлены у него в виде конкретных образов, метафор или даже реального *вещества смерти*, как прах кремированных коров, а ткуются из общей сценической концепции. Иногда они и вовсе выносятся за условное пространство сцены посредством приемов, взятых из арсенала перформативных практик. Так, например, в его «Inferno» – трилогии по мотивам произведения Данте – ближе к концу спектакля зрителей (показ происходил на Авиньонском фестивале во дворе Папского дворца перед двухтысячной аудиторией под открытым небом) накрыли белым саваном – гигантским куском полупрозрачной белой материи. В том же «Inferno» нанятые для спектакля рядовые люди с улиц, разбегаясь под звуки автомобильной аварии бросаются в объятия друг друга.

Уже в ранних спектаклях Каstellуччи был исключительно смел в приемах: в них коровьей печенюшкой мыли пол, а из резиновых ног повесившейся женщины на героя проливаются ведра крови, как в шестичасовой «Tragedia Endogonia» (в переводе с греческого – «Трагедия, рождающаяся из самой себя»), показанной по частям в нескольких европейских городах. В дальнейшем, как мы видим, в отказе от миметического театра Каstellуччи стал еще более последователен.

Есть ли у такой последовательной радикализации в представлении смерти эстетический предел?

Если смерть чрезвычайно важна, но ее невозможно ни изобразить, ни вытеснить (зритель всегда знает, что псевдоживой Полоний мертв), театр как будто обречен на то, чтобы соприкоснуться со смертью непосредственно. Либо с ее реальным веществом – пеплом кремированных животных, как в «Весне Священной», либо с реальным мертвецом, как в другой постановке Каstellуччи – в «Орфее и Эвридике» по опере Глюка. Впрочем, в последнем случае речь идет скорее о состоянии полусмерти: опера дистанционно транслировалась через наушники лежащей в коме девушке-бельгийке, чье состояние в виде данных клинического мониторинга в свою очередь обратно транслировалось в зал театра La Monnaie. Таким способом, на грани этической допустимости, Каstellуччи установил связь между живыми зрителями и миром по ту сторону жизни, реализовав главную идею хрестоматийного сюжета в буквальном смысле.

Что дальше?

В современной драматургии авторы продолжают изображать смерть в самых экстремальных и неожиданных ипостасях, однако разрыв литературных и театральных практик все больше увеличивается. Театр уходит из-под власти текста. Раньше сложно было представить, что спектакли можно ставить просто так — «без пьесы». Теперь таких примеров полно, тот же Каstellуччи придумывает свои спектакли сам, а если использует литературный текст, как, например, «Божественную комедию» Данте, то «прочитать» в театральном действии первоисточник подчас довольно сложно. Этот уход от литературности и нарративности, безусловно, интенсифицирует формальные находки в изображении смерти в постмодернистском театре. Очевидно, что так называемый «театр художника» обладает значительно большим инструментарием для выражения невыразимого (то есть фальсификации смерти на сцене), чем авторы литературных текстов, которые так или иначе соизмеряются с миметическим способом письма.

В этом смысле особенно интересны проекты театральной группы Rimini Protokoll, которые, в числе прочего, занимаются так называемым site-specific театром и известны своими спектаклями-променадой Remote X. В России существует три версии этого спектакля: Remote Moscow привез в страну независимый театральный продюсер Федор Елютин, Remote Petersburg сделан силами Большого драматического театра им. Товстоногова, а в рамках прошедшего в мае этого года Дягилевского фестиваля в Перми был представлен спектакль Remote Perm.

Спектакль-променада по форме представляет собой прогулку по городу группы из полсотни человек. Членам группы выдаются наушники, подключенные к индивидуальному трансмиттеру. В наушниках звучит текст: в Remote X он озвучен компьютерным, синтезированным голосом. Голос руководит передвижениями группы, размышляет, задает вопросы, рассказывает истории. Примечательно, что во всех городах спектакль всегда начинается с кладбища, где участникам предлагается выбрать надгробие, рассмотреть его и порассуждать об умершем. И хотя кладбище и храм — единственные места на маршруте спектакля, которые имеют прямое отношение к смерти, все действие так или иначе вращается вокруг этой темы.

Remote X, таким образом, дрейфует еще дальше в сторону от мимесиса: если у Каstellуччи смерть, даже в ее реальном вопло-

щении (праха или полуумершего человека), еще связана с актом демонстрации, показа, в Remote X традиционная театральная техника — зал, сцена, актеры, зрелище — отменена, а театральным актом становится акт *внутреннего представления*. В этом представлении смерть встречается со зрителем без посредников и интерпретаторов — драматургов, актеров, режиссеров, художников, реквизита и уловок — становясь его личным опытом.

По какой траектории будет дрейфовать современный театр дальше прочь от мимесиса?

Чем глубже мы прорываемся в XXI век, тем актуальнее становится концептуализация если не избавления от «обязательной смерти для всех», то радикального увеличения срока жизни — точно. Как театр, играющий со смертью, ответит на этот грядущий вызов «вечной жизни», если постоянное обращение к феномену смерти остается одним из ключевых приемов, делающих театральное искусство таким пластичным и живучим?

Литература

Lehmann 1999 — Lehmann Hans-Ties. Post-dramatisches Theater. Frankfurt am Main: Verl. der Autoren, 1999.

Леони Келлахер, Дэвид Пендергаст, Дженни Хоки

Перевод Анны Козыревской
под редакцией Ивана Куликова.

В тени кладбищенской могилы¹

¹ Leonie Kellaher, David Prendergast & Jenny Hockey (2005) In the shadow of the traditional grave, *Mortality: Promoting the interdisciplinary study of death and dying*, 10:4, 237-250, DOI: 10.1080/13576270500321647

Их <останки> высыпали (*poured*) в землю. Это не выглядело как что-то неестественное, скорей как похороны (*burial service*). Мы помолились над прахом. Самой церемонии погребения (*committal*) я не помню...

Дорис Пенни¹

Введение

Захоронение (*interment*) праха одна из наших информантов Дорис Пенни сравнила с традиционными похоронами (*burial*), а также определила его как *committal* – светским термином, обозначающим погребение, но первоначально значившим препоручение Богу тела и души покойного. Настоящая статья опирается на данные проведенного авторами исследования судьбы останков, которые теперь все чаще забирают из крематориев [Davies & Guest 1999]. Результаты нашего исследования говорят², что во многих случаях выбор, который делают люди, и то, как они описывают и оценивают решения о размещении праха, основан на наборе идей и практик, связанных с традиционными похоронами. Другими словами, практика кремации, и в особенности частного захоронения останков за пределами крематориев, часто продиктована набором воспоминаний и знаний о практиках, связанных с погребением тела.

Как это можно объяснить? Неужели погребение тела все еще остается культурно-доминирующим способом ингумации в этой части северо-западной Европы, несмотря на статистические данные, которые противоречат этому? Является ли импульс предать останки земле в каком-то смысле первоочередным? Или только сейчас, из-за широкого распространения кремации, мы способны заметить какие-то новые стратегии? [Parsons 2005]. Разрабатывается ли вокруг кремации новая ритуальная практика, или, наоборот, наши данные описывают пересборку традиционных практик и убеждений?

Ритуал рассматривают как способ создания смысла и порядка [Levi-Strauss 1967], ровно как и способ «пробуждения, направления

1 В целях конфиденциальности все имена информантов вымышленные.

2 Мы благодарны Совету по экономическим и социальным исследованиям (ESRC) за поддержку проекта «Мемориальная среда: Новые ритуалы скорби и их социальные и эмоциональные подтексты» («Environments of memory: New rituals of mourning and their social and emotional implications»).

и приручения сильных эмоций» [Turner 1969: 38]. В этом смысле ритуал часто скрывает, а не раскрывает действительность [Bloch & Parry 1982], и можно попытаться рассмотреть, как превращение тела в прах конвертирует более знакомый набор практик и образов, ведь, как указывает Дэвис, любая служба в крематории предполагает «сокрытие факта сжигания» [Davies 1997: 28]. Роль «уже известного» в новой ритуальной практике также согласуется с понятием Леви-Стросса [Levi-Strauss 1967] «бриколаж», то есть созданием новых объектов культуры из остатков старых. Также можно принять во внимание реинтерпретацию Гермхольмом [Gerholm 1988] ритуала как творческой арены конкурирующих точек зрения и мотивов.

Справедлива и другая точка зрения: традиционные ритуалы выражают ценности общественных институтов, а не индивидов, они не транслируют опыт маргинальных или исключенных групп. Тем не менее, такие ритуалы все же могут указывать на возникновение альтернативных и более индивидуалистических практик за счет заимствований или бриколажа. Так, они могут прямо стимулировать акты сопротивления в форме инверсии традиции [Hall & Jefferson 1976]. Например, трансгрессивный акт сохранения останков родственника в частном доме или саду создает особое чувство близости, которое может лишь усиливаться из-за активной трансформации традиционных захоронений в общественных пространствах, которая сейчас происходит. Основываясь на дискуссиях вокруг понятия ритуала, мы приходим к выводу, что термин ритуализация [Serematis 1991] является более полезным, чем ритуал, так как направляет внимание на процесс протекания ритуала, а не просто на его абстрактные составляющие. Как показывают приведенные ниже данные, люди, которые забирают прах из крематориев, задают направление или, возможно, расширяют всю траекторию развития ритуалов и практик, что, в свою очередь, должно определять и подвижный характер нашей дискуссии о соотношении новых практик и традиционных форм захоронения.

Посетителям садов памяти при крематориях бросаются в глаза сложные, неформальные практики мемориализации, которые реализуются на этих небольших участках для захоронения праха. Плотность размещения останков и недолговечность даров бросают вызов сотрудникам крематориев и кладбищ, вынужденных решать совершенно новые проблемы, связанные с их техническим

обслуживанием. Скорбящие родственники, не способные, возможно, принять анонимность праха, рассеянного в коллективном пространстве, часто стремятся создать огороженную территорию в клумбах или вокруг деревьев, где хранится «их» пепел. Можно сделать вывод, что разрушение тела в процессе кремации требует своего рода компенсаторной амплификации, которая достигается с помощью памятных вещей, сильно напоминающих те, что обычно встречаются на традиционных могилах. Развитие неофициальных практик мемориализации можно увидеть в колумбариях, где небольшое пространство, выделенное под захоронение, часто значительно увеличивается за счет ветерков, плюшевых игрушек, стихотворений или подставок под растения. Среди этих предметов ветерки и музыкальные поздравительные открытки представляют собой акустический механизм расширения и увеличения пространства, предоставленного умершему, когда сильный ветер может буквально «усилить» присутствие того, чей мемориал может казаться небольшим. Эти практики показывают, что тень традиционной могилы, о которой говорят авторы «Тайного кладбища» [Francis, Kellaher, & Neophytou 2005], сильна даже в пределах крематория.

Собственно, в фокусе нашего интереса стоит вопрос о том, как некоторые особенности традиционного погребения — представление о целостности тела, создание и сохранение четкого, ограниченного пространства для умершего, а также условия посещения и содержания могилы — могут быть конвертированы в современные практики, связанные с кремацией. В свою очередь, как практика кремации позволяет манифестировать позитивно воспринимаемые аспекты погребения и одновременно нивелировать его неприятные моменты, такие, например, как медленное разложение тела. Наконец, что можно сказать о собственно кремированных останках, которые забирают из крематориев семьи или друзья умершего?

Кремация на подъеме

Кремация является наиболее распространенной формой захоронения в Великобритании. Сравнительно новая практика, она была легализована только в 1884 году, после активной агитационной

кампании ее сторонников, включая Кремационное общество Великобритании [Cremation Society of Great Britain 1974; Jupp 2005; White 2002]. Несмотря на агитацию, кремация не стала популярной альтернативой погребению до окончания Второй мировой войны. На самом деле она стала самой распространенной формой захоронения, опередив традиционные похороны, только в конце 1960-х годов. С начала 1970-х две трети всех ежегодных обрядов захоронения проводились в крематориях, затем это число выросло до 71,54 % к 2000 году [Pharos International 2004].

Одновременно с тем, как кремация превзошла традиционное погребение по популярности, в последние десятилетия произошли другие значительные изменения в похоронной сфере. Все больше членов семьи и друзей предпочитают не оставлять прах в крематории, где он будет предан земле или развеян в саду памяти. Если в 1970-х годах только в одном случае из десяти останки забирали из крематория, то к 2004 году этот показатель вырос (со значительными местными вариациями) в среднем по стране до 56 %. Это – почти четверть миллиона урн с прахом, которые ежегодно забирают из крематориев. Интересно, что мы располагаем ограниченными статистическими данными, официальными или иными, отслеживающими возможную судьбу большей части этих останков, кроме тех редких случаев, когда прямо указывается, что прах возвращен в сад памяти для размещения в той или иной форме, или на кладбище для захоронения. Даже там, где может быть получена какая-либо официальная информация, картина остается неясной. Например, заявки на погребение в Городской совет Сандерленда показывают, что в период с 1999 по 2004 год около 8 % останков, забранных из крематориев, были захоронены в семейных могилах на кладбище. Но статистика умалчивает об останках, которые были погребены или развеяны над могилами в обход существующих правил. Так могут поступать, чтобы избежать уплаты больших сборов, или от незнания, или даже возмущения, что разрешение в принципе необходимо. Представитель духовенства, опрошенный в рамках нашего исследования, объяснил, что когда его просят принять участие в церемонии развеивания праха на кладбище, и ему известно, что семья не заплатит или не может позволить себе заплатить налог, обычно говорит: «Хорошо, я не буду приходить в своем лучшем облачении, чтобы не привлекать внимания к тому, что мы делаем».

Еще одна причина, почему люди забирают останки из крематориев — желание, разделив прах, захоронить его или развеять в разных местах. Похоронный директор сказал нам: «Мы работали с семьями, которые хотели разделить кремированные останки. Проблема в том, что существует только один сертификат кремации, поэтому есть только одно официальное место для размещения праха (*disposal site*) или захоронения (*committal site*). Таким образом, вы не можете разделить кремированные останки и захоронить (*interred*) часть на одном кладбище, а часть — на другом, если только это не будет сделано тайно». Такие тайные практики указывают на скудный ассортимент со стороны поставщиков услуг, которые до недавнего времени предлагали ограниченные формы мемориализации, такие как мемориальные доски и записи в книге памяти. В то же время, это и способ сохранения низких цен на услуги, связанные с кремацией.

Исследование

Как уже отмечалось, данные, которые используются в этой статье, взяты из более обширного исследования о судьбе кремированных останков в Великобритании [Davies & Guest 1999]. Мы задались вопросом, насколько выбор людей, которые хранят прах вдали от кладбищ, сформирован или подвержен влиянию разработанных практик традиционных ритуалов, которые окружают погребение тела. Мы рассмотрели привлекательность традиционных семейных захоронений с точки зрения тех, кто принимал решение о хранении праха и обсуждал этот вопрос с другими членами семьи, родственниками и даже с самим покойным перед его смертью. Интервью проводились в четырех местах со специалистами в области похоронного дела, с людьми, которые забрали останки друзей и родственников из крематориев [Davies & Shaw 1995]: это лондонский бороу Баркинг и Дагенем, Ноттингем, Сандерленд и Глазго. Представленные здесь данные можно разделить на три большие категории, которые отражают реакцию на проблемы, традиционно связанные с погребением тела: это 1) сохранение целостности кремированных останков, 2) наличие защищенного, маркированного места захоронения, 3) ответственность <перед умершим> и уход за захоронением.

Сводится ли практика захоронения останков вне крематориев к преимущественно традиционным ритуалам погребения, или мы имеем дело с принципиально новыми «творческими» практиками захоронения? На конкретных примерах нами рассмотрены аргументы в пользу обоих вариантов. Большинство их демонстрируют либо сильную положительную связь между практикой погребения и кремации, либо серьезное намерение противостоять призраку кладбищенской могилы. Третья категория (ответственность <перед умершим> и уход за захоронением) охватывает меньший набор данных, связанных с неоднозначными практиками — их нельзя использовать в качестве аргумента в пользу одного из вариантов. В дополнение к этим трем категориям не следует забывать о ситуациях, когда родственники покойного вообще не интересуются судьбой праха, оставленного руководству крематория и директору похорон. Специалисты, с которыми мы беседовали, объяснили, что пожилые родственники умершего, например, могут быть переведены в дом престарелых или умереть, и о прахе все забудут. По трем выделенным категориям мы изучим различную степень согласованности между традиционными методами погребения и кремацией, и приведем примеры на основе наших данных по регионам и из государственной статистики.

Сильные параллели между практикой погребения и кремацией

В Великобритании эксгумация праха человека по-прежнему регулируется законами, первоначально разработанными с расчетом на погребение тела в землю. Будучи захороненным в землю, прах не может быть «потревожен» без ордера на эксгумацию останков от Хоум-офиса³. Между тем кремированные останки часто принято помещать не в землю, а в отдельный памятник с местом для урн (обычно их две). Такой памятник был назван «ракой» (*sanctum*) по крайней мере одним поставщиком похоронных услуг, и это обозначение встречается все чаще. Ниши колумбария — еще одна «наземная» альтернатива погребению в землю, которая была доступна

³ Департамент Правительства Великобритании, выполняющий функции министерства внутренних дел (прим. перев.).

в различных формах с момента легализации кремации. Сейчас прах может храниться в таких мемориалах-колумбариях с различным периодом аренды, часто на 10, 15 или 25 лет, с возможностью продления. Закон в данном случае не требует получать разрешение на эксгумацию, если останки захочет забрать семья покойного, или орган власти, когда истечет согласованный срок аренды.

Различие, которое делается на практике между хранением останков над землей и захоронением их в землю, отражает сложность интерпретации законов, разработанных и внедренных в целях защиты как тела умершего, так и душевного покоя близких. Такая защита была особенно актуальна в течение XVIII и XIX веков, когда тела эксгумировали для продажи врачам, совершенствующим методы диагностики на вскрытых трупах. Дальнейшее расширение законодательной регуляции обращения с кремированными останками указывает скорее на желание сохранить понятие святости могилы, а не защитить сам прах. Так, нормы, регулирующие манипуляции с прахом до того, как правовой статус останков изменится после помещения их в «священное» пространство могилы, до сих пор разработаны очень слабо. По мере того, как подобные законодательные пробелы становятся очевидными, все активнее продвигаются и применяются новые правила, регулирующие практику обращения с прахом. Так, Агентство по окружающей среде Англии и Уэльса в настоящее время производит ревизию своей политики в отношении похоронных практик и их воздействия на окружающую среду. Однако в разрабатываемом документе прямо говорится, что, с некоторыми важными исключениями, такими, как рассеивания праха вблизи источника питьевой воды или с моста через оживленный водный путь, Агентство не желает вмешиваться в решения, которые принимают люди [Environment Agency of England and Wales 2005].

Нежелание принимать законы о кремированных останках, которые изъяты из общественного пространства под семейный или личный контроль, актуально и в случае раздела праха. Несмотря на мнение, озвученное выше директором похоронного бюро, законодательство Великобритании прямо не запрещает эту практику, в отличие от ряда европейских стран, где существуют строгие правила, регулирующие захоронения праха. Например, в Германии кремированные останки могут быть захоронены только в запечатанном контейнере, гробовщиком или представителем

кладбища, поэтому разделить прах практически невозможно. Аналогично в Италии вскрыть урну и рассеять прах в любом месте, кроме указанного в документе перевозки (обычно это кладбище) по-прежнему является уголовным преступлением. С другой стороны, Нидерланды в 1995 году изменили акты, регулирующие этот вопрос, и разрешили разделение праха [Arber 2000].

Хотя у Великобритании репутация страны, избегающей прямых законодательных запретов, мы видим, что многие сотрудники крематориев и некоторые похоронные директора придерживаются правил, направленных против практики разделения останков. Связка между одним местом размещения праха и одним сертификатом о кремации оправдывает такой подход. В то же время, наши данные свидетельствуют, что разделение праха – не редкое явление, особенно после того, как останки забирают из крематориев. При этом в процессе обсуждения данной практики некоторые респонденты выразили инстинктивный протест или даже отвращение. В некоторых случаях такая реакция означала концептуальное приравнивание погребения тела к захоронению праха. Случай Дорис Пенни, государственного чиновника среднего звена, показывает, как именно выстраиваются и применяются такие параллели.

Случай Дорис Пенни. Дорис создала небольшой участок для захоронения праха трех членов семьи, которые умерли в течение последних 15 лет: ее отца, матери и тети. Отец умер первым. По его желанию он был кремирован, поскольку, как сказала Дорис, был всегда «немного против погребения (*burial*)». Однако, как это часто происходит, он не уточнил, как следует распорядиться его прахом. С другой стороны, Дорис всегда считала себя в каком-то роде противницей кремации из-за ощущения, что «вы просто сожжены, и ничего нет, и некуда прийти». Такое восприятие кремации росло из убеждения, что выбор вариантов размещения праха не велик, как это и было в 1970-х и 1980-х годах. Говоря об отвращении к «бесприютности» (*placelessness*), которую она чувствовала в идее рассеивания праха, Дорис отметила:

«Куда бы я ходила поговорить с ними? Где бы почувствовала связь? Как бы узнала, с кем разговариваю? Папа моего мужа умер, и его прах был развеян в саду памяти при крематории, и Тони сказал: «Мне некуда пойти». Думаю, ему было бы лучше, если бы такое место было.

Моя мать всегда говорила: «Я не хочу, чтобы меня похоронили, забыли, и на могиле не было цветов». Ну, может быть и так, но потом может быть и следующее поколение, которое захочет прийти и навестить вас, и посмотреть, где вы нашли покой».

Для Дорис Пенни, как и для многих других респондентов, казалась необходимой доступность такого «центра» (focus) — постоянного места, где бы чувствовалась связь с родителями, где она могла бы их навещать, а символом их присутствия был бы прах. Когда Дорис спросили, рассматривала ли она возможность разделить прах и захоронить его в нескольких местах, она отреагировала с ужасом: «Я бы не разрезала своего отца пополам, не так ли? Он ведь цел ... это было бы похоже, будто я ему ноги отрубила». Когда ее спросили, смешала ли она вместе прах родителей, Дорис ответила, что предпочитает держать прах в разных урнах. Муж недавно предложил Дорис смешать их прах после смерти: она с улыбкой отнеслась к его романтическому порыву, но ей эта идея не понравилась.

Только в 1990 году, после смерти отца, Дорис Пенни, к своему удивлению, обнаружила, что прах можно захоронить. В семье обсудили, что каждый думает по этому поводу. Никто ничего не знал об этой практике, и поэтому они обратились за информацией к похоронному директору. Им показали кладбище и сказали, что они могут купить участок земли, на котором можно разместить три урны. Возможность воссоединения членов семьи через общее пространство могилы стала решающим фактором, особенно для больной матери Дорис, которая в результате изменила свои взгляды и сказала: «Да, давайте сделаем это, я хочу быть с папой, когда со мной что-то случится». На той же встрече было решено, что сестра отца, которая на протяжении многих лет жила с братом и его женой в качестве сиделки, займет третью урну, когда придет время. Для Дорис этот участок с прахом приобрел значение семейной могилы. Урны ее отца и матери были теперь захоронены вместе в центре участка, а урна с прахом ее тети была размещена сбоку. Маме Дорис, по рассказам, было приятно думать, что, когда она умрет, ее семья сможет навестить их всех.

Реакция семьи Пенни отражает широко распространенные взгляды: предпочтение отдается местам захоронения, где посещение и уход предполагают осмысленное взаимодействие, в том

числе разговор. Например, Дорис Пенни регулярно навещала место захоронения праха, особенно в годовщины и юбилеи. Первоначально она ходила на кладбище очень часто и в разное время дня. Этот сильный позыв ослаб к моменту нашего интервью, но она все еще не могла совсем игнорировать импульсивное желание навещать умерших родственников. На месте захоронения праха Дорис обсуждала со своей покойной семьей повседневные проблемы и оставляла цветы (традицию дарить цветы она всегда соблюдала, когда близкие были живы). Дорис ненавидела засохшие или пластиковые цветы на могилах, вещи вроде статуэток или ветерков, считая, что это «вопрос уважения к покойным». Свежие цветы, которые Дорис брала с собой, были важны как демонстрация того, что она «помнит». Кладбища для нее — «священные места»: «хотя я не верующий человек, но нужно сопротивляться превращению их в украшенный под Рождество дом, с блестками и мигающими огоньками», говорила она. Единственным исключением, которое делала Дорис, были детские могилы. Что касается фотографий, то они, по ее мнению, слишком интимная часть жизни, чтобы помещать их в общественное пространство кладбища: множество изображений, которые она хранила дома, вызывали в ней чувство теплоты, близости и приносили успокоение. Дорис чувствовала, что ее привычки и ритуалы, связанные с посещением могилы, помогли ей пережить скорбь, создав пространство, которое принуждало к размышлениям. Отказавшись от развеивания праха Дорис Пенни апеллировала к традиционным похоронным ритуалам, а ее неприязнь к новой практике экспансии интимного в местах размещения останков (посредством гирлянд, фотографий и т. п.) говорит о том, что возможность вывезти прах из крематория она не восприняла как повод для каких-либо новаций в этой сфере.

Взгляды других информантов согласуются с взглядами Дорис Пенни. Одна из респондентов, говорившая о своем умершем муже и его останках, не понимала, что означает «разделение» праха. После объяснения смысла этой практики она сразу же решила: «Разделить? Нет, это нехорошо, это не для меня — я все еще хочу чувствовать, что он является цельной сущностью». Руководитель крематория выразил это более решительно, вспомнив, как однажды он запретил помещать часть праха в саду памяти после того, как другая часть уже была рассеяна над рекой. Семье было рекомендовано воссоединить оставшуюся половину с прахом в реке. Возмущенный

таким предложением, он воскликнул: «Это незаконно! Я имею в виду, это как отрезать руку или ногу». Конечно, как уже отмечалось, практика разделения праха не противоречит законам Великобритании, хотя и не одобряется правилами, которым следуют большинство крематориев. Так, в Кодексе кремационной практики Федерация кремации Великобритании принимает на себя обязательство сохранять целостность останков: «По завершении, все кремированные останки должны быть собраны и, после измельчения (*reduction*), ими распоряжаются (*disposed of*) в соответствии с инструкциями» [FBCA 1999]. Согласно этому руководству, приоритетное внимание должно быть уделено целостности и идентичности останков, которые должны быть «отделены от других и надлежащим образом идентифицированы» (*kept separate and suitably identified*).

Другие сильные параллели между практикой погребения и практиками размещения праха также неоднократно озвучивались нашими информантами. Мария Уорбертон несколько раз говорила о том, что пепел ее матери «покоится с миром» (*laid to rest*), вспоминая о репатриации ее праха в Ирландию: «Люди говорили: «ты привезла ее домой». Очень важно, чтобы она вернулась домой, чтобы она могла покоем (*laid out*) в своем доме в Ирландии», говорила она. Мария поместила урну на подоконнике в ночь перед церемонией, в ходе которой прах развеяли неподалеку над морем. Это повторяет ирландский обряд поминок со свечой в окне и приходом гостей. В случае с Ирландией, где доля кремации по-прежнему составляет около 2% умерших, репатриация урны с прахом выглядит довольно неожиданно. Мария, однако, сконструировала ситуацию, которая согласуется с практикой репатриации тела и вытекающих из нее возможностей для поминовения умершей в определенном месте и в определенное время. Она оспаривала точку зрения, что традиционный акт предания тела земле еще не ставит заключительную точку: «Погребение свершилось, ну а уж если вы так желаете, то можете посетить могилу. С кремацией по-другому, это не тот случай, когда захлопнули крышку – и конец».

Запустив процесс ритуализации, Мария сумела преодолеть связанные с кремацией предрассудки, свойственные некоторым информантам из «профессиональной» среды. Например, представитель общества *The Compassionate Friends* в Глазго утверждала, что в то время как люди, чьи дети были похоронены, «ходят к могиле один раз в неделю, у людей, которые развеяли прах, нет такой

возможности, и все они сожалеют об этом, большинство из них». По поводу собственного сына, чье тело было погребено, а не кремировано, представитель этого общества сказала: «Я просто чувствую, что он все еще там, там все еще его часть; если бы я его кремировала, думаю, это был бы конец, если вы понимаете, что я имею в виду». Похоже высказалась и аутрич-медсестра⁴ из Ноттингема: «Когда людей кремируют их будто стирают с лица земли, я понимаю, что они в любом случае мертвы, но так они словно никогда и не существовали, чем если бы у вас была могила, которую можно посетить». Мария, между тем, заметила, что желание ее матери быть кремированной и развеянной над морем предоставило возможность для поминовения (memorialization) в том темпе, который Мария могла сама установить, и который, по ее мнению, значительно облегчил чувство утраты. Одновременно, и в более публичном аспекте похорон, <в ее случае> была задействована и идиома погребения (репатриация останков, соблюдение ритуала).

Для других информантов выбор между погребением и кремацией, а затем между развеиванием и захоронением праха, казалось, отражал их отношения с умершим. Несколько информантов, в том числе профессионалы из похоронной сферы, отметили потребность тех, кто потерял детей, в наличии четко маркированного места размещения останков. Например, Маркус и Элизабет Томлинсон, родители 29-летнего мужчины, умершего внезапно, сначала хотели похоронить (*to bury*) тело, пока другой сын не убедил их, что кремация в большей степени соответствовала жизни и устремлениям покойного. Хотя все приготовления к погребению были сделаны, незадолго до похорон выбор пал в пользу кремации. Вопрос о развеивании праха даже не поднимался, и останки сына были захоронены с бабушкой и дедушкой по материнской линии. «Мы не хотели, чтобы он был один», объяснила Элизабет. Хотя они развеяли прах тети возле могилы своих родителей на другом кладбище, она сказала: «Это было бы неправильно — развеять прах. Это не для нашего сына. Знаете, она (тетя) повсюду, а он в одном месте, там его прах. Когда это ребенок, вам нужно куда-то пойти — особенно женщине, которая его вынашивала...»

4 Аутрич (англ. outreach) — метод работы с населением, при котором медицинские специалисты проводят профилактические и просветительские мероприятия за пределами медицинских учреждений (прим. перев.).

Отголоски традиционного обряда погребения в суждениях Элизабет Томлинсон только усилились, когда она упомянула кристалл розового аметиста, вмонтированный в гроб сына, предположив, что камень находится в урне (возможно, целый) вместе с его прахом. Забрав урну из крематория, они оставили ее на ночь в доме. Возможность посмотреть на прах вызвала у них содрогание: «это все равно что раскопать могилу и посмотреть на кости». Отвечая на вопрос о разделении праха, оба сказали, что они никогда не думали об этом и, снова ссылаясь на метафору увечья, отметили: «Нет, это словно отрезать руку или ногу от кого-то — это осквернение».

Оценка возможных вариантов, принятые решения и отношение к ним, демонстрируют известную непоследовательность этих информантов: планируя погребение, они отказываются от него в пользу кремации, но хоронят кремированные останки так, чтобы могила оставалась в центре их внимания, а сын был под покровительством бабушки и дедушки, в месте, которое он знал и любил. При этом они предположили, что захоронение пепла в семейной могиле было гораздо лучшим решением, чем погребение тела: «Каждый раз, когда я хочу посетить могилу, я бы думала о разложении тела, что там происходит. Кремация... Сжигание — чище». Элизабет и Маркус Томлинсон хотят, чтобы и их прах был захоронен в этой могиле, с их сыном, бабушкой и дедушкой по материнской линии. Стратегия, аналогичная той, что выбрала и Дорис Пенни.

Итак, в каждом из этих случаев размещение кремированных останков в общественном пространстве, или, в случае с Марией Уорбертон, организация традиционных церемоний, может быть звеном, связующим прах с кладбищенской могилой и погребением. Запрет на разделение праха и изображение этой практики как формы осквернения, по-видимому, отражает закон и обычай не тревожить человеческие останки. Хотя в этих случаях и заметна определенная двусмысленность, люди, потерявшие близких, действовали и думали в рамках, которые, как кажется, лежат глубоко в тени традиционного похоронного обряда, и не в последнюю очередь потому, что захоронение праха включает такой устойчивый компонент, как размещение останков в общественном пространстве. В следующем разделе мы рассмотрим случаи, когда целью информантов, напротив, было убедиться, что послед-

нее пристанище праха будет свободным от коллективной компоненты, представленной кладбищем или садами памяти в крематориях.

Ветер и волны: сопротивление призраку кладбищенской могилы

Интервью показали, что на выбор информантами кремации в значительной мере влияла неприязнь к идее погребения в земле. Информант с неизлечимым заболеванием всего за три дня до смерти сказал, что предпочитает «духовку» могиле, потому что «там внизу будет чертовски холодно». Другие популярные аргументы схожи с теми, которые собраны в исследовании Дэвиса и Шоу [Davies & Shaw 1995]: это желание избежать медленного разложения, страх быть «похороненным заживо» или «съеденным червями», а также стремление избавить потомков от хлопот, связанных с уходом за могилой. Примечательно, что подобные взгляды обычно связывают с пожеланиями самих умерших, высказанными когда-то или уже при смерти. Среди же тех, кто пытается распорядиться останками родственников, не оставивших на этот счет распоряжений, подобные аргументы гораздо менее распространены. Как бы то ни было, для выбравших кремацию особое значение приобретают темы заточения (confinement) и свободы (release). Так, в предыдущем разделе было показано, что для информантов, считающих, что тщательно подобранное, надежное и огражденное место для захоронения или развеивания пепла должно фокусировать память об умершем и защищать его останки, важно понятие целостности праха или, как минимум, определенности места, где он был развеян (например, у основания дерева, которое любил покойный). Но как насчет тех, кто решил развеять прах по ветру или в воде, часто обосновывая такой поступок желанием освободить (release) умершего? Отражает ли их выбор стремление избежать призрака могилы?

Последнее безусловно справедливо для Дэниела МакГоу, штукатура из Глазго. Он утверждал, что могила — это «заточение (confinement) вас, как личности, потому что вы там навечно, или пока власти не захотят построить дома и переместить вас... Для тех, кто полагает, что они встретятся с вами, только когда придут на могилу, это тоже <воспринимается> как заточение». Дэниэл утверждал: «Если они

просто поднимут мой прах на холм и дадут ему развеяться на ветру, я буду вполне счастлив. Мне нравится идея свободы».

Значительное число других респондентов также согласятся с ним. Билл Освальд, 90-летний информант, все еще хранил прах жены на прикроватном столике, несмотря на то, что был вдовцом уже десять лет. Он хотел смешать свой прах с прахом жены, чтобы друзья из походного клуба развеяли его с вершины их любимой горы в Дербишире. Для Билла это был бы знаменательный конец – вместе с женой, в просторном и прекрасном месте, с отличным видом. На вопрос о погребении на кладбище он ответил так:

«Ну, кладбища – места довольно депрессивные. Я забочусь о могилах, где похоронены мои мать и отец, но думаю, что все эти памятники, кресты, это не обязательно. Я был религиозным, когда был молодым, примерно до 14 лет, когда решил: «Буду думать своей головой». Не скажу, что я атеист, но... я обошелся без службы во время кремации <жены>, потому что не считаю, что церковь нужна только для браков, смертей и крестин».

Мысли Билла ясны, но, пока он был жив, прах его жены был «захоронен» другим, но тоже очень личным способом. Каждую ночь перед сном Билл садился на кровать и разговаривал с прахом, рассказывал жене, как прошел день. Он сказал, что может говорить только с прахом, поскольку это то материальное, что от нее осталось; фотография этого не заменит [Gibson 2004].

Другой мотив избежать могильного морока двигал супружеской парой, живущей в зажиточной области Ноттингема. Пара не испытывала неприязни и не отвергала идею кладбища как такового. Напротив, Алан развеял часть праха своей матери на кладбище, которое находится в месте, где она прожила всю жизнь, сохраняя место для погребения остальных родственников. Но в целом кладбище не имело особого значения для них. Скорей, отвращение к стационарности (fixity) кладбищенских могил стало причиной постоянного поиска нетрадиционных и значимых мест для захоронения праха родственников. В ходе поисков они развеяли останки близких в самых разных местах: в машине, в любимых пабах, местах отдыха, в океане и на вересковых пустошах. По словам жены Алана, Аманды, развеивание праха позволило ее отцу и деду много путешествовать, а путешествия, как будет показано ниже, означали для Аманды постоянное общение с другими людьми, в противоположность скуке и одиночеству, в которые неиз-

бежно ввергает захоронение на кладбище. По ее мнению, небольшие части праха формировали своеобразные опорные точки (anchor points) для душ умерших родственников. Вот ее слова:

«Сначала меня испугала идея, что мы фактически разделяем или теряем прах, потому что тогда это уже не совсем целый человек. Тогда я подумала: «хорошо, это не человек, это просто пепел, последнее, что они могут дать мне, ведь там обязательно будет что-то, что выпало при кремации, и немного, что сдуло где-то в другом месте». И да, нужно всюду ездить, иначе вообще не сможешь шевельнуться, потому что застрял в одном месте. Господи, я же не могу день деньской блуждать по пустырям, сама по себе – нет уж. Бог мой, ведь это была бы такая скука, с другими, такими же потерянными. Не хочу быть такой же потерянной душой, хочу повсюду ездить, со всеми встречаться».

Этот пример свидетельствует о стремлении избежать как стационарности (fixity) кладбища, так и растворения в коллективности сада памяти. Однако, как мы обнаружили, призрак традиционной могилы отбросил свою длинную тень и на этот случай. Оказалось, что самым важным для этой пары местом размещения останков был цветочный горшок в их саду на заднем дворе. Горшок был своеобразным фокусным центром (hub) всей деятельности этой пары по разбрасыванию праха. Среди всех тщательно обдуманных ими вариантов распоряжения пеплом родственников он, по всей видимости, отвечал потребности наших информантов в четко определенном и укромном месте для хранения останков. Наличие такого стационарного горшка позволяло свободно разбрасывать прах в других местах и, одновременно, оставаться максимально близко к умершим. Таким образом, горшок выполнял мемориальные функции традиционной кладбищенской могилы, но находился в частном, безопасном пространстве и наделялся эксклюзивным статусом. Прах только самых любимых родственников размещался в горшке, но были и такие родственники, которые не соответствовали определенным требованиям. На кладбище подобные тонкая дифференциация и контроль не всегда возможны или достижимы. Так, перспектива смешать прах ее матери вместе с прахом отца удручала Аманду и «все бы испортила», ведь родственники, чей прах находился в горшке, хорошо относились друг к другу в жизни. Хотя отец Аманды, по ее мнению, был вполне

свободен и счастлив, его воссоединение с матерью снова «загнало бы его под каблук». Поэтому прах матери, скорей всего, будет захоронен не в горшке, а в саду дома, где ее мать в тот момент жила.

Разнообразный подход Алана и Аманды к процедуре развеивания праха подразумевал использование как земной, так и водной поверхности. Идея предать прах в воде, чтобы обрести «освобождение», особенно интересна, сложна и, как кажется, еще больше дистанцирует нас от призрака кладбищенской могилы. Хотя привычно слышать объяснения, что предание праха реке или морю означает финал долгого и подчас мучительного для самого говорящего путешествия по жизни, такой способ не всегда ассоциируется у информантов с собственно исчезновением останков (*dissolution*). Для некоторых информантов попадание праха в поток воды навевало мысли о движении (*movement*) и оживлении (*animation*). Заявления типа «он наконец освободился, чтобы посмотреть на мир» или «наши останки встретятся в наших путешествиях», были зафиксированы во время ритуальных погребений в море, которые также стали частью нашего исследования.

Так, для упомянутой Марии Уорбертон предать пепел ее матери водам Атлантического океана во время утреннего прилива не значило развеять ее прах. Она толковала это совершенно противоположным образом, как воссоединение сущности умершей: «Мне не кажется, что ее прах развеян. Она снова соберется вместе, в воде». Эту точку зрения необходимо поместить в более широкий контекст взглядов на захоронение пепла и вызываемых им ассоциаций с традиционным погребением. Она далеко не редкость, о чем свидетельствует уникальный обзор практики морских погребений, составленный преподобным Симоном Спрингеттом, долгое время служившим капелланом в британском ВМФ. В 1990-х годах им были опрошены по почте родственники моряков, чей прах был погребен в море, о том, где, с их точки зрения, сейчас находятся и что из себя представляют кремированные останки их родных. Из 300 опрошенных только каждый пятый (19%) полагал, что прах был разнесен по океанам. Большинство (72%) считали, что прах «погребен» (*buried*) в месте, где он был опущен в море (хотя специальная, типа корзины, урна (*casket*) может опуститься на дно лишь благодаря отверстиям для воды, которой ничто не мешает смешиваться с прахом) [Springett 1994]. Сейчас Королевский военно-морской флот предоставляет тем, кто решил посетить место морского

погребения, памятную карту, на которой точно указана точка, где оно произошло. Почти все (87 %) из тех, кто участвовал в опросе, сказали, что они долго хранили эту карту, – практика, в чем-то аналогичная хранению в семейном архиве справки о месте погребения на кладбище.

Таким образом, даже очевидные примеры бегства от призрака кладбищенской могилы демонстрируют, сколь большое значение продолжают играть ритуалы и смыслы, связанные с традиционным погребением. У последней же группы наших респондентов идея общественного кладбища, контролируемого муниципальными или церковными организациями, вызвала еще большие сомнения. В их историях прах чаще всего обретал покой строго за пределами общественных пространств, обычно на частных территориях или в особо значимых местах. Хотя к этой категории можно отнести и такие интригующие с точки зрения СМИ разновидности похорон, как запуск пепла в космос, или трансформацию останков в драгоценные камни (например, алмазы), примеры семейных похорон, описанных этими информантами, были не в пример более скромными. Хотя и не столь эффектные, они бросают не менее сильный вызов традициям и институтам, до сих пор определявшим и контролировавшим способы захоронения останков после смерти.

Двойственный или пограничный? Скорей, промежуточный и привычный.

Мать Элис Робсон умерла, и, по настоянию сестры Элис, ее прах был разделен. Часть была переправлена в Новую Зеландию, любимое место отдыха покойной, оставшаяся хранилась в доме сестры. Элис считала неправильным, что останки разделили, поэтому судьба оставшейся части праха ее не интересовала. Она считала, что из-за разделения останков мать не обрела покой. Несколько лет спустя умер Фред, муж Элис, он был кремирован. Когда стал вопрос, как следует распорядиться его прахом, на решение Элис повлияло как ее собственное несогласие с решением о разделе праха матери, так и впечатления от садов памяти при крематориях – безликих, удаленных и неприветливых. После обсуждения с сыном и его женой было решено оставить прах рядом, захоронив (*burying*) его в их собственном саду в китайской вазе, которую

всегда любил Фред. Он обожал сад и проводил там большую часть своего времени после выхода на пенсию, поэтому семья решила, что это место надежное и подходящее. Близость к месту захоронения означала, что Фред всегда с ними, а Элис не нужно было ездить тремя автобусами на кладбище.

Они устроили церемонию захоронения праха с участием семьи и близких, отметив место погребения фонтанчиком для птиц и окружив его любимыми цветами Фреда. Маленькая медная доска с его именем была прикреплена к фонтану. Такие действия можно рассматривать как своеобразный компромисс. С одной стороны, прах был предан земле под памятником, маркирующим место захоронения. С другой, было решено, что прах можно будет легко перевезти в том случае, если семья сменит место жительства, несмотря на то, что это противоречит закону об эксгумации. Местоположение останков маркировано на территории семейной собственности, при этом оно не зарегистрировано и находится вне сферы контроля государства. Неформальное извлечение погребенного праха из земли, конечно же, выглядело бы намного более проблематичным на кладбище, в пространстве, где применяется закон об эксгумации.

Другой собеседник, Кэрол Девон, которая похоронила прах своего отца в семейном саду, повторила многие из этих объяснений и аргументов. Она считала позором, что соседка оставила прах своего мужа в крематории для развеивания в саду памяти, что ему было оказано так мало уважения, при том, что «даже пепел соседской собаки разместили на камине». У Кэрол, как и Элис Робсон, остался неприятный осадок, связанный с посещением кладбищ. Она добавила, что хотела бы избавить своих детей от ответственности по уходу за могилой. Похоронив прах отца в саду своей дочери, она почувствовала, что останки в безопасности и что за ними хорошо ухаживают в приятном, оживленном саду, в котором играют дети.

В целом, хранение праха в саду, независимо от того, был ли он развеян или захоронен в контейнере, обычно рассматривается как «конечный пункт назначения», в отличие от ситуации, когда прах хранится в доме. В последнем случае информанты часто описывали, как после их собственной кончины они воссоединятся с покойным. Для одних это означало, что прах должен быть помещен в их гроб, для других, что прах должен быть смешан перед тем, как

его захоронят или развеят. Другие просили, чтобы урны с прахом были погребены рядом друг с другом или же помещены в нишах одного памятника — раки (*sanctum*). Незахороненный прах может просто храниться в контейнерах серийного производства, начиная от цветных стеклянных фигур дельфинов и заканчивая резными шкатулками из ценной древесины, которые, по замечанию одной вдовы, напоминали ей гроб. Разнообразие контейнеров сочетается с разнообразием мест, где они могут храниться дома. Зачастую расположившись на самом видном месте — каминной полке или рядом с телевизором, останки со временем могут переехать на «задворки» — под лестницу, в гараж или на чердак, или же в очень личное пространство, такое, как спальня. В таких случаях само обсуждение вопроса информантами, предать ли останки могиле или развеять прах, то есть принять окончательное решение, не приветствуется. В данной ситуации статус праха можно рассматривать как пограничный: с одной стороны, он наделен социальной функцией и идентичностью, с другой — он вытеснен в чулан.

Заключение

Итак, вначале мы задались вопросом, как объяснить, что практики обращения с останками после кремации неотступно преследует тень традиционной кладбищенской могилы? Мы предположили, что, выбирая, как распорядиться прахом, люди могут находиться под сильным влиянием традиций, связанных с ритуалом погребения трупов. Мы разобрали эту гипотезу, опираясь на данные, полученные из интервью с людьми, которые несли ответственность за организацию кремации и последующую судьбу останков, а также со специалистами из похоронной сферы. В заключение мы приведем несколько ответов, которые не являются окончательными.

Хотя кремация статистически доминирует, на практике она часто представляет собой вариацию уже менее популярного традиционного погребения в более или менее публичном пространстве. При этом, как относительно недавнее изобретение, кремация может претерпевать метаморфозы. Так, в исследованных регионах мы отмечали набирающую темп популярность наземных склепов или «рак» (*sanctums*), которые устанавливаются в садах памяти.

По сравнению с низкими ценами на кремацию в прошлом это относительно дорогостоящие, даже учитывая опцию возобновляемой аренды, памятники с нишами для двух урн (рак может стоить от 800 до 1000 фунтов стерлингов). Несмотря на это сотрудники крематориев сообщали нам о трудностях в удовлетворении растущего спроса на такие памятники. Данные показывают, что 30 рак, установленных на ранней стадии нашего исследования, теперь почти полностью заполнены или резервированы.

Одновременно большая часть данных демонстрирует, что люди продолжают симпатизировать традиционному ритуалу погребения. Это выражается в наборе взглядов о необходимости иметь четко локализованное место захоронения, а также в представлениях о некой внетелесной цельной сущности, на которую не влияет трансформация кремированных останков. Хотя интерпретации, которые мы приводим, основаны на анализе данных, который еще не закончен, все говорит о том, что степень распространения новационных стратегий обращения с останками (стратегий, обусловленных физическими характеристиками самого пепла) только сейчас достигла уровня, достаточного, чтобы называть эти стратегии «тенденциями». Лишь столетие прошло после признания кремации, и всего три десятилетия, то есть одно поколение людей, как кремация получила широкое распространение. Недавняя статья Брайана Парсонса [Parsons 2005] показывает, что новая практика развеивания праха начала распространяться лишь с 1905 года. При этом он подчеркивает, что это был выбор очень малого числа людей, а не больших групп, с которыми мы сейчас имеем дело.

Мы уже отметили, что ритуал представляет собой способ как создания смысла [Levi-Strauss 1967], так и стимулирования и управления эмоциями [Turner 1969]. Завершим статью словами женщины, описывающей, как она справилась с ситуацией, когда обнаружила остатки праха дочери в контейнере после того, как они с мужем вернулись домой, полагая, что развеяли весь прах. Расстроенные своей ошибкой, они, тем не менее, решили развеять остаток праха около дерева в своем саду. Как результат, у женщины возникло комфортное чувство присутствия дочери рядом с домом. Она отметила даже, что дерево растет теперь более интенсивно. Ее слова — пример генерации новых связей посредством нарратива и, как результат этого, порождение нового смысла.

«И тогда все обрзумилось, разделение праха уже не имело значения, потому что появился новый смысл. Это именно тот самый вопрос, о котором говорил Виктор Франкл⁵ ...Вы знаете, что он был в концлагере, и он пришел к такому выводу: человек, или человеческий род, может справиться с любыми страданиями, если обретет смысл. Но смысл есть не всегда, и от этого страдаешь не меньше. Но вы, сплетая значения, находите свою историю, находите свой смысл, чтобы жить с ним и приспособливаться. Поэтому, думаю, моя ситуация это пример того, как обрести смысл, с которым можно жить, и при котором разделение праха уже перестанет иметь значение.»

Мы видим, как отдельные люди и целые семьи принимают решения о судьбе праха, решения, которые продиктованы желанием поддерживать связь с покойным. Они действуют, исходя из прошлого, но руководствуясь будущим, касается ли это места захоронения, поведения людей или свойств вещей. Подобно тому, как уход за большим и искусно сделанным погребением или надгробным камнем требует внимания и времени, манипуляции с кремированными останками также позволяют, и даже вынуждают, постоянно вспоминать об умершем.

Можно утверждать, что во многих примерах, приведенных здесь, развитие ритуала происходит через постоянные отсылки к более традиционным институциональным символам. Подобное развитие может обрамлять процесс дальнейшей индивидуализации каких-то весьма специфичных семейных и родственных контекстов. Этот процесс индивидуализации, по всей видимости, уже не происходит посредством абстрактных категорий, поставляемых церковью и обществом. Попытка обрести свой смысл, с которым «можно жить», минует статичность традиционного «ритуала», который уступает место более гибкой траектории мемориализации. Последнюю лучше определять как «ритуализацию» [Seremetakis 1991], поскольку она охватывает и продлевает жизненный нарратив умершего.

5 Виктор Франкл (1905–1997) — профессор неврологии и психиатрии в Вене, переживший концлагерь Терезиенштадт. Его впечатляющая книга «Человек в поисках смысла» (1964), основанная на опыте жизни в лагере, утверждала, что люди могут пережить любые страдания, если будут придерживаться своего выбора относительно того, как реагировать на происходящее с ними.

Литература

Arber 2000 — Arber, R.. Disposal of cremated remains. A European perspective. Unpublished manuscript. 2000.

Bloch & Parry 1982 — Bloch, M., & Parry, J. (Eds.) Death and the regeneration of life. (Cambridge: Cambridge University Press, 1982).

Cremation Society of Great Britain 1974 — Cremation Society of Great Britain History of modern cremation in Great Britain from 1874: The first hundred years. 1974. Retrieved September 12, 2005, from <http://www.srgw.demon.co.uk/Crem-Soc/History/HistSoc.html>

Davies 1997 — Davies, D. Death, ritual and belief. (London: Cassel, 1997).

Davies & Guest 1999 — Davies, D., & Guest, M.J. Disposal of cremated remains. *Pharos International*, 65, pp. 26–30.

Davies & Shaw 1995 — Davies, D., & Shaw, A. Reusing old graves: A report on popular British attitudes. (Kent: Shaw & Sons, 1995).

Environment Agency of England and Wales 2005 — Environment Agency of England and Wales. Draft policy on funeral practices and the environment. Retrieved September 12, 2005, from <http://www.environment-agency.gov.uk/yourenv/consultations/902339/>.

FBCA 1999 — FBCA. Code of cremation practice: 1999 revision. (Carshalton: The Federation of British Cremation Authorities).

Francis, Kellaher & Neophytou 2005 — Francis, D., Kellaher, D., & Neophytou, G. The secret cemetery. (Oxford: Berg, 2005).

Frankl 1964 — Frankl, V. Man's search for meaning: An introduction to logotherapy. (London: Hodder and Stoughton, 1964).

Gerholm 1988 — Gerholm, T. On ritual: A post-modernist view. *Ethnos*, 3–4 (1988), pp. 190–203.

Gibson 2004 — Gibson, M. Melancholy objects. *Mortality*, 9 (2004), pp. 285–299.

Hall & Jefferson 1976 — Hall, S., & Jefferson, T. (Eds.) Resistance through rituals. (London: Heinemann, 1976).

Jupp 2005 — Jupp, P.C. From dust to ashes: Cremation and the British Way of Death. (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005).

Levi-Strauss 1967 — Levi-Strauss, C. The savage mind. Chicago: (University of Chicago Press, 1967).

Parsons 2005 — Parsons, B. Where did the ashes go? The development of cremation and disposal of ashes 1885–1950, Part 2: Grave to gardens: Scattering and gardens of remembrance. *Institute of Cemetery & Cremation Management (ICCM) Journal*, 73 (2), 28 (2005), p. 43.

Pharos International 2004 — Pharos International. Disposition of cremated remains in Great Britain. *Pharos International*, 70 (2004), p. 20.

Seremetakis 1991 — Seremetakis, N. *The last word: Women, death and divination in inner Mani*. (Chicago: University of Chicago Press, 1991).

Springett 1994 — Springett, S. The burial of cremated remains at sea. Pastoral placement report, 1994 (http://springnuts.port5.com/docs/sps_crem.pdf).

Turner 1969 — Turner, V. *The ritual process*. (Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1969).

White 2002 — White, S. A burial ahead of its time? The Crookenden burial case and the sanctioning of cremation in England and Wales. *Mortality*, 7 (2002), pp. 171–190.

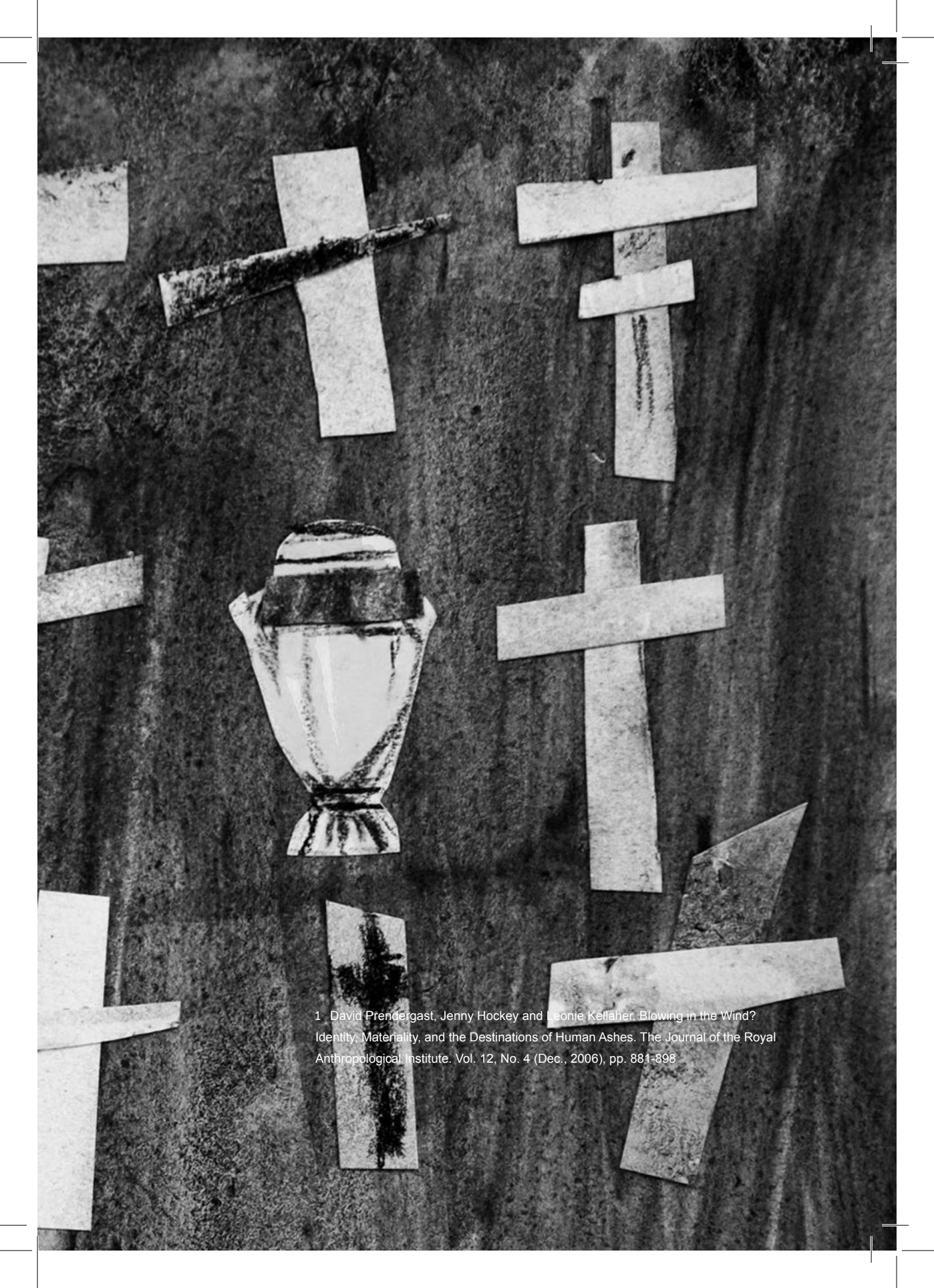

Дэвид Пендергаст, Дженни Хаки, Леони Келлахер

Перевод Юлии Колошенко и Дмитрия Перегудова
под редакцией Ивана Куликова

В дуновении ли ветра? Идентичность, материальность и судьбы человеческого праха¹

A black and white photograph showing several wooden crosses of varying sizes and a central, more ornate object resembling a small urn or a decorated cross. The objects are placed on a dark, heavily textured surface that looks like rough ground or a wall. The crosses are made of light-colored wood, while the central object has a darker, possibly painted or carved, design. The lighting is dramatic, casting shadows and highlighting the textures of the wood and the ground.

1. David Prendergast, Jenny Hockey and Leonie Kellaher. Blowing in the Wind? Identity, Materiality, and the Destinations of Human Ashes. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 12, No. 4 (Dec., 2006), pp. 881-898

*Нет, нет... это не для нас, это не так. Умирание не романтично,
и смерть — это не игра, которая скоро кончится...
Смерть — это не то, что... Смерть — это не... Это отсутствие присут-
ствия... ничего больше... бесконечное время, в течение которого...
нельзя вернуться... это дверь в пустоту... которой не видишь...
и когда там поднимается ветер, он не производит шума...*
Том Стоппард. Розенкранц и Гильденстерн мертвы (1968)¹

В конце 1960-х была опубликована пьеса Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» [Stoppard 1968], где автор эффектно срывает культурные покровы, посредством которых люди пытаются примириться, прийти к какому-то «соглашению» с тем, что они смертны. Впечатляющий образ «бесконечного времени, в течение которого нельзя вернуться» стал своеобразной прелюдией 70-х, когда Великобритания вступила в эпоху ревизии смыслов и практик умирания и смерти. В данной статье за отправную точку берется момент разочарования в смерти «по установленным традициям», момент поиска альтернатив. Далее, мы фокусируем внимание на появившейся в 1980-х тенденции родных и близких покойного забирать прах из крематория и ставим вопрос, действительно ли перемещение останков в пространстве, их мобильность, означает появление новой ритуализации.

Исследование и его контекст

Поводом для данного многоаспектного этнографического исследования стало то, что британцы начали массово отказываться от размещения праха в привычных местах совместного захоронения — на территории крематориев, кладбищ, погостов. Если в 1970-м году скорбящие забирали лишь одну урну с прахом из десяти, то в 2004-м уже более 56 % урн были изъяты для погребения в других местах [Kellaher et al. 2004]. Применительно к настоящему времени это означает, что каждый год пережившие утрату

¹ Перевод И. Бродского. Цитировано по изданию «Том Стоппард. Розенкранц и Гильденстерн мертвы. СПб.: «Азбука», 2000».

близких оказываются перед необходимостью решить, что делать с останками порядка четверти миллиона умерших.

Понятия «свободы» и «мобильности», которые, как представляется, ассоциируются с прахом, остающимся после кремации, обсуждались в интервью с сотрудниками бюро ритуальных услуг, духовенством, психотерапевтами, специалистами по обработке камня, акушерками, представителями городского совета, а также с людьми, утратившими близких и уже решивших, где разместить их прах. Интервью являются частью исследования, проведенного в четырех областях Великобритании, которые Дэвис и Шоу выбрали для своего масштабного проекта 1995 года «Повторное использование старых могил» [Davies & Shaw 1995]: это лондонский бороу Баркинг и Дагенем, Ноттингем, Сандерленд и Глазго. Все это – самые разнохарактерные английские и южношотландские урбанистические центры. С авторами этого исследования было достигнуто соглашение, что собранные ими данные будут подвергнуты нами повторному анализу, чтобы получить сведения, необходимые для решения нашей основной задачи: выяснить, что люди делают с прахом, который они уносят из крематория, и как они понимают и оценивают свой выбор. Благодаря данным, собранным Дэвисом и Шоу в 1995 году, также стало возможным сравнить изменения в отношении к смерти и захоронению в каждой из четырех перечисленных ранее областей за последнее десятилетие.

В каждом из четырех выбранных мест после глубоких интервью проводились фокус-группы с минимальной выборкой из семи специалистов. Таким образом была сформирована выборка из 28 специалистов, и каждый предоставил информацию по тенденциям и практикам в своей области. Более того, в каждой из четырех областей было проведено 15 дополнительных исследований с участием тех, кто пережил утрату и забирал прах из крематория. Опрос специалистов облегчил задачу подбора информантов и помог подготовить их для участия в исследовании. Последние представляли собой расширенные интервью и включали в себя этнографические заметки с описанием жилищ информантов, а также фотографии и копии их личных реликвий. Выборка 60 человек, переживших утрату ближнего, включает в себя людей разных возрастов и социального происхождения. Безусловно, выборка из четырех областей Великобритании ввиду ее небольшого размера не может претендовать на эмпирически полноценную предик-

тивную генерализацию. Также следует обратить внимание, что интерпретация любого из описаний, предоставленных информантами, должна проводиться при учете таких факторов, как культурный и юридический контекст конкретных случаев кремации.

На данный момент в Великобритании кремация является наиболее распространенным способом похорон. Начиная с 1970-х годов ей подвергаются 66,5 % всех усопших, а с 2000-го года средний показатель достиг 71,54 % [Kellaher et al. 2004]. Теперь, когда в Великобритании кремируют почти три четверти умерших, этот метод можно назвать привычным. Тем не менее, сама кремация была легализована относительно недавно — в 1884 году после судебного прецедента, а также продолжительного лоббирования кремации такими ее сторонниками, как сэр Генри Томпсон, основатель «Британского сообщества кремации», и другими энтузиастами [Cremation Society 1974]. Первый крематорий в Великобритании был учреждён в Уокинге в 1885 году, а к 2004 году их число выросло почти до 250.

Несмотря на то, что в конце XIX века кремация активно поощрялась, она оставалась непопулярной до конца Второй мировой войны. Это объяснялось «распространенными остаточными христианскими воззрениями, которые были причиной пассивного противостояния кремации» [Jalland 1999: 250]. Джелланд цитирует доктора Уордсворта, епископа Линкольнского: в 1874 году тот решительно заявлял, что кремация, «подорвав народную веру в воскресение материального тела, приведёт к социальной революции» [Jalland 1999: 250]. Только в конце 1960-х годов кремации превзошла погребение по распространенности. Тем не менее за последние тридцать лет произошла ещё одна важная перемена, на сей раз в отношении родных и близких покойного к его праху. Сжигание тела в крематории больше не является ключевым моментом физического расставания мёртвых и живых. И хотя некоторые люди регулярно возвращаются в крематорий для посещения мемориальной таблички или записи в «Книге Памяти», сейчас связь с умершими поддерживается прямым способом через физический контакт с их прахом или местом (часто за пределами колумбариев и кладбищ), где он был захоронен или распылен. Цель нашего проекта — исследовать, что эта связь означает.

Законы Великобритании, регламентирующие порядок обращения с прахом после того, как его забирают из крематория,

не такие строгие, как в других европейских странах [Arber 2000]. Законодательная система не только позволяет забрать останки из крематория, но и не налагает никаких ограничений на место их захоронения при условии, что получено разрешение от землевладельца. Для сравнения, законы Бельгии, Дании, Германии, Италии, Словении и Швеции предполагают, что прах остаётся на кладбище или в другом подобном месте, специально предназначенном для захоронений. Только в Финляндии, Франции, Испании и Великобритании нет таких ограничений [Arber 2000]. Относительно слабый юридический контроль позволяет родным и близким покойных принимать практически любые решения, хотя некоторые наши информанты рассказывали, что развеивали или погребали останки вдали от посторонних глаз, потому что предполагали существование запрета на такие действия.

Таким образом, политика захоронения останков в Великобритании не налагает на скорбящих обязательств в отношении таких институционально определенных мест смерти, как, например, церковные кладбища, которые столетиями могут соединять живых и мёртвых. После того, как во второй половине XX века кремация получила общественное признание [Cremation Society 1974], останки обрели потенциальную мобильность в противоположность перспективе быть навеки погребенными в одном строго определенном месте. Теперь такой материальный аспект человеческого существования, как смерть и последующее разложение тела, не связан ограничениями, а действия с останками более не привязаны к определенному месту. Тем не менее в том, что касается понимания и объяснения современных практик, мы придерживаемся точки зрения, что сам по себе рост популярности кремации не может объяснить возникшую после 1970-х годов тенденцию к более неформальному захоронению праха за пределами традиционно предназначенных для этого мест.

Материальность праха

Может ли отмеченная выше разница в отношении к человеческим останкам объясняться их разными физическими характеристиками? Здесь обращает на себя внимание такая ключевая особенность праха, отличающая его от «мокрого» трупа, как «сухость» [Danforth

1982; Hertz 1960]. Эта различие отсылает к идее сжатой темпоральности, которую развивает Герц [Hertz 1960] в своём описании практики двойных похорон у даяков с острова Борнео. Сравнивая погребение и кремацию, Герц говорит, что кремация «... вовсе не уничтожает тело покойного, а воссоздаёт его и открывает перед ним возможности перехода в новую жизнь... насилие огня освобождает живых и мёртвых от горестей и опасностей, связанных с трансформацией трупа; или, по крайней мере, заметно сокращает этот период.» [Hertz 1960: 43]. Став прахом, покойный, в терминологии Герца, быстро обретает «новое тело» — тело, которое обладает стабильностью и защищено от дальнейшего разложения.

Влияние работы Герца, важной для антропологии чувств, заметно в рассуждениях Хауса [Howes 1991], как обоняние формирует опыт перехода. В отличие от внешнего вида или тактильных свойств, запахи «экспансивны», поскольку не имеют единой формы, сложно поддаются описанию и могут «прилипнуть» [Howes 1991: 140]. Поскольку запах разлагающегося тела переступает его материальные границы, он создаёт эффект перехода: как говорит Хаус, «запахи... идеально подходят для выражения идеи разложения или действия на расстоянии. И причина в том... что они всегда «не на своём месте», всегда источаются чем-то другим, то есть пересекают границы» [Howes 1991: 140]. В интерпретации Хауса смерть — «грязное событие» [Howes 1991: 139], порождающее ситуацию амбивалентности: «мокрый» труп не принадлежит ни миру живых, ни (пока ещё) миру мертвых. Далее Хаус цитирует рассуждения Герца о «сухости» костей: «Когда труп обращается в кости — более-менее неизменные и неподвластные дальнейшему влиянию смерти — это видится условием и признаком окончательного освобождения» [Howes 1991: 139].

Связи, которые Хаус проводит между чувственным и воображаемым осознанием распада и социальным и эмоциональным опытом, поднимают вопрос, как ускорение процесса разложения тела с помощью кремации может повлиять на такой опыт перехода, как, например, превращение жены во вдову. Если, как утверждают Хантингтон и Меткалф, «жизненная сила культуры или идеологии зависит от их способности управлять силой таких мрачных символов, как труп» [Huntington and Metcalf 1979: 211], каким образом физическая форма праха может символически влиять на процессы такого рода?

Протеро [Prothero 2001], проследивший историю кремации в США с момента её появления в конце XIX века, доказывает, что риски, связанные как с социальными последствиями смерти, так и с физическим разложением тела мертвеца, традиционно пытаются минимизировать продолжительными посещениями кладбищ, бальзамированием и погребениями тел в замысловатых защитных гробах. Протеро предполагает, что главным фактором такого поведения является стратегия стабилизации – как социальной, так и психологической. В сравнении с такими практиками, кремация ускоряет физический распад тела, а родные и близкие покойного, чье тело было кремировано, «обычно не молятся мёртвым и не ожидают, что мёртвые с ними свяжутся» [Prothero 2001: 5]. С его точки зрения, целями кремации также являются уничтожение и изгнание, что роднит ее с погребением, поскольку в обоих случаях живые пытаются избежать издержек, связанных с разложением трупа. При этом, как замечает Протеро, к 1920–30-м годам у владельцев крематориев появилась экономическая возможность для создания наземных, предназначенных для посещений, колумбариев, в которых размещались урны с прахом. Он делает о 1930-х годах следующее наблюдение, которое помогает понять, как материальность праха может способствовать опыту перехода: «Предвосхищая культуру индивидуализации, которая захватит США в конце XX века, семьям рекомендовали украшать ниши фотографиями и цветами» [Prothero 2001: 118].

Являясь останками трупа, прах, таким образом, предстаёт осязаемым веществом, но таким, которое не подвержено гниению и мало напоминает плоть. Можно сказать, что прах представляет собой крайне двусмысленную форму, являясь одновременно частью человека, и частью мертвого тела, при этом мало напоминая их. Прах – это крупнозернистая пыль, которая обладает качеством «сухости», способным, по мнению Герца [Hertz 1960: 43], уменьшить те «опасности и печали», которые угрожают родным и близким покойного при разложении тела умершего. Согласно Герцу, превращение мёртвого тела в кости приносит «освобождение». При этом, будучи пылью, а не частью тела (например – костью), прах – более подвижный материал, который можно разделить на части, развеять по ветру, рассеять по земле, высыпать в реку или в море. Таким образом, для праха одновременно характерны и бесформенность жидкости, и сухость костей.

Для родных и близких покойного прах — символическая форма, которая согласуется с классической теорией Тёрнера о способности любого символа к многозначности: «Значения, к которым символ отсылает, обычно скапливаются вокруг противоположных семантических полюсов. У одного полюса они относятся к социальным и моральным фактам, у другого — к физиологическим» [Turner 1969: 48]. Как отмечает Протеро [Prothero 2001], в США кремация традиционно способствовала нейтрализации последствий социального и телесного распада. Хотя для многих наших информантов прах оставался телом того, кого они любили, сожжение, с одной стороны, перемещало умерших по ту сторону характерных особенностей их телесной жизни, с другой — сводило ее физические проявления до компактного размера. Как следствие, прах умерших обретает свойства символа, порождающего семантические опыты разных типов: сжатия, единения разнородно определяемых объектов, поляризации значения [Turner 1969: 48].

В дуновении ли ветра?

Сухость праха и легкость, с которой он изменяет свою форму — это те качества, к которым апеллировали наши информанты, совершая неформальные ритуалы захоронения и мемориализации. К примеру, водитель автобуса из Глазго развеял пепел своего лучшего друга на их излюбленном прогулочном маршруте в Гленко. И сама дорога, и мемориальная каменная пирамидка, возведённая на том месте, где он развеял останки, представляют собой точки, фокусирующие его воспоминания. В другом случае члены семьи с северо-востока Англии пошли навстречу пожеланиям родственников и друзей своего младшего сына, погибшего во время катания на лыжах. Они разделили прах и захоронили его в нескольких памятных местах: в горах, где он отдыхал, близ родительского дома и на семейном участке кладбища. Останки, разделённые таким образом, стали точкой фокуса в частных и публичных церемониях. Семьям, чьи мужчины служили на флоте, доступен ритуал захоронения урны с останками в море, а для британских индуистских семей рассматривается возможность постройки гхатов. Способы захоронения праха, связанные с водой, обрели такую популярность, что в ответ на «частые запросы от скорбящих

семей» Агентство по охране окружающей среды организовало публичное обсуждение этого вопроса. Мобильность праха востребована теми, кто увозит его за границу или делает из праха украшения. Школьный учитель из Ноттингема рассказал, как случайно опрокинул и вдохнул часть останков в машине, когда перевозил их на место окончательного захоронения. Стоит отметить, что просыпанную часть праха затем втёрли в обивку машины, а оставшийся разместили в мягкой мебели любимых пабов покойного.

Описанные нашими информантами практики датируются не ранее 2000 года. За прошедшее с тех пор время не изменились ни законодательный аспект кремации, ни физическая форма праха, но, поскольку христианская вера, считающая что телесная целостность имеет ключевое значение для возвращения к вечной жизни, уже не влияет на подходы к захоронению останков в Великобритании [Hogrox 1999], хоронить останки строго в одном месте становится все менее важным. Впрочем, хотя ослабление религиозного единомыслия и играет свою роль, Протеро [Prothero 2001] характеризует происходящее в Америке как, скорей, «повторную ритуализацию», нежели секуляризацию. С конца XX века такую повторную ритуализацию характеризует переход к импровизационности, неформальности и простоте в ритуальных практиках. Схожим образом изменения духовных (пусть и не религиозных) установок в Великобритании сочетались с другими аспектами её культурной истории, что также могло привести к радикальному дистанцированию от привычных практик. Поместив наши данные в исторический контекст, мы не только привлекаем внимание к социальным и технологическим изменениям, которые сделали такое дистанцирование возможным, но также изучаем культурное наследие, репертуар образов, ценностей и верований, на основе которого сейчас могут приниматься решения, связанные со смертью.

Уолтер [Walter 1990: 92–95] видит в переходе Великобритании с похорон на кремацию нечто схожее с культурой протестантизма, где отрицание чистилища означало, что разложение тела уже не является аналогом перехода души к загробной жизни. С другой стороны, если протестантизм можно связать с научной и бюрократической рациональностью и с тем, что Вебер описывает как «расколдовывание» повседневного мира [Weber 1930], современную пост-кремационную ритуализацию можно рассматривать как форму «повторного заколдовывания», которая бросает вызов про-

тестантским взглядам на быструю, неопосредованную встречу человека со своим «создателем». Протеро схожим образом связывает кремацию с простотой американского пуританизма, но отмечает появившуюся позже роль «кремации как подготовки к увековечиванию памяти» [Prothero 2001: 196], как «новую эру в американской ритуальной жизни» [Prothero 2001: 199], когда поколение «бэби-бумеров» избрало своими основными принципами свободный выбор и персонализм. Его аргумент повторяет утверждение, ранее озвученное Герцем, что «кремация — не окончательный акт, и не самодостаточный; он требует последующего сопроводительного обряда» [Herz 1960: 42].

Примененная к Великобритании теория Уолтера [Walter 1990] также вскрывает связь между легализацией кремации в 1884 году и ростом культуры научного рационализма, который начался в XIX веке. К 1970-м годам, тем не менее, возникло заметное разочарование в научных объяснениях, и Уолтер [Walter 1994] со Смоллом [Small 2001] интерпретируют новые посмертные ритуалы этого периода как вызов модернистскому взгляду на мир. Необходимо рассматривать в этом широком контексте и пост-кремационную ритуализацию как один из аспектов различных подходов к захоронению и увековечиванию памяти, который не только создаёт более широкие возможности для воображения и эмоций, но также демонстрирует сопротивление принципам модернистского рационализма. Мы утверждаем, что рационализм стал неадекватным разрешением диллемы, которую Герц описывает как проблематичное посмертное «противопоставление образа знакомого и похожего на нас человека и образа предка, которого иногда почитают и который всегда далёк» [Hertz 1960: 82].

Насколько поведение наших информантов соотносится с вызовами, брошенными модернистским взглядам на мир, которые описывают Уолтер [Walter 1994] и Смолл [Small 2001]? Наши данные позволяют выделить три сценария развития событий после того, как прах взят из крематория, но еще не захоронен.

Во-первых, это негативный выбор, как акт отрицания традиционных мест захоронения и соответствующих практик. Скорбящие забирали останки своих близких, чтобы не терять их в общественных местах, анонимных и лишённых должного ухода в силу бюрократических дефектов, плохого контроля и неприемлемых для информантов институциональных установок.

Во-вторых, решение о захоронении может быть отложено по инициативе распорядителя похорон или просьбе члена семьи после того, как останки взяты из крематория. В этом случае человек, который был ближе всего к покойному, может просто не знать, как именно поступить с прахом, особенно в случае, если у него отсутствуют традиционные религиозные представления на этот счет. Точно так же при отсутствии устоявшихся традиционных представлений члены семьи могут не прийти к согласию по поводу места или метода захоронения. Также прах может быть взят из крематория, чтобы затем «отпустить» покойного тем или иным образом, но эта чувствительная процедура пока откладывается. И, наконец, останки забирают из крематория, чтобы в будущем смешать их с прахом близкого ему человека после его смерти – подход, который, как мы продемонстрируем в дальнейшем, может отражать романтическое мировоззрение и критичный взгляд на научный рационализм в XIX в. В ситуации отложенных похорон останки обычно хранятся у распорядителя похорон или дома у родственников покойного. Это может стать проблемой, если, к примеру, у распорядителя закончится свободное место, или родственник, у которого хранится прах, умрёт.

В-третьих, скорбящие могут принять решение, которое отражает их собственные пожелания или требования покойного. Однако, несмотря на «радикальный (постмодернистский) подход и веру в индивидуализм» [Walter 1994: 198], такие решения могут не получить одобрения в обществе, а негативные комментарии могут вызвать чувство стыда.

Продолжая связь?

Рассмотрев материальные аспекты, связанные с прахом, в контексте новых тенденций, зарождающихся в пост-кремационном ритуале, обратимся к евроамериканской терапевтической литературе, посвященной синдрому утраты, которая получила распространение в XX веке вслед за работами Фрейда [Freud 1957] и других представителей психоанализа. Эта литература бросает вызов верованиям и практикам модернизма, связанным со смертью. Важным моментом является отход от терапевтической стратегии, которую Герген и Стрёбе [Stroebe et al. 1996] назвали «разрыванием связей».

Речь идет о практиках психотерапии 1960–80-х годов, делающих акцент на «принятии» горя и способности «отпустить» покойного [Parkes 1972; Worden 1982]. Важную роль в противостоянии такой стратегии сыграли родители, потерявшие детей [Riches & Dawson 2000], а также пожилые вдовы и вдовцы [Littlewood 2001], которые выражали нежелание, даже отказ, расставаться с покойными [Small 2001]. Новым подходом, альтернативным «разрыванию связей» [Stroebe et al. 1996], стала установка на «продолжение связей», что нашло отражение в названии популярной и часто цитируемой работы, документирующей эту тенденцию [Klass et al. 1996].

Сейчас можно утверждать, что эта низовая критика повлекла за собой появление новых терапевтических моделей горя [Stroebe et al. 1999; Walter 1996], в которых превыше всего ставится нарратив, увековечивание памяти и непрерывность. К примеру, интервью Хауарта с пожилыми вдовами и вдовцами фиксируют опыт постоянного и комфортного присутствия в их жизни усопших супругов [Hallam et al. 1999: 142–59]. Беннетт и Беннетт [Bennett and Bennett 2000], Дэвис и Шоу [Davies & Shaw 1995] также демонстрируют распространенность практик, связанных с переживанием присутствия мертвых. Наконец, Фрэнсис, Келлахер и Неофиту [Francis et al. 2000; 2001; 2005] описывают отношения между живыми и мертвыми, которые выражаются через посещение кладбищ и такие материальные практики, как уход за могилами и связанная с этим садоводческая деятельность.

Бросая вызов концепту «разрывания связей», Стрёбе и др. [Stroebe et al. 1996] приводят примеры того, как продолжение связей между живыми и мертвыми поддерживалось в традиционных сообществах Западной Европы. Отметив, что различия между XIX и XX веками часто сводят к противопоставлению «романтических» и «модернистских» взглядов, эти авторы предположили, что в позднемодернистской и постмодернистской современности «роман с романтизмом» на самом деле продолжается [Stroebe et al. 1996: 38]. Так, определённые категории скорбящих, как было уже отмечено, упрямо продолжают поддерживать эмоционально значимую для них связь с мёртвыми. Аргументация Стрёбе и др. [Stroebe et al. 1996] подтверждается проявлениями остаточного романтизма и в других аспектах современной жизни. К примеру, во время интенсивной урбанизации Англии и Уэльса в XX веке и по мере исчезновения живописных ландшафтов Южной Англии,

образ «родной зеленой страны» становился все более востребованным. Как предполагают Макнахтен и Урри, роль главного фактора играл здесь английский романтизм: они цитируют аргумент Оусби о том, что «комплекс реакций, который мы называем романтизмом... по-прежнему является частью того интеллектуального климата, в котором мы живем» [Macnaghten & Urry 1998: 176–177].

Все это заставляет задаться вопросом, какие именно элементы «английского романтизма» могут встречаться в культурном репертуаре людей, забирающих прах из крематория. Работа Рагг [Rugg 1999], посвященная оплакиванию и увековечиванию памяти в XIX веке, подчеркивает основные ценности английского романтизма: уникальность индивида, прочные эмоциональные связи в нуклеарной семье и выражение сильных чувств при смерти её членов. Она описывает, к примеру, первый памятник умершему ребенку, установленный в конце XVIII века., увековечивание памяти романтической связи между супругами в виде похожих друг на друга статуй, и поощрение эмоциональных откликов, вызываемых видами природы. Что касается религиозных верований, то идея Рая как места, где можно целую вечность поклоняться Богу, уступила место взглядам на небеса, как на место встречи разлучённых смертью любовников и родственников. Рагг указывает на популярность идеи воссоединения в искусстве и литературе этого периода: Юлия, умирающая героиня Руссо, говорит своему любовнику: «Нет, я не расстаюсь с тобою, я буду ждать тебя <там>» (цит. в [Rugg 1999: 215]), а Хитклифф из романа Эмили Бронте желает быть похороненным вместе со своей возлюбленной Кэти, чтобы со временем их останки слились воедино.

Хотя понятие линейной причинно-следственной хронологии было оспорено (Foucault 1977 [1969]), Рагг [Rugg 1999] и авторы, разделяющие схожие идеи, предполагают наличие культурного репертуара образов, ценностей и верований, которые современные люди наследуют из прошлого. Чтобы понять природу востребованности «романа с романтизмом», феномена, который описывают Стрёбе и его соавторы [Stroebe et al. 1996: 38], мы рассмотрим его в контексте более масштабного процесса «повторного заколдовывания», который, как считают некоторые, разворачивается в современном обществе [Jenkins 2000].

Дженкинс определяет заколдовывание через «отказ человека признавать физические явления как итоговую сумму челове-

ческого мира, и этот отказ проявляется во многих аспектах повседневной жизни — от религии до литературы» [Jenkins 2002: 5]. Вебер [Weber 1930] утверждает, что монотеизм и модернизм вели к неуклонному «расколдовыванию мира», а Уиллис и Карри [Willis & Curry 2004] включают в этот процесс корпоративный капитализм и современное национальное государство. Дженкинс, однако, предполагает, что способность человека к воображению включает в себя «предрасположенность к заколдовыванию», которая выходит далеко за рамки конкретной исторической конъюнктуры: «Без воображения... не было бы ничего, кроме собственно нас и того, что в конкретный момент находится у нас перед глазами. Ничего кроме этого», заявляет он [Jenkins 2002: 82]. Романтические ценности очевидны в рассказах некоторых информантов, но, как становится все более очевидным, их опыт формируется из более масштабного набора практик, которые посредством воображения и креммулятора² помогают «заколдовать» серую пыль прошлого — собственно продукт кремации, который, что симптоматично, часто сравнивают с продуктом индустриального, «бездушного» происхождения.

В качестве актов повторного заколдовывания в ситуации модернистского «разрывания связей» [Stroebe et al. 1996] можно интерпретировать и то, как наши информанты описывают захоронение останков на природе, предание праха стихиям — воде и ветру, а равно желание поддерживать сильную эмоциональную связь с покойным, посещать места захоронения и ухаживать за ними, надеясь воссоединиться с умершим или в загробном мире, или посредством смешивания его останков со своими собственными.

Эти ценности заметны в новых верованиях и практиках, которые связаны с другими переходными и жизненно важными процессами. Например, в кампаниях за «естественное» деторождение, впервые развернувшихся в 1930-е годы [Dick-Read 1933] и воскрешенных в 1990-е крайне политизированным Национальным фондом деторождения. Сюда же относятся замысловатые романтические свадебные церемонии конца 1990-х, в том числе эксклюзивные свадьбы в экзотических местах, а также учреждение в 1991-м году Центра естественной смерти в Лондоне. Если взглянуть именно в контексте «повторного заколдовывания» на события 1997 года, последовавшие за смертью Дианы, принцессы Уэль-

2 Креммулятор — устройство для размельчения праха (прим. перев.).

ской, то их масштаб и размах перестают казаться удивительными. Речь идет о таких массовых и неформальных выражениях скорби, как, например, горы цветов, игрушек и самодельных плакатов в местах, которые были связаны с её жизнью. Говоря о последнем пристанище Дианы, Джапп и Уолтер [Jupp & Walter 1999] замечают, что, несмотря на внешне очевидное желание защитить могилу от чрезмерного внимания, захоронение Дианы на частном острове напоминает скорей могилу Руссо в тщательно спланированном «естественном» окружении посреди искусственного озера Эрменонвиля. Диану, которую считают самой трагической романтической героиней XX века, похоронили не в обычном месте, а в парке, принадлежащем её семье, в земле, которую освятили лишь за два дня до похорон [Davie & Martin 1999]. Поскольку СМИ превратили «частное» захоронение тела Дианы в «публичное» событие, ее близкие, согласно нашей информации, соображением «приватности» пытались, скорей всего, лишь разумно замаскировать этот разрыв с традицией.

Символическая реинтеграция

Итак, когда прах покидает крематорий, его дальнейшая судьба уже не определяется заботой о целостности трупа и неизбежности места его захоронения. Останки могут развеять в воздухе, в буквальном смысле предав прах дуновению ветра, или, в подтверждение метафорической свободы от уз христианской веры, а также семейных или коллективных мест захоронения, разделив останки между географически удаленными местами – практика, также отражённая в наших данных. Условием, допускающим подобную неформальную ритуализацию, связанную с человеческими останками, служит и отсутствие юридических ограничений, и физические свойства праха, измельченного на крематоре, и культурно-исторический контекст, в котором «повторное заколдовывание» реальности санкционирует различные неформальные верования и практики, в том числе инициированные «романом с романтизмом» [Stroebe et al. 1996].

Тем не менее, мы предполагаем, что разнообразие стратегий, описанных нашими информантами, все же демонстрирует общее желание достичь форм символической реинтеграции и взаимосвя-

зи, даже несмотря на то, что современные стратегии захоронения уже не зависят от постоянства места, социальных связей и коллективного увековечивания памяти. Иными словами, принимаемые решения позволяют, посредством культурного опыта, а также социальных и технических ресурсов, вписать покойных (и скорбь о них) во время и пространство, составлявшее историю их жизни и определявшие их социальную идентичность. Показательно, что многие опрошенные считали, что места коллективного захоронения — например, сады памяти при местном крематории — представляли ограниченные возможности для образования подобного рода смыслов. К примеру, когда вдову из Ноттингема спросили, почему она не захотела оставить прах своего мужа в крематории, она ответила: «Ну, пожалуй, это было бы... как бы сказать... выхолащиванием его сути? А совсем другое дело — развеять останки Тома в месте, которое он любил». Эту точку зрения разделяли и другие опрошенные, включая молодого мужчину из Глазго, который рассудил, что развеять прах в общественном месте, официально предназначенном для захоронения, кажется ему обезличенным и недолговечным действием. Когда его попросили более подробно объяснить свою позицию, он сказал следующее: «Лично я думаю, что надо что-то сделать, вернуться в те места, которые что-то значили для покойного и для тебя, и, если уж на то пошло, побыть немного сентиментальным». Осознавая, что подобный подход приносит больше пользы скорбящим родственникам, нежели мёртвому, он вспомнил, как на похоронах близкого друга брат покойного признался ему, что уже с самого начала они рассчитывали сделать с останками нечто особое, а не просто разместить их в саду памяти: «Ну да, он уже не вернется, и попозже мы что-нибудь сделаем, что-нибудь для нас самих — что-то более постоянное».

Тем не менее, прах довольно часто оказывается в публичных местах захоронения, на кладбищах и на территории крематориев, но уже не обязательно там, где тело было кремировано. Среди причин такого выбора — наличие семейных могил и географическая близость места захоронения, не препятствующая частым посещениям и уходу за могилой. Требуется немного места, чтобы опустить прах в могилу или развеять останки над поверхностью, и это позволяет заново использовать «заполненные» фамильные участки на кладбище. Некоторым людям общественное кладбище кажется хорошо оборудованным местом для погребения останков,

для других оно является нейтральной территорией, свободной от семейных конфликтов, порождённых необходимостью принять решение о судьбе праха. К примеру, у Роберты Басуэлл, женщины из Глазго, осталось шестеро взрослых детей, которые не могли договориться, как поступить с её останками. Её средний сын не соглашался ни с требованиями старшей сестры опустить прах матери в могилу на том же участке, который сестра приобрела для себя и своего мужа, ни с альтернативным предложением — захоронить останки под кустом розы на шотландском острове, который часто посещала усопшая. В конце концов он убедил большинство своих родственников купить новый семейный участок на кладбище, которое было бы одинаково удобным для них всех.

Парки, футбольные поля и живописная местность часто выбираются в качестве мест захоронения из-за того значения, которые они имели когда-то для покойного. Из-за воспоминаний о семейных праздниках, походах и медовых месяцах выбор нередко падает на Пик-Дистрикт, Озёрный край, Лох-Ломонд и Йоркширские болота. Футбольные клубы по всей Великобритании знакомы с просьбами болельщиков развеять их прах над любимым полем. Некоторые клубы позволяли делать это в центральном круге поля, но по мере увеличения спроса стали разрешать процедуру только на краю поля или открывали собственные колумбарии. Мы опросили семью из Сандерленда, сразу три члена которой попросили, чтобы их прах развеяли над стадионом одноимённого клуба. Сестра первого из покойных, Фреда Даглас, рассказала о страсти, с которой её брат, сотрудник нефтедобывающей компании, поддерживал «Сандерленд» несмотря на то, что он жил далеко от города, и о том, как он регулярно звонил домой узнать счёт очередного матча, даже находясь в командировках. Фреда вспоминает:

«Так вот, мы провели похороны в Лондоне и перевезли его прах сюда, и как только я узнала о его смерти — ну, само собой, как только я оправилась от первоначального шока — я немедленно сказала, что мы должны развеять его останки над «Рокер Парком», и никаких тут «если» или «но».

Ещё один опрошенный из Сандерленда также рассказал, как исполнил пожелание своей дочери развеять её прах над центральным кругом «Рокер Парка», а сразу после этого стадион продали. На вопрос о том, не волнует ли его тот факт, что участок собирается подвергнуть реконструкции, он ответил, что центральный круг

собираются целиком перенести на новый «Стэдиум оф Лайт», и, по его мнению, прах его дочери переедет туда вместе с полем.

Также останки могут временно храниться дома — в спальне, в прихожей или в гардеробе — перед тем, как будет принято окончательное решение об их судьбе, или до того момента, как умрёт другой близкий родственник, после чего их останки будут размещены в одном сосуде. Айви Кентербери, вдова из Ноттингема, рассказала, как прах её мужа постепенно переставлялся в гостиной с места на место. Изначально она разместила урну на подоконнике, но дискомфорт, который испытывали гости, побудил её убрать останки в более укромное место. Какое-то время деревянная урна стояла между креслом и стеной, и дочь миссис Кентербери во время своих визитов держала её в руках. Сейчас Айви переместила останки на нижнюю полку застеклённого комода в дальнем углу комнаты. Другие информанты также описывали ощущения комфорта, которое приносит им физическая близость останков своих родных. Разведённая предпринимательница чувствовала себя увереннее, когда останки её родителей хранились в её спальне, а портовый рабочий из Глазго несколько недель держал урну с прахом своего отца на каминной полке, чтобы как следует поразмыслить над отношениями с покойным, которые нередко были травматичными. В конце концов он переместил останки в менее заметное, но тоже важное место — в шкаф с музыкальными пластинками.

Похожим мнением поделился и бывший производитель фортепиано из Сандерленда:

«Да, ее останки наверху в спальне, и я чувствую, что сейчас она ближе, чем если бы её похоронили на каком-нибудь кладбище, это исключительно мое личное впечатление. У меня нет логической причины так рассуждать — возможно, виноваты мои религиозные убеждения о жизни после смерти, не столько в физическом значении, сколько в психическом. И я на самом деле верю, что такая сильная любовь, как наша, подобна энергии, и она просто перенаправляется в другое русло, а не исчезает навеки. Думаю, это единственные веские причины, из-за которых я держу дома прах своей жены».

Эти решения отражают желание поддерживать связь с умершим посредством расположения вещей в пространстве и взаимодействия с материальными объектами. Это единение Тёрнер [Turner 1969: 48] описывает как символическую цель ритуализиро-

ванного смыслообразования, когда живые и мёртвые сосуществуют в едином пространстве.

Ещё одним частым местом захоронения является сад, а такие движимые объекты, как цветочный горшок, поилка для птиц или даже прочный полиэтиленовый контейнер позволяют не расставаться с прахом родных и близких в случае потенциального переезда в другой дом. Наконец, живые родственники сами по себе могут стать местом захоронения, когда останки превращаются в украшения или хранятся в бумажниках. Одна из информантов носила такое ювелирное украшение, только когда выходила из дома: таким образом, прах близкого ей человека оказывал наибольшее действие в момент передвижения и сопутствующего ему некоторого чувства уязвимости.

Таким образом, методы и места захоронения могут различаться, но решения о судьбе праха так или иначе служат созданию символической взаимосвязи живых и мертвых. Тело усопшего может быть в буквальном смысле развеяно на все четыре стороны, но его социальная идентичность (места, в которых он жил или которые посещал, общался, его хобби) сохраняется и восстанавливается благодаря новым подходам к захоронению и увековечиванию памяти [Hallam et. al. 1999]. Прах покойного, таким образом, позволяет провести символическую социальную интеграцию, пусть даже целостность тела, ранее игравшая огромную роль, уже не имеет большого значения.

Реакция одной семьи на смерть близкого родственника хорошо иллюстрирует эти наблюдения. В момент опроса останки умершей хранились в доме семьи, пока обсуждался вопрос о месте погребения. Мать (дочь умершей) и ее дочь спорили о месте захоронения, которое, с их точки зрения, должно нести особый смысл, но трактовали этот смысл по-разному. Сообщив, что не имеют религиозных убеждений, они апелировали к общим культурным ценностям, но как конвертировать эти ценности в конкретный ритуал, информантам было неясно. Мать и дочь не только не соглашались, но и не понимали ни собственных чувств, ни того, как их выразить. Во время опроса они уточняли, не кажутся ли их ответы «странными» и не говорил ли кто-то другой похожие вещи.

Как уже отмечалось, с 1970-х годов отношения британцев с мёртвыми существенно трансформировались, и поведение этой семьи служит ярким примером такой ревизии. Анализ этого слу-

чая раскрывает культурный репертуар, на который опираются эти люди, какую роль сыграло в принятии решения место захоронения и до какой степени поведение и мировоззрение членов этой семьи отражает широкую тенденцию к повторному заколдовыванию реальности, пришедшее на смену традиционной религии и индустриальной унификации повседневной жизни.

Роуч, прибегнув к концепции замещения, выдвигает гипотезу, что «родные и близкие покойных пытаются заполнить пустоты, появившиеся после смерти или других форм утраты, удовлетворительными альтернативами» [Roach 1996: 2]. Замещение редко бывает успешным, поскольку, по его словам, «замена не может быть точной; заменитель либо не может удовлетворить ожидания, что означает дефицит, либо превосходит их, что создаёт избыток» [Roach 1996: 2]. По его словам, это неудивительно, поскольку даже проверенные временем ритуалы или традиции никогда не «повторяются»: «Могут быть изобретены новые традиции, тогда как другие окажутся перевернутыми с ног на голову. Парадокс воссоздания поведения заключается в самом феномене повторения: никакое действие или последовательность действий нельзя воспроизвести одинаково; они каждый раз должны быть изобретены заново или воссозданы» [Roach 1996: 29].

Как уже утверждалось, оплакивание Дианы, принцессы Уэльской, отражало множество тем, характерных для романтизма XIX века. Сложные обстоятельства смерти Дианы заставили Мору, мать семьи из нашего примера, критически отнестись к своей возможной реакции на смерть Нэн (бабушки). Она сказала о Диане следующее:

«Потом они приняли решение, что её перевезут, и начались все эти семейные распри и политика, и её увезли на этот, значит, уединённый остров... положили во что-то вроде мавзолея, и у тебя не получается об этом не думать; кажется, что проблема во всей семье, в её политике, разногласиях, что семья не приняла, дурная кровь в семье, так что же с этим делать?» «Что же с этим делать?» — постоянный вопрос, который занимал Мору и её дочь Сильвию во врем интервью.

Нэн, бабушка, родилась в Испании. После Второй мировой войны она переехала в Ноттингем, где умерла в сентябре 2003 года. Овдовев, она двадцать пять лет прожила с дочерью Морой и внучкой Сильвией. Муж Моря оставил семью вскоре после рождения

Сильвии, и Нэн, пока Мора была на работе, выполняла обязанности матери. Глубокая эмоциональная связь между членами семьи оборвалась со смертью Нэн. Тем не менее, останки её тела вернулись в их дом и помогали поддерживать эффект присутствия Нэн и связь между тремя женщинами. Мора подробно описывала сложные отношения со своей матерью (любовь, перемешанная с ненавистью, которую она сравнила с сериалом «Степто и сын») вплоть до таких деталей, как настойчивое желание матери носить заношенную одежду из благотворительных магазинов, запах на кухне, когда она чистила банки из-под еды для домашних животных, и то, как она позволяла своим многочисленным питомцам забираться на рабочие поверхности. У сестры Мору, Фреды, были ещё более натянутые отношения с матерью, из-за чего представители двух ветвей семьи не общались между собой семь лет. Члены этой семьи, подобно Виндзорам и Спенсерам, стремились достойно отреагировать на смерть человека, который имел на них сильное, пусть и неоднозначное влияние.

Тесный дом и постоянная близость друг к другу влияли на отношения между женщинами. <...> Так, Мора рассказала, что на следующую ночь после смерти Нэн «мы спали в её постели: всё казалось таким неправдоподобным; мы в тот день ничего не ели». Мора надела старую пижаму Нэн, впервые стремясь почувствовать запах её тела — и постаралась осознать, что же произошло.

Сложные взаимоотношения в семье удручали Мору, но, несмотря на все прошлые семейные разногласия и требования Нэн, романтический взгляд на уникальность каждой личности не позволил ей похоронить прах матери в общем колумбарии при муниципальном кладбище: «Нэн не захотела бы остаться там... с целой кучей других мёртвых людей... и вроде как тосковать». Отказ открыл перед ней ряд альтернативных возможностей захоронения, а выбор места стал вопросом принципиальной важности. Собственно дилемма, вызвавшая разногласие у Мору, Сильвии, сестер Нэн и самой Нэн ещё при её жизни, заключалась в том, разместить ли её останки близ дома или захоронить их в одном из публичных мест, которые Нэн часто посещала. <...> Какое из этих мест выглядит наиболее «цельным» и лучше всего фокусирующим память об умершей?

Сама Нэн просила, чтобы её пепел развеяли в саду, где она похоронила многих своих питомцев. Её сёстры, ссылаясь на важность

исполнения «воли усопшей», поддерживали эту идею. Мора, однако, настаивала на более продуманной «точке фокуса». Поскольку их сад мог в любой момент выкупить муниципалитет для прокладки объездной дороги, Мора могла переехать. Как следствие, незнакомцы «могут поселиться здесь, построить на месте сада что-то ещё, и что тогда?», спрашивала она. Помимо того, что это потревожит останки, это ещё и лишит семью места, на котором фокусируются воспоминания о Нэн: «Куда нам приходиться? Да, у нас всегда останутся воспоминания, но куда нам приходиться и думать о ней — например, в её день рождения? Да, всегда можно остаться в гостинной и поразмыслить там, но существует же почти физическая нужда — вот почему у людей есть скамейки, деревья и так далее». По мнению Сильвии, дочери Моря, Нэн предпочла бы в качестве места памяти скамейку в торговом центре, где она часто проводила время и раздражала местных продавцов тем, что кормила голубей. Мора возражала, что такое место будет лишено постоянства. Торговый центр могут снести, зато парк, где Нэн любила гулять с собаками, может оказаться более подходящим вариантом.

Помимо риска, что останки потревожат, семью также занимал вопрос их целостности. Мора хотела сохранить часть останков, чтобы позже они были смешаны с ее собственным прахом согласно романтической идее посмертного воссоединения. Она объясняла своё желание так: «У нас не получилось добиться близости в жизни, но, возможно, мне хоть так удастся исправиться». Мора настаивала на своем желании «воссоединиться в прахе», не без юмора, впрочем, замечая, что Нэн может «перевернуться в урне» из-за подобной близости. Ее дочь, однако, считала, что мать ведёт себя эгоистично.

Впрочем, проблема выбора места, которое гарантировало бы непрерывную физическую связь живых и мертвых и, как следствие, фокусировало память о них, не помешало Море сказать следующее: «Я хочу, чтобы Нэн была вольным духом, как она хотела сама». Здесь Сильвия наконец-то согласилась с ней, добавив: «Да, ведь мы её не похоронили именно поэтому: ведь если, вроде как, подумать о том, что ей придется провести вечность под землей... или в гробу — Боже, она бы возненавидела это, но вот оставаться в воздухе...». Пока шло обсуждение, прах Нэн находился в полиэтиленовом контейнере внутри вельветового мешочка, который стоял на стуле возле обеденного стола. Мора прикрыла мешочек старой шерстяной шапкой Нэн,

а её сигареты и зажигалка лежали на столе. На одежде Нэн всегда была кошачья шерсть, и мешочек с её останками также был покрыт ею. Эти вещи создавали эффект присутствия Нэн в доме: Мора здоровалась с прахом матери, когда возвращалась домой, и говорила собакам присматривать за ним, когда уходила.

Хотя эти действия были вызваны сильными чувствами (также Мора подчёркивала, что при этом ощущала себя комфортнее), они не соответствовали ни одному традиционному вероучению. Будучи атеистом, Мора не верила, что дух Нэн сохранялся с прахом, но она тем не менее чувствовала, что «это её кости, её материя... я не думаю, что это её дух — я думаю, что там моя мама, с которой я жила и за которой под конец не очень-то хорошо присматривала». Для Мору прах служил материальным напоминанием о Нэн — о её матери в привычной ветровке, шерстяной блузке из благотворительного магазина, свитере «Прингл», юбке «Либерти» и толстых чулках: «Поэтому то, что я храню здесь, в этом сосуде, это... то, как я увидела маму в гробу, в той одежде, которую мы на неё надели, потому что я запомнила её именно такой».

Именно материальность останков Нэн была тем, к чему возвращалась Мора, когда объясняла свои ритуалы:

«Пока она в этой урне, я могу её поднять. Я брала её для утешения и успокоения, засыпала с ней пару ночей, ставила рядом с собой, когда смотрела телевизор и чувствовала себя уязвимой и несчастной. Однажды настанет момент, когда я смогу её отпустить, но поскольку мы не особенно тактильная семья, и отношения у нас были нездоровые, я чувствую, что сейчас, после её смерти, я делаю то, что, наверно, сделала бы при жизни. Приласкала бы Нэн или обняла её — сейчас я делаю это с урной... Она бы, наверно, сказала: «О Боже, это ещё зачем?», но я скажу: «Иди-ка ты к чёрту, родная, вот тебе поцелуй, — я делаю то, что должна была сделать, пока ты ещё была жива».

Желание Мору не только продолжать, но и укреплять связь со своей матерью раскрылось еще больше, когда Сильвия рассказывала о матери своего друга, которая хранила прах покойного мужа в гардеробе и время от времени доставала его, чтобы поговорить. Мора возразила: «Это все равно что держать их взаперти. Если уж хранишь его прах, то пусть он стоит с тобой в комнате... Я бы не позволила маме превратиться в украшение и сидеть на каминной полке — при жизни она никогда там не сидела». Мора зна-

ла, что однажды придёт время окончательно захоронить останки Нэн, но сказала, что не «отпустит» их, пока не помирится с ними.

Таким образом, семья спорила не только о выборе места захоронения, но и о самом значении останков — эта тема порождала сильные и почти несовместимые мнения. Мора отмечала, что Сильвия считает, будто она ведёт себя «жутковато», и когда Сильвия привела домой друга, тот едва не отпрянул, увидев прах Нэн. Некоторые гости, тем не менее, уверенно здоровались с останками. Другие информанты описывали схожее разнообразие реакций: кто-то помогал преодолеть их, рассказав шутку или историю о покойном. Кто-то, как Айви Кэнтербери, постепенно перемещал прах в более укромные места по мере того, как публичное неодобрение становилось явным.

Мотив освобождения, единодушно, несмотря на разногласия, озвученный членами семьи Нэн после её смерти, позволяет сделать вывод, что свободная интерпретация таких важнейших в контексте традиционного погребения критериев как фиксированность места погребения и незыблемость места памяти, уже не составляет проблемы для участников пост-кремационной ритуализации. Тем не менее, как показано выше, эти критерии имели первоочерёдную важность, когда Мора и Сильвия выбирали место погребения останков Нэн. Мора не могла смириться с тем, чтобы её мать похоронили там, где их могут потревожить — будь то дом, сад или скамья. Вместо этого она желала разместить прах в значимом месте, которое вряд ли претерпело бы изменения при её жизни и позволило бы провести реинтеграцию социальной идентичности Нэн и событий, из которых складывался её жизненный путь.

***

Физические свойства человеческого праха и вызываемые ими ощущения стимулируют как усилия по символизации кремированных останков и действий с ними, так и создание новых ритуальных практик. С тех пор, как в 1960-х годах в Великобритании кремация стала самым востребованным способом захоронения, наблюдается и постепенное сокращение числа людей, которые желают оставить прах родных и близких в публичных и анонимных

колумбариях. Параллельно растёт ассортимент новых подходов к скорби и увековечиванию памяти — как отдельных людей, так и целые организации перестал удовлетворять небольшой список существующих на этот счет сценариев, все чаще стала раздаваться критика регулирующих установок и традиционных императивов в том, что касалось смерти, процесса умирания и переживания утраты. Это хорошо иллюстрируется ростом хосписного движения, изменениями похоронного обряда и созданием таких новых идентификационных процедур как оформление свидетельств о рождении для мертворождённых младенцев, а также, как уже упоминалось, сдвигом терапевтической парадигмы от моделей горя, основанных на стратегии «избавления от связи», к модели «продолжения связи с умершими». Популярность персонализированного подхода к увековечиванию памяти выросла ещё больше в 90-е годы: кладбища наполнились открытками, игрушками, лампами на солнечных батареях и «китайскими колокольчиками»; в интернете расплодились сайты-некрологи, а места дорожных происшествий и места убийств начали украшать венками и личными посланиями к усопшим.

В контексте этих процессов следует рассматривать и зарождение в Великобритании новых пост-кремационных ритуальных практик. Пылеобразные останки только недавно стали рассматриваться как потенциально объект для нетрадиционного захоронения и увековечивания памяти. Стабильная, но легко изменяющаяся форма праха допускает перемещение и разделение, а покойный, символическим воплощением которого стал прах, может вернуться домой как элемент среды обитания, как страж или как товарищ. Также он может быть «отпущен» на церемонии развеивания праха в его любимом месте, может храниться в семейной могиле или в саду. Прах позволяет как забыть и простить покойного, развеяв его по ветру, так и помочь «сфокусироваться» на нём, позволяя родным и близким возвращаться к покойному и размышлять о нём. Конечно же, урна с прахом одного усопшего позволяет воспользоваться не только одной, но всеми из перечисленных опций сразу, что иногда приводит к конфликту, а порой, наоборот, помогает его сгладить. Для многих важное значение имеет временное преимущество: в отличие от «мокрого» трупа, решения по захоронению праха могут быть отложены до наиболее приемлемого момента или психологического состояния —

на это указывают урны с останками, которые так и не забрали из похоронных бюро. До недавнего времени кремация составляла финальный акт ритуала похорон. Тем не менее, для всё большего числа людей с праха, взятого из крематория, ритуал фактически только начинается. При этом кремированные останки выступают первичным, хотя подчас и не самым ключевым источником активности на это счет.

Таким образом, «повторное заколдовывание» повседневности [Jenkins 2000: 2002] формирует контекст, в котором индивиды задействует тот или иной культурный репертуар, который может состоять, например, из романтического наследия XIX века. Как мы уже указывали, верования и практики, описанные нашими информантами, могут быть частью более масштабных социальных процессов и сдвигов. Это и низовая критика научной и бюрократической рациональности модернизма, которая находит отражение в разнообразных коллективных инициативах — от кампаний за «естественные» рождение и смерть до экологического лобби на местном и международном уровнях. Подобная критика звучит и в терапевтической литературе об утрате, которая отражает широко озвученные мнения определённых категорий скорбящих, сопротивляющихся материалистическим доктринам смерти и стратегиям разрыва эмоциональных и физических связей с умершим.

Теперь, когда более половины всех останков забирают из крематориев для индивидуального захоронения, а кладбища демонстрируют растущее единообразие «эсклюзивного» и «неформального» увековечивания памяти, становится ясно, что человеческое горе и есть та точка отсчета, с которой начинает подвергаться критике регуляция похоронной сферы. Антропологи от Тёрнера [Turner 1974] до Сереметакис [Seremetakis 1991] ссылались на «силу слабых», на способность «аффективных анклавов» и «сообществ боли и исцеления» [Seremetakis 1991] привести перемены в устоявшиеся обычаи. Тем не менее, новационные подходы, описанные в данной статье, наверняка и сами окажутся «внутри системообразующих, обобщающих метавысказываний, которые характерны для современности и которых сами теоретики старались избегать, когда речь заходила о переходе от концепции горя к «тому, как люди воспринимают и проживают свои жизни» [Small 2001: 34–35]. Другими словами, вполне возможно, что более индивидуализированный подход к смерти и процессу умирания

со временем сам по себе обзаведётся более формальными и общественно разделяемыми характеристиками. Ещё в XIX веке Морли утверждал, что романтические подходы к утрате в конце концов привели к ситуации, в которой «изображение чувства стало необходимой частью социального инвентаря каждого вежливого человека и, как следствие, просочилось в нижние классы. Горе было основным чувством. Даже когда у горя была причина, это состояние нередко приходилось нагнетать» [Morley 1971: 17].

Как продемонстрировал пример семьи Нэн, люди, которые сейчас выбирают из широкого диапазона методов захоронения и увековечивания памяти, испытывают замешательство и межличностные разногласия в период эмоциональных потрясений. Тем не менее, поскольку новые верования и практики продолжают развиваться, в XXI веке наверняка появится измененная, но уже более широко востребованная культура смерти. Также, признавая актуальность постмодернистской свободы выбора, необходимо вслед за Уолтером [Walter 1994: 189] заметить, что «личный выбор, конечно же, возможен, но лишь в компании».

Литература:

Arber 2000 — Arber, R. Disposal of cremated remains: a European perspective. Unpublished report to the International Cremation Federation by Roger Arber, Secretary-General.

Bennett and Bennett 2000 — Bennett, G. & K.M. Bennett. The presence of the dead: an empirical study. *Mortality* 5 (2000), pp. 139–57.

Cremation Society 1974 — The history of modern cremation in Great Britain from 1874. Maidstone: Cremation Society of Great Britain, 1974.

Danforth 1982 — Danforth, L.M. The death rituals of rural Greece. Princeton: University Press, 1982.

Davie & Martin 1999 — Davie, G. & D. Martin. Liturgy and music. In *The mourning for Diana* (ed.) T. Walter, pp. 187–98. Oxford: Berg, 1999.

Davies & Shaw 1995 — Davies, D. & A. Shaw. Reusing old graves: a report on popular British attitudes. Crayford: Shaw & Sons, 1995.

Dick-Read 1933 — Dick-Read, G. Natural childbirth. London: Heinemann, 1933.

Foucault, M. 1977. The archaeology of knowledge (trans. A.M. Sheridan Smith). London: Tavistock, 1977 [1969].

Francis et al. 2000 — Francis, D., D. Kellahe & G. Neophytou. Sustaining cemeteries: the user perspective. *Mortality* 5 (2000), pp. 34–52.

Francis et al. 2001 — Francis, D., D. Kellahe & G. Neophytou. The cemetery: the evidence of continuing bonds. In *Grief, mourning and death ritual* (eds) J. Hockey, J. Katz & N. Small, pp. 226–36. Buckingham: Open University Press, 2001.

Francis et al. 2005 — Francis, D., D. Kellahe & G. Neophytou. *The secret cemetery*. Oxford: Berg, 2005.

Freud 1957 — Freud, S. Mourning and melancholia. In *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud*, vol. 14, pp. 243–58. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis, 1957 [1917].

Hallam et al. 1999 — Hallam, E., J. Hockey & G. Howarth. *Beyond the body: death and social identity*. London: Routledge, 1999.

Hertz 1960 — Hertz, R. *Death and the right hand* (trans. R. Needham & C. Needham). Aberdeen: Cohen & West, 1960 [1907].

Horrox 1999 — Horrox, R. Purgatory, prayer and plague: 1150–1380. In *Death in England: an illustrated history* (eds) P. Jupp & C. Gittings, pp. 90–119. Manchester: University Press, 1999.

Howes 1991 — Howes, D. *The varieties of sensory experience*. Toronto: University Press, 1991.

Huntington and Metcalf 1979 — Huntington, R. & P. Metcalf. *Celebrations of death: the anthropology of mortuary ritual*. Cambridge: University Press, 1979.

Jalland 1999 — Jalland, P. Victorian death and its decline: 1850–1918. In *Death in England: an illustrated history* (eds) P. Jupp & C. Gittings, pp. 230–55. Manchester: University Press, 1999.

Jenkins 2000 — Jenkins, R. Disenchantment, enchantment and re-enchantment: Max Weber at the millennium. *Max Weber Studies* 1 (2000), pp. 11–32.

Jenkins 2002 — Jenkins, R. 2002. *Foundations of sociology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.

Jupp & Walter 1999 — Jupp, P. & T. Walter. The healthy society: 1918–1998. In *Death in England: an illustrated history* (eds) P. Jupp & C. Gittings, pp. 256–82. Manchester: University Press, 1999.

Kellahe et al. 2004 — Kellahe, L., D. Prendergast & J. Hockey. Resistance, renewal or reinvention: the removal of ashes from crematoria. *Pharos International* 70: 4, pp. 10–13.

Klass et al. 1996 — Klass, D., P.R. Silverman & S.L. Nickman. *Continuing bonds: new understandings of grief*. Washington, D.C.: Taylor & Francis, 1996.

Littlewood 2001 — Littlewood, J. Just an old-fashioned love song or a 'harlequin romance'? Some experiences of widowhood. In *Grief, mourning and death ritual* (eds) J. Hockey, J. Katz & N. Small, pp. 82–94. Buckingham: Open University Press, 2001.

- Macnaghten & Urry 1998 — Macnaghten, P. & J. Urry. *Contested natures*. London: Sage, 1998.
- Morley 1971 — Morley, J. *Death, heaven and the Victorians*. London: Studio Vista, 1971.
- Parkes 1972 — Parkes, C.M. *Bereavement: studies of grief in adult life*. London: Tavistock, 1972.
- Prothero 2001 — Prothero, S. *Purified by fire: a history of cremation in America*. London: University of California Press, 2001.
- Riches & Dawson 2000 — Riches, G. & P. Dawson. *An intimate loneliness: supporting bereaved parents and siblings*. Buckingham: Open University Press, 2000.
- Roach 1996 — Roach, J. *Cities of the dead*. New York: Columbia University Press, 1996.
- Rugg 1999 — Rugg, J. From reason to regulation: 1760–1850. In *Death in England: an illustrated history* (eds) P. Jupp & C. Gittings, pp. 202–29. Manchester: University Press, 1999.
- Seremetakis 1991 — Seremetakis, C.N. *The last word: women, death and divination in inner Mani*. Chicago: University Press, 1991.
- Small 2001 — Small, N. Theories of grief: a critical overview. In *Grief mourning and death ritual* (eds) J. Hockey, J. Katz & N. Small, pp. 19–48. Buckingham: Open University Press, 2001.
- Stoppard 1968 — Stoppard, T. *Rosencrantz and Guildenstern are dead*. London: Faber & Faber.
- Stroebe et al. 1996 — Stroebe, M., M. Gergen, K. Gergen & W. Stroebe. Broken hearts or broken bonds? In *Continuing bonds: new understandings of grief* (eds) D. Klass, P. Silverman & S. Nickman, pp. 31–44. Washington, D.C.: Taylor & Francis, 1996.
- Stroebe et al. 1999 — Stroebe, M., M. Gergen, K. Gergen & H. Schut. The dual process model of coping with bereavement: rationale and description. *Death Studies* 23 (1999), pp. 197–224.
- Turner 1969 — Turner, V. *The ritual process*. Harmondsworth: Penguin, 1969.
- Turner 1974 — Turner, V. *Dramas, field and metaphors*. Ithaca: Cornell University Press, 1974.
- Walter 1990 — Walter, T. *Funerals and how to improve them*. London: Hodder & Stoughton, 1990.
- Walter 1994 — Walter, T. *The revival of death*. London: Routledge, 1994.
- Walter 1996 — Walter, T. A new model of grief: bereavement and biography. *Mortality* 1 (1996), pp. 7–26.
- Weber 1930 — Weber, M. *The Protestant ethic and the spirit of capitalism* (trans. T. Parsons). New York: Charles Scribner & Sons, 1930 [1904–5].

Willis & Curry 2004 — Willis, R. & P. Curry. Astrology, science and culture: pulling down the moon. Oxford: Berg, 2004.

Worden 1982 — Worden, J.W. Grief counselling and grief therapy: a handbook for the mental health practitioner. New York: Springer, 1982.

В настоящий момент Дэвид Прендергаст проводит этнографические исследования о старении и самостоятельной жизни в странах ЕС и Китая в рамках проекта Intel “Глобальный опыт старения”. Он является автором “От старейшины к предку: старость, смерть и наследственность в современной Копее” (‘From Elder to Ancestor: Old Age, Death and Inheritance in Modern Korea’, Global Oriental, 2005) и соавтором “Нет ничего лучше дома: домашний уход за пожилыми людьми в Ирландии” (‘No Place Like Home: Domiciliary Care Services for Older People in Ireland’, Liffey Press, 2006).

[D. Prendergast@yahoo.co.uk](mailto:D.Prendergast@yahoo.co.uk)

Дженни Хаки — профессиональный антрополог, которая в настоящий момент преподаёт социологию в Шеффилдском университете. Её научные интересы: старение, смерть, процесс смерти, захоронение и скорбь. Одна из публикаций в данной области — “Смерть, память и материальная культура” (‘Death, Memory and Material Culture’, Berg, 2001) в соавторстве с Элизабет Хэллэм из Абердинского университета.

[J. Hockey@sheffield.ac.uk](mailto:J.Hockey@sheffield.ac.uk)

Леони Келлахер — главный научный сотрудник в Лондонском университете Метрополитен. В процессе своих исследований она использовала антропологический и социополитический подходы к организационным и материальным средам, которые люди занимают при жизни и после смерти. Она является соавтором “Секретного кладбища” (‘The secret cemetery’, Berg, 2005; в соавторстве с Д. Фрэнсисом и Дж. Неофиту).

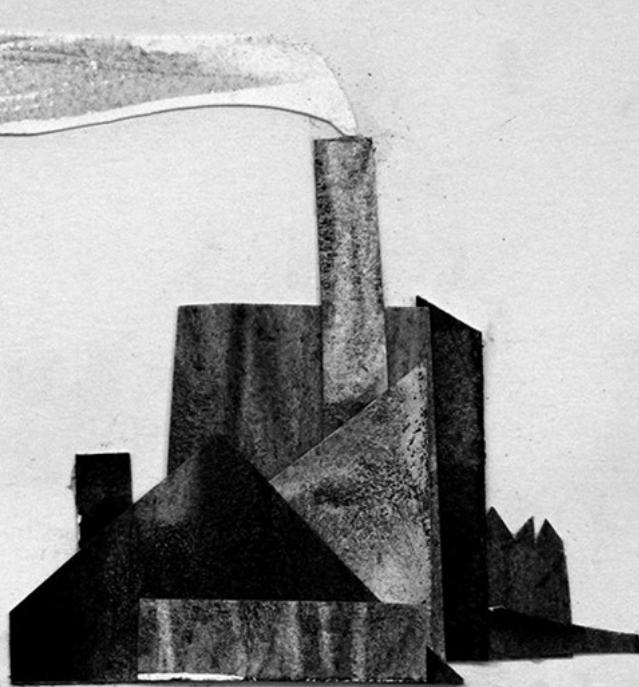
Leonie@kellaher.co.uk

Брайан Парсонс

Перевод Даниила Пospelова

**Кремация на новый лад:
развитие кремации и ее
влияние на музыкальную
составляющую
похоронной обрядности
Англии 1874–2010 годов¹**

1 Brian Parsons (2012) Identifying key changes: the progress of cremation and its influence on music at funerals in England, 1874–2010, *Mortality: Promoting the interdisciplinary study of death and dying*, 17:2, 130-144, DOI: 10.1080/13576275.2012.675228

В современной Великобритании музыка занимает важное место в похоронном церемониале — через пение или прослушивание любимых произведений она обеспечивает эмоциональную вовлеченность, выстраивая ассоциативную связь между покойным и скорбящими. При этом время, когда на похоронах исполнялась исключительно церковная музыка или «музыка Бога» [Denyer 1997: 197], прошло. Следствием неуклонной индивидуализации похоронной обрядности в последние три десятилетия стало формирование богатого репертуара как духовной, так и светской музыки, исполняемой в ходе церемонии прощания.

За исключением работы Гаммона [Gammon 1988], исследовавшего место музыки в похоронах XVIII и начала XIX веков, с точки зрения исторической перспективы тема музыкальной составляющей в похоронной обрядности остается почти неизученной. Лишь в последние годы возникающие между скорбящими и представителями духовенства конфликты вокруг выбора музыки для проведения церемонии прощания вызвали общественную дискуссию и породили ряд публикаций на данную тему [Blackett 2008; Denyer 1997; Long 2009; Lyons 1996, 2004; Parsons 2008; Towler 1995; Tucker 2006; Walter 1990, 1994].

Музыка и наступление эры кремации

В XIX веке кремация вышла на новый уровень, со временем оказав исключительное влияние на похоронный церемониал и сопровождающую его музыку. В 1874 году было основано Английское общество кремации, а спустя 11 лет в располагавшемся в Уокинге¹ крематории Общества был проведен первый обряд кремирования [Parsons 2005]. Прежде чем крематорий Уокинга обзавелся собственной часовней, похоронная служба обычно проводилась в церкви, где перед транспортировкой гроба в крематорий могла исполняться музыка. Несмотря на то, что сооружение в 1887 году собственной часовни позволило проводить похоронную службу в присутствии гроба непосредственно перед кремированием, му-

1 Уокинг — город на юго-западной окраине Большого Лондона. На территории Уокинга был открыт первый в Великобритании крематорий; в числе кремированных в нем, например, Елена Блаватская и Алан Тьюринг (здесь и далее прим. перев.).

зыкальное сопровождение церемониала прощания отсутствовало вплоть до 1922 года, когда в часовне был установлен орган. При этом в крематории Манчестера, построенном в Англии вторым по счёту, орган был установлен на галерее одновременно с открытием крематория в 1892 году [Макейсе 1990]. Схожим образом дело обстояло и в крематории Бирмингема, открытом в 1899 году: на фотографиях интерьера рядом с катафалком можно увидеть однорядную ручную фисгармонию. Лондонский крематорий Голдерс-Грин был оснащён органом с момента открытия в 1902 году. Тем не менее музыке в крематориях не уделялось особого внимания, и в большинстве случаев музыкальное сопровождение не входило в перечень предлагаемых услуг. Из 22 крематориев, упомянутых в изданном в 1931 году справочнике «Cremation in Great Britain», только для 6 указано наличие органа: это Уокинг, Манчестер, Глазго, Голдерс-Грин, Шеффилд и Эдинбург [Jones & Noble 1931]. К моменту выхода в 1945 году третьего издания данного справочника ситуация особо не изменилась — на долю кремации приходилось лишь 9,1 % всех похорон в Великобритании [Jones 1945]. Главной причиной отсутствия органа в крематориях была дороговизна инструмента. Более того, для использования органа было необходимо нанять органиста, а зачастую ещё и ассистента для ручной подачи воздуха в механизм органа. Решить эту проблему помогло развитие звукозаписи — в 1930-е годы звуковоспроизводящая аппаратура массово устанавливалась в часовнях при кладбищах и крематориях. В «Журнале Национальной ассоциации управляющих кладбищ и крематориев» стали размещать рекламу аудиозаписей произведений классического репертуара, исполненных на органе. Среди них были, например, «Ave Maria» Баха/Гуно, «Похоронный марш» Шопена², «Идиллия» Элгара³ и «Грезы»⁴ Шумана. В ходе второй Объединённой конференции директоров кладбищ и крематориев в июле 1933 года более 200 делегатов посетили залы прощания в крематориях Тоттенхэма и кладбища Грин-Вуд, где для них были проиграны пластинки с записями «Лар-

2 Третья часть Сонаты для фортепиано № 2 си-бемоль минор.

3 Эдуард Элгар (1857–1934) — самый именитый английский композитор своего времени, представитель позднего романтизма; «Идиллия» — пьеса для фортепиано и скрипки, первое его опубликованное произведение.

4 Пьеса из фортепианного цикла «Детские сцены».

го»⁵ Генделя и «Похоронного марша» Шопена. В одном из репортажей говорилось:

«Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить себе, какое сильное впечатление это должно производить на скорбящих родственников. Впервые прекрасная музыка, сопровождающая обряд прощания, доступна всем классам – и богатым, и бедным. Нет никаких сомнений, что посетители похорон по достоинству оценят лучший из возможных способов избавиться от гнетущей тишины, сопровождающей похоронный обряд» [Music in chapels 1934].

Пластинки с записями использовались и в других местах, например, в частных залах прощания, неуклонно набиравших популярность начиная с 1930-х годов, когда прощание с телом покойного переместилось из дома в руки профессионалов. Современник отмечает: «Хорошая музыка является свидетельством гордости, с которой нынешние распорядители похорон осуществляют свое служение», и приводит список уместных музыкальных произведений, в основном из классического репертуара [Music in the funeral service 1941; The story of music 1943].

Статей, посвященных внутреннему обустройству крематория, в то время было немного. В одной из них рекомендуется размещать орган над главным входом, на галерее; отмечается, что органисту необходимо видеть вход в зал прощания [Current notes 1937]. Эта идея была реализована в крематории Мортлейк в юго-западном Лондоне: в 1939 году там был установлен орган стоимостью немногим более 500 фунтов, при этом пульт органа размещался на галерее [Parsons 2007]. Новая технология «расширения», разработанная для органов, благодаря которой относительно небольшое число труб давало богатое разнообразие тембров, позволила церквям и залам прощания со скромными финансовыми возможностями и ограниченным внутренним пространством обзавестись собственным инструментом. Музыка в записи, хоть и являлась экономичной альтернативой использованию органа, никогда не использовалась в качестве возможного аккомпанемента к пению церковных гимнов, но рассматривалась как фон [Garrett 1967: 29;

5 Под этим названием стала известна ария Ксеркса, открывающая одноименную оперу Генделя.

Whittle 1948: 18]. Возможно, предполагалось, что семьи, заинтересованные в пении гимнов, проведут службу в церкви прежде, чем отправиться в крематорий. Как бы то ни было, в нескольких крематориях, например в Голдерс-Грин, можно было заказать профессиональный хор для исполнения гимнов.

Рост количества крематориев в послевоенные годы (58 в 1945 году; 82 в 1955; 184 в 1965) сопровождался ростом качества и доступности электрических органов, что сделало этот инструмент идеальным выбором для залов прощания в крематориях. В связи с ограниченностью в средствах при строительстве крематориев классические органы после войны практически не устанавливались; в качестве исключения можно назвать два органа фирмы Walker, установленные в двух идентичных залах прощания нового крематория лондонского Сити. Как следствие, дискуссия о выборе между электрическим и классическим органом была непродолжительной [Maughan & Mander 1968]. При этом большинство крематориев по-прежнему располагали лишь звуковоспроизводящей аппаратурой. Вот пример объявления 1956 года из газеты Общества кремации, которое призвано было убедить крематории отказаться от установки органа: «Аппарат воспроизведения органной музыки для залов прощания и крематориев. Зачем тратить значительные суммы на орган ... когда за гроши можно получить практически идентичную копию?» [Advertisement 1956]. Когда в 1956 году открылся крематорий в Бедфорде, в местной церкви были сделаны записи органной музыки для проигрывания в крематории [Crematoria 1956]. Так как крематорий работал преимущественно по плотному графику, зачастую с двадцатиминутными интервалами между кремациями, то возможности проигрывания музыки были ограничены, например, музыкальным сопровождением входа скорбящих в зал прощания, их выхода и, возможно, одним коротким гимном. На конференции Общества кремации Великобритании в 1964 году один из агентов по продаже электрических органов рассказывал, что он знал один крематорий, где играли «Ларго» Генделя и «Не оставь меня, Господи»⁶ в начале и в конце

6 «Abide with me» — один из самых известных христианских гимнов; написан в 1847 году английским священником и поэтом Генри Фрэнсисом Лайтом за несколько недель до смерти. Помимо того, что этот гимн традиционно исполняется в ходе христианских похорон, его фрагменты в течение без малого ста лет исполняются перед началом финалов кубков Англии по футболу и регби. Согласно воспоминаниям выживших в катастрофе «Титаника» во время гибели лайнера оркестр исполнял этот гимн среди прочих произведений (прим. перев.).

каждой кремации соответственно [Gibson 1964: 65]. Согласно данным опроса, опубликованным в 1978 году, менее половины из 218 крематориев располагали органом, обычным или электрическим, не имея при этом необходимого оборудования для проигрывания музыки в записи [Carter 1978]. К сожалению, качество как записей, так и аппаратуры для их воспроизведения оставляло желать лучшего. Выступая на конференции в 1967 году, управляющий кладбища и крематория Брайтона подчеркнул несоответствие требованиям к качеству звука неудачно расположенных звуковых динамиков (порой спрятанных позади труб, имитирующих трубы органа) в сравнении с электроорганами [Garrett 1967]. Сочетание перечисленных выше факторов приводило к тому, что крематорий воспринимался как поточная производственная линия. Дуглас Дэвис в ходе своего анкетирования крематориев в 1994 году заметил:

Если одним из популярных образов, характеризующих современную кремацию, является образ конвейерной ленты, то другим — образ «консервированной» музыки. Записанная и затем проигрываемая музыка часто является одним из главных знаков обезличенности, механистичности и других нежелательных аспектов процедуры кремации [Davies 1994: 23; Walter 1990: 9].

При этом, как отмечает Дэвис, миф о «консервированной» музыке не подтверждается фактами: по меньшей мере 82 % крематориев, участвовавших в анкетировании, предлагали услугу сопровождения церемонии игрой органа.

Как мы увидим ниже, изменения формата похоронного церемониала в конце XX века привели, наряду с другими факторами, к тому, что крематории провели переоценку музыкальной составляющей своей деятельности.

Репертуар музыки для прощания: духовная, светская, современная

Именно на похоронах, проводимых в крематориях, использование музыки нерелигиозного характера давно стало обычным. Действительно, кремационное движение было основано как светское, и в первые 50 лет существования кремации в Великобритании

было проведено множество церемоний нерелигиозного характера, что отражалось и в музыкальной составляющей. Исследование музыки, исполнявшейся в лондонском крематории Голдерс-Грин, дает нам ряд примеров: в 1921 году прощание с Мэри МакАртур, основательницей Национальной федерации женщин-рабочих, завершилось пением «Марша рабочих»⁷ [Funerals 1921]. В случае Леонида Красина, советского полномочного представителя в Лондоне, скончавшегося там же в 1926 году, на органе была исполнена музыка Чайковского. В том же году на одной из церемоний можно было услышать вальс из оперетты «Веселая вдова» Франца Легара [Krassin 1926; Cremation notes 1926]. В июле 1960 года на кремации Гарри Поллита, генерального секретаря Коммунистической партии Великобритании, Поль Робсон исполнил песню о Джо Хилле⁸ [Funerals 1960]. Тем не менее, несмотря на доступность оркестровых произведений в переложении для органа, а также музыки в записи, вплоть до конца 1970-х годов музыка на похоронах в целом носила религиозный или «классический» характер.

Списки, которые публиковались некоторыми крематориями для распространения среди родственников покойных, дают представление о том, какую музыку управляющие крематориями и их органисты полагали подходящей и уместной: это номера из ораторий и классические произведения таких композиторов, как Шопен, Дворжак и Мендельсон. За исключением Эдварда Элгара, в этих списках не было произведений условно современных композиторов. Когда органист крематория Голдерс-Грин в 1964 году выступил на конференции Общества кремации с презентацией «музыки, подходящей для обряда кремации», он включил в нее несколько органных произведений «экспериментального характера» компо-

7 «The March of the Workers» — под этим названием в англоязычном мире известна Варшавянка; другому названию — «Whirlwinds of Danger» — в русском варианте соответствует «Вихри враждебные» (прим. перев.).

8 Джо Хилл (1879–1915) — американский рабочий активист и автор песен, при его жизни ставших популярными в рядах рабочего и профсоюзного движения. Был обвинен в убийстве и расстрелян в результате достаточно спорного приговора. После смерти стал одной из икон рабочего движения в США. Стихотворение «Джо Хилл» («I dreamed I saw Joe Hill last night» — в переводе Самуила Болотина «Приснился мне Джо Хилл, друзья»), написанное в 1930-е годы Альфредом Хейсом, в 1936 году было положено на музыку Эрлом Робинсоном; песня получила широкую известность, среди прочих ее исполняли Пит Сигер и Джоан Баэз.

зителей XX века. Пусть и написанные специально для органа, они все же так и не нашли широкой аудитории [Gibson 1964: 63–69].

Попытки изменить или по крайней мере обсудить репертуар музыки на похоронах можно наблюдать уже в межвоенные годы. В 1933 году одна англиканская церковь в северном Лондоне призвала «... прекратить использование известных похоронных маршей». Такие произведения, как «Похоронный марш Саула» Генделя и «Похоронный марш» Шопена объявлялись «устаревшими», в то время как настоятель церкви заявлял, что идея более «радостных» похорон соответствует христианскому учению [Funeral music 1933]. Тем не менее сколько-либо существенные изменения можно наблюдать лишь начиная с конца 1970-х годов, когда стала популярной идея о том, что похоронная церемония должна отражать личность и убеждения покойного, а также предпочтения его семьи. По времени это совпало с публикацией Англиканской церковью экспериментальных литургий, таких как «Series 3» и «Альтернативный сборник служб», и с признанием Римско-католической церковью важного места музыки в похоронном обряде.

Статистические данные по крематориям в отношении того, какая музыка играетсЯ до, во время и после церемонии прощания, подтверждают эти изменения. Анкетирование крематориев, проведенное Обществом кремации Великобритании в 1978 году, показало, что наиболее популярным произведением на тот момент являлся Псалом 22 («Господь — пастырь мой») на кримондскую мелодиЮ⁹. Второе и третье место заняли, соответственно, гимн «Abide with me» и «Ларго» Генделя. Единственным светским произведением в этом «хит-параде» являлся «Нимрод» из «Энигма-вариаций»¹⁰ Элгара [The top ten 1979]. В 1984 году крематорий

9 Существует множество переложений Псалма 22 на музыку, среди авторов — Бах, Шуберт, Дворжак и другие. Одной из самых популярных мелодий, на которую было положен данный псалом, является мелодия «Crimond» — считается, что ее в середине XIX века написала Джесси Сеймур Ирвин, дочь шотландского священника. МелодиЮ называют по названию города Кримонд в Шотландии, где она была написана (прим. перев.).

10 «Энигма-вариации» (или «Загадка — вариации на собственную тему») — произведение Эдуарда Элгара для оркестра. Представляет собой музыкальную тему с последующими 14 вариациями на эту тему, при этом каждую вариацию Элгар посвятил одному из своих друзей: в каждой вариации музыкальными средствами изображены индивидуальность, особенности характера и поведения того или иного друга.

Колчестера пересмотрел перечень предлагаемой клиентам музыки, приведя его к «... соотношению 50 на 50 между гимнами и признанными хитами» [Freedom of choice 1984]. С этого времени компания The Co-operative Funeralcare¹¹ стала регулярно проводить анкетирование крематориев на предмет используемой музыки [My way 2002; Film music 2002; The Co-operative Funeralcare 2011]. В 2006 году она отмечает: «На сегодняшний день современные песни выбираются в качестве музыкального сопровождения на похоронах практически так же часто, как гимны, на их долю приходится более 40 % исполняемой музыки» [Tears 2007]. Согласно отчету компании, десятку наиболее популярных песен возглавила «My Way» (песня о человеке, размышляющем о собственной смерти, с образом опускающегося занавеса как окончания жизни и берущим за душу аккомпанементом), десятку классических произведений — «Нимрод» из «Энигма-вариаций» Элгара, десятку гимнов — «Господь — пастырь мой». Спустя три года анализ 30 тысяч похорон, проведенных той же компанией, показал все тех же музыкальных фаворитов во главе с «My Way» [Society 2009; The changing face 2011]. Популярны были также музыкальные темы из телевизионных мыльных опер. При этом отмечается, что каждое десятое произведение отклонялось священниками, которым казалось неуместным исполнение того или иного произведения. Конкретных причин подобных отказов не приводится. Свидетельства распорядителей похорон и органистов, работающих в крематориях, также говорят о богатом репертуаре исполняемой на похоронах музыки [Buchan 2004; Pilliner, личное общение, 2010]. Все чаще и чаще запросы на музыку отражают интересы или род занятий усопшего и выходят за рамки предлагаемого списка записей (см. примеры в [Parsons 2008]).

Лайсонс [Lysons 2004] объясняет эти изменения ростом консьюмеризма, в рамках которого желания клиента являются законом, а также индивидуализма, секуляризма и общей неудовлетворенностью традиционными похоронами. Он также считает, что «музыка является индикатором «либерализации» похорон» [Lysons

11 Крупнейший в Великобритании оператор похоронных домов, имеющий в управлении около 1000 похоронных контор и проводящий каждые седьмые похороны в Великобритании; компания владеет кладбищами и крематориями, производит гробы, изготавливает надгробные плиты и памятники и пр. (прим. перев.).

200: 46]. Джапп [Jurp 1997] считает подобную либерализацию следствием сочетания роста интереса к умиранию, смерти и похоронам с изменением воззрений тех, кто предоставляет услуги скорбящим. Возможно также, что свой вклад в этот индивидуализм внесли похороны принцессы Дианы в 1997 году. Список произведений, исполненных на ее похоронах, включает «Похоронные сентенции» Уильяма Крофта, четыре широко известных гимна, «Libera me» из Реквиема Верди и «The Londonderry Air»¹². Нерелигиозную составляющую сформировали «Candle in the Wind» Элтона Джона и «Song of Athene»¹³ Джона Тавенера с включением отрывков из Шекспира и распеванием «аллилуйя». При этом, согласно устным свидетельствам распорядителей похорон в центральном Лондоне, на момент гибели принцессы Дианы в 1997 году подобная смесь духовной и светской музыки на церковных похоронах была уже не в новинку, и священники были готовы идти навстречу в случае нетривиальных музыкальных запросов.

Главным результатом этой «либерализации» стало расширение разнообразия вариантов, в рамках которых могли осуществляться похороны, и не только в том, что касается музыки. Похоронные дома стали предоставлять широкий ассортимент гробов, стал возможен выбор транспорта, используемого в связи с похоронами. Медиа и интернет вносили свой вклад в рост осведомленности общества о различных альтернативах, связанных с похоронами; в свою очередь, это стимулировало семьи усопших использовать альтернативные подходы при организации «личных» похорон. Церемонии прощания религиозного, частично религиозного и нерелигиозного характера стали все чаще планироваться с участием родственников усопшего, которые могли читать прозу, панегирики или представить иллюстрированную презентацию о покойном. Уолтер [Walter 1990: 157] видит в этом перемещение контроля над похоронами от эксперта, чьи услуги оплачиваются, в сторону семьи: церемония прощания вновь начинает «принадлежать» семье.

12 Лондондерри — графство в Северной Ирландии. Мелодия «The Londonderry Air» стала основой для множества песен; самая известная из них — «Danny Boy», считающаяся неофициальным гимном Северной Ирландии.

13 Произведение для хора, написанное Тавенером в 1993 году под впечатлением от смерти и похорон дочери его друзей, молодой актрисы Афины Ариадес; в основе текста — отрывки из шекспировского «Гамлета» и заупокойной службы православного обряда.

Он резюмирует: «... когда все остальные средства терпят неудачу, остается музыка, через нее может быть выражено невыразимое». Баумгартнер также пишет о том, что выбор определенной музыки обеспечивает эту эмоциональную силу: «Порой музыкальное произведение связано с определенными событиями в жизни человека, и его прослушивание пробуждает воспоминания об изначальном опыте» [Baumgartner: 613].

Свой вклад в изменения, постигшие похоронную обрядность, внесли также две хартии. Хартия Мертвых Граждан 1996 года¹⁴ содержит множество «прав» и «рекомендаций», включая следующую: «Похоронный обряд должен отражать убеждения покойного, одновременно принимая во внимание спектр убеждений скорбящих, что подразумевает включение в обряд значащих слов и музыки» [The dead citizens 1998]. Хартия скорбящих¹⁵ того же, 1996, года идет еще дальше, предписывая сотрудникам кладбищ и крематориев предоставлять для воспроизведения музыки стационарную или портативную аппаратуру [Charter for the bereaved 1996]. Это означает значительную перемену в восприятии профессии, представители которой, наряду с представителями Церкви, ранее выступали в качестве судей, определявших судьбу «необычных» запросов. Например, в 1984 году The Daily Telegraph пишет о запрете танца Моррис¹⁶ в часовне крематория и о признании «неуместной» песни “Bridge Over Troubled Water”¹⁷ [Morris Dance

14 «The Dead Citizens Charter» была опубликована Национальным похоронным колледжем, который основал экономист, социолог, общественный и политический деятель Майкл Янг, являющийся одним из авторов хартии; основным посылом хартии является необходимость реформирования сферы похоронных услуг с тем, чтобы сделать ее более гибкой, «человечной» и ориентированной на интересы клиентов.

15 Выпущена основанным в 1913 году Институтом управления кладбищами и крематориями.

16 Английский народный групповой танец, известный как минимум с XV века; в ходе исполнения танцоры традиционно привязывают к ногам связки колокольчиков, также в ходе танца могут использоваться деревянные палки, мечи и носовые платки.

17 Хит 1970 года американского дуэта Саймона и Гарфанкела; в связи с тематикой статьи интересно заметить, что в 2017 году в пользу пострадавших в ходе разрушительного пожара в лондонской Grenfell Tower 14 июня 2017 года был выпущен благотворительный сингл, на котором эта песня была исполнена «звездным» составом певцов и музыкантов.

1984]. Теперь подобная драконовская цензура кажется непривычной. В течение последних 30 лет распорядителей похорон подталкивали к детальному обсуждению с клиентами музыкальной составляющей церемонии, а соответствующая дисциплина стала частью учебного курса на диплом Национальной ассоциации распорядителей похорон [NAFD 2007; Caldicott 2006]. Появился ряд публикаций, в которых даются советы тем, кто решил спланировать похоронную церемонию самостоятельно или обратиться к альтернативным вариантам церемонии. Более того, проявляется большая гибкость в отношении исполняемой музыки со стороны тех, кто отправляет соответствующие обряды. 25 лет назад Пейдж обнаружил, что некоторые похороны

«... стали своеобразными «церемониями прощания», отсылающими в первую очередь не к теологическому учению о воскресении души, но к телу покойного — посредством любимой музыки, любимых цветов <...> В ходе полевых исследований встречались примеры того, как они [священники] по окончании службы требовали от распорядителей похорон извинений за то, что в сценарий церемонии оказались включены популярные песни или креативные вставки вроде внуков, ставящих музыку на своих проигрывателях. [Page 1986: 7–9; Naylor 1991]

Хотя многие представители духовенства стали охотнее идти навстречу необычным пожеланиям, Пол Денье признает, что они могут оказаться в непростом положении:

С точки зрения священнослужителей, люди должны ожидать и получать христианскую интерпретацию значения и значимости смерти <...> Согласно занимаемой ими позиции, проводимые ими службы доступны абсолютно всем гражданам, вне зависимости от силы их веры или отсутствия таковой. Эта связь с невоцерковленными высоко ценится большинством приходских священников; однако в нашем все более и более консьюмеристском обществе для благочестивого священнослужителя эта связь становится причиной внутреннего конфликта. Каждому священнослужителю приходится ставить свои собственные рамки и границы. [Denyer 1997: 200–201; Wilson 2009]

Энн Хортон полагает, что «... возможно, было бы благоразумно избегать строгих и нерушимых правил в этом месте. Например, по-

пулярная песня, выбранная с осмотрительностью и согласующаяся с христианским учением, может одновременно быть и уместной, и трогательной до глубины души» [Horton 2000: 113; Worsley 1999]. Признавая возможность конфликта, Такер [Tucker 2006] тем не менее утверждает, что музыка на христианских похоронах должна одновременно воздавать должное и усопшему, и скорбящим, и Церкви. Согласно Парсонсу [Parsons 2005], выбор музыкального сопровождения родственниками усопшего и священником — одна из нескольких сфер, в которых возможен конфликт в процессе похорон, в особенности если со стороны усопшего и его родственников связь с Церковью является слабой или отсутствует вовсе.

К 1990-м годам становится ясно, что музыка на похоронах в крематориях Великобритании проделала полный круг, вернувшись к аудиозаписям. В случае запроса на светскую музыку или на музыку, не подходящую для исполнения на органе, необходимые произведения часто предоставлялись на аудиокассетах или компакт-дисках, а возможность скачать необходимую музыку из интернета значительно расширила возможности выбора. К тому же можно настроить устройства так, чтобы, например, при пении гимна мелодия аккомпанемента повторялась по кругу, или указать необходимое количество куплетов для повтора. Это позволяет легко отказаться от содержания в штате крематория органиста [Carson 2008], и в некоторых крематориях такой отказ привел к многочисленным разногласиям и конфликтам [Vicars worried 2009; Computer 2010]. В любом случае, как замечает Парсонс, «... замена “живого” органиста с его гибкостью, опытом и чувством музыки, необходимыми при аккомпанировании пению гимнов <...> является мнимой экономией» [Parsons 2008: 209].

Музыка в крематории: актуальный срез

Исследование Лайсонса [Lysons 2004] и упомянутые выше опросы компании Co-Op Funeralcare, результатом которых стало формирование «хит-парадов» музыки, исполняемой в крематориях, — единственные примеры исследований музыки, исполняемой на церемониях прощания в крематориях Великобритании, которые удалось обнаружить. Предметом анализа в работе Лайсонса стала музыка, заказанная для церемоний в крематории Мерсисай-

да в течение одного месяца, а также ее связь с религиозной принадлежностью усопших. Удалось обнаружить следующее: репертуар, с которым знакомы распорядители похорон и служащие крематория, является весьма ограниченным; популярная музыка вытесняет церковную и классическую; произошел определенный сдвиг от традиционных ритуалов в сторону индивидуализированных похорон [Lysons 2004: 44–47].

В ноябре 2010 года автор настоящей статьи исследовал репертуар произведений, исполняемых на церемониях прощания в крематории Мортлейк в Западном Лондоне. В плане продолжительности и масштаба исследование схоже с работой Лайсонса. Заметим, что Лайсонс в своей работе признает, что слабыми сторонами проведенного им исследования являются краткосрочность наблюдений и тот факт, что объектом исследования стал всего один крематорий, при этом отсутствовала возможность провести сравнение с другими крематориями на более продолжительных отрезках времени. При этом сам по себе крематорий является идеальным местом для анализа похоронных музыкальных пристрастий – 73 % похорон в Великобритании осуществляются именно путем кремации.

Церемонии прощания в Мортлейк проводятся каждые полчаса, но продолжительность церемонии можно увеличить вдвое. В крематории есть одна часовня, оснащенная классическим органом, на котором посменно играют несколько органистов. Стоимость услуг органиста включена в стоимость кремации, за исключением церемоний, проводимых по сниженной стоимости в льготное время (9:00 и 9:30 утра), и тех случаев, когда от услуг органиста отказались заранее. В распоряжении служащего крематория находится звуковая аппаратура, позволяющая проигрывать кассеты и диски – как и из собственной коллекции крематория, так и предоставленные семьей. Помимо пения гимнов, есть еще четыре случая, в которых может звучать музыка: при появлении гроба в зале, в процессе его отправки в печь крематория, в завершение церемонии, а также в любой момент в ходе церемонии.

Распорядители церемонии и священнослужители обсуждают музыку с семьей усопшего, и именно распорядитель отвечает за то, чтобы известить крематорий о том, какую музыку выбрала семья, путем заполнения специальной формы, телефонного звонка или письма по электронной почте. Эта информация доносится до служащего крематория и до органиста. При этом семьи порой

передают распорядителю церемонии диски с записями непосредственно перед началом церемонии, несмотря на риск того, что самостоятельно записанный или купленный с рук диск может оказаться дефектным, и воспроизвести его будет невозможно. Организаторы порой также получают заказы на музыку непосредственно перед церемонией прощания.

В рамках исследования анализируемая музыка подразделяется на две категории: духовную и светскую. К духовной относятся гимны и произведения для органа, такие как «Иисус — всегдашняя мне радость» Иоганна Себастьяна Баха, «Радуйся, истинное Тело» Моцарта, «Ларго» Генделя и «Канон в ре-мажоре» Пахельбеля. К светской отнесена музыка, не укладывающаяся в классификацию духовной музыки.

Всего в ноябре 2010 года было проведено 208 обрядов кремации, из них в 95 случаях усопшими были мужчины. Учет всех музыкальных произведений, исполненных в ходе всех церемоний, вел служащий крематория (см. таблицы 1–7).

Таблица 1. Виды церемоний.

Полная церемония (полный похоронный обряд, включающий службу, проводимую в часовне крематория)	153 (73%)
Только кремация (в случае, если служба предварительно проводится в другом месте — в церкви или храме)	55 (27%)
Всего кремаций	208

Таблица 2. Музыка по категориям.

Только духовная музыка, по запросу семьи (гимны и музыкальное сопровождение в начале и конце церемонии и в процессе сожжения гроба)	42 (20%)
Только светская музыка, по запросу семьи (музыка светского характера, исполняемая на органе либо проигрываемая в записи, предоставленной семьей либо крематорием)	63 (30%)

Смешанный репертуар из духовной и светской музыки, по запросу семьи	37 (18%)
Отсутствие специальных запросов со стороны семьи (музыка на усмотрение служащих крематория или органиста)	66 (32%)

Таблица 3. Органный аккомпанемент при пении гимнов.

Использование органа для аккомпанирования хоровому исполнению гимнов	48 (23%)

Как видно из таблицы 1, три четверти всех церемоний были полностью проведены в часовне при крематории. Примерно в четверти случаев в крематории осуществлялась только кремация, в то время как церемония прощания проходила где-то еще, например, в церкви или храме. В число последних входят две кремации, в ходе которых отсутствовали скорбящие и церемония прощания не проводилась вообще. В 11 случаях заказывались церемонии двойной продолжительности, дававшие семьям около одного часа на прощание, при этом в одном случае имели место одновременные похороны двух усопших.

Согласно таблице 4, немногим менее половины всех усопших (49,5 %) принадлежали к Англиканской церкви, второй по численности представленных конфессий была Римско-католическая церковь. Пять церемоний по индуистскому обряду отражают культурное многообразие территории, обслуживаемой крематорием Мортлейк. Любопытно, что двое усопших были адептами религий, в которых не практикуется кремация (ислам и греческое православие). 18 церемоний проходили в рамках течения религиозного гуманизма, еще в 5 случаях церемонию вел не связанный с церковью гражданский распорядитель. При этом нельзя с уверенностью утверждать, что в этом случае церемонии вообще не содержали религиозных элементов – распорядители похорон, которых готовит Институт гражданских похорон, как правило, сочетают религиозные и нерелигиозные элементы в ходе церемонии.

Таблица 2 демонстрирует, что все без исключения церемонии сопровождалась музыкой. Даже в тех двух случаях, когда крема-

ция не сопровождалась церемонией прощания, служащий крематория все равно включал музыку в записи.

Таблица 4. Конфессиональная принадлежность усопших.

Англиканская церковь	103 (49,5%)
Римско-католическая церковь	36 (17,3%)
Не указана (семья самостоятельно проводила службу; служба не проводилась; конфессиональная принадлежность не указана в заявке на проведение церемонии)	31 (14,9%)
Религиозный гуманизм	18 (8,65%)
Церемония проводилась гражданским распорядителем	5 (2,4%)
Индуизм	4 (1,9%)
Свободные евангельские церкви (баптизм, методизм)	1 (0,48%)
Церковь Шотландии	1 (0,48%)
Армия Спасения	1 (0,48%)
Лютеранство	1 (0,48%)
Буддизм	1 (0,48%)
Ислам	1 (0,48%)
Греческое православие	1 (0,48%)

Таблица 5. Популярные гимны, исполняемые органистом или собравшимися.

Название (первая строка)	Исполнялся на органе	Исполнялся хором собравшихся
Amazing Grace — <i>О, благодать</i>	3	2
Praise my Soul the King of Heaven — <i>Славь, душа моя, Господа</i>	3	9
Abide with Me — <i>Не оставь меня, Господи</i>	1	3
The Day thou Gavest, Lord, is Ended — <i>День, данный Господом, закончен</i>	2	2
The Lord's my Shepherd (to the tune Crimond) — <i>Господь — пастырь мой</i>	1	15
Jerusalem (And did those feet) — <i>Иерусалим (На этот горный склон крутой)</i>	2	3
All Things Bright and Beautiful — <i>Все ярко и красиво</i>	2	7
The King of Love my Shepherd is — <i>Господь любви есть пастырь мой</i>	1	2
Morning has Broken — <i>Наступило утро</i>	0	7
The Old Rugged Cross — <i>Старый грубый крест</i>	2	1
Lord of the Dance (I danced in the morning) — <i>Господь танца (Я танцевал утром)</i>	1	0

Музыкальное сопровождение обеспечивалось не только органистом и музыкой в записи: в отдельных случаях привлекались также певец, трубач, виолончелистка и волынщик. В некоторых случаях в ходе церемонии проигрывалась музыка с iPod.

Таблица 6. Наиболее популярная музыка для органа (сыгранная вживую либо в записи).

My Way	13
Always Look on the Bright Side of Life	2
Ave Maria (на музыку Шуберта или Баха/Гуно)	4
Somewhere Over the Rainbow	5
You'll Never Walk Alone	1
Pie Jesu (из Реквиема Ллойд-Уэббера либо Фаро)	4

Таблица 7. Похороны усопших, принадлежащих к Англиканской церкви, и выбор музыкального сопровождения.

Только духовная музыка	58
Только светская музыка	16
Сочетание духовной и светской музыки	29
Всего похорон прихожан Англиканской церкви	103

Согласно таблице 2, в 68 % случаев исполняемую в ходе церемонии музыку определяли семьи усопших. Неизвестно, в какой степени выбор делался под влиянием распорядителей похорон и/или священнослужителей. В случае, если со стороны родственников не поступало никаких запросов, служащий крематория проигрывал компакт-диски из коллекции крематория, либо органист исполнял уместную, с его точки зрения, музыку (согласно собранной информации – в основном духовного характера).

Для церемоний, музыкальное сопровождением которых определялось запросом со стороны семьи, в 29,5 % случаев (42 церемонии из 142) запрос был исключительно на духовную музыку; в 44 %

случаев (63 церемонии из 142), напротив, исполнялась лишь музыка светского характера. С учетом того, что в ходе еще 37 церемоний из 143 имело место сочетание духовной и светской музыки, итого 70 % церемоний так или иначе сопровождались светской музыкой.

В таблице 6 отражены наиболее популярные произведения во главе с песней «My Way», в ряде случаев также заказывалась духовная композиция «Ave Maria». Есть значительное число примеров, как специфические запросы на музыку были обусловлены интересами усопшего или связанными с ним ассоциациями: в частности, заказывались полковой марш и флотский марш «A Life on an Ocean Wave»; музыка телевидения и кино (например, музыка из заставки футбольной телепередачи BBC «Матч дня», фильмов «Супермен» и «Волшебник страны Оз»), или отражающие печальный повод композиции «Time to Say Goodbye», «You are Always in my Heart» and «I See You in my Dreams». Среди других примеров – песни «Forever Young», «Unchained Melody», «What a Wonderful World» и китайская песня «Мелодия черного бамбука».

Результаты исследования также показывают популярность гимнов, традиционно исполняемых хором церковной общины. Как видно из таблицы 3, почти четверть (24 %) всех церемоний включала хоровое исполнение гимнов под аккомпанемент органа. В таблице 5 показано, что наиболее популярным гимном является «Господь – пастырь мой» – стихотворное переложение псалма 22 на кримондскую мелодию. Мелодии гимнов также исполнялись в начале и в конце церемонии: продолжительность гимнов делает их идеальным сопровождением собственно процедуры кремации. В ходе нескольких церемоний исполнялись рождественские песни – в одном случае хором, в остальных на органе. Видимо, это было связано с приближающимся Рождеством.

Церемонии, сопровождавшиеся англиканской службой, составили чуть менее половины от общего числа; из таблицы 7 видно, что более половины (57 %) из них сопровождались исключительно духовной музыкой. Оставшиеся 43,6 % церемоний сопровождались либо комбинацией духовной и светской музыки, либо исключительно светской музыкой. Примером такой комбинации может служить исполнение фанатской песни футбольного клуба «Челси» «Blue is the color», за которой следовал церковный гимн «Не оставь меня, Господи» – оба произведения регулярно поют на футбольных трибунах. Последний показатель (комбинация духовной/свет-

ской, либо только светская) не сильно отличается от аналогичного для всех церемоний вместе, указанного в таблице 2 (48 %).

Результаты исследования, проведенного в крематории Мортлейк, в общем и целом подтверждают тренды, выявленные в ходе других исследований, упомянутых в данной статье. Как и в исследовании *Funeralcare*, гимн «Господь – пастырь мой» и песня «My Way» оказались наиболее востребованными произведениями соответственно духовной и светской музыки. Более того, согласно результатам исследования *Funeralcare*, около половины всего репертуара крематориев относится к светской музыке; эта цифра подтверждается данными по крематорию Мортлейк, согласно которым 48 % церемоний сопровождались светской музыкой – в сочетании с духовной или без такового. Проводя анализ заказов на музыку, Лайсонс [Lysons 2004: 45] использует несколько отличную классификацию: он подразделяет исполняемую музыку на духовную, классическую и популярную, выделяя также отдельную, четвертую категорию «разное». Если рассматривать категорию духовной музыки, противопоставляя ее трем остальным, то исследование Лайсона также показывает преобладание нерелигиозной музыки. Добавим, что в исследовании Лайсона 33 % семей не высказывали никаких специальных пожеланий в отношении музыкального сопровождения (в случае крематория Мортлейк этот показатель составляет близкие 31 %). Из очевидных наблюдений – оба исследования фиксируют высокую степень озабоченности скорбящих подбором музыки.

Что касается исполняемых хором христианских гимнов, те из них, которые исполнялись в Мортлейке, соответствуют критериям, выделенным Лайсонсом [Lysons 1996]. Он полагал, что при выборе гимна должны приниматься во внимание четыре фактора: прижизненные пожелания усопшего или родственников, способность присутствующих исполнить данный гимн, его уместность и эмоциональная сила. Два наиболее востребованных гимна в Мортлейке – «Господь – пастырь мой» и «Славь, душа моя, Господа» – соответствуют этим критериям.

Напоследок хочется прокомментировать долю англиканских служб, в ходе которых звучит светская музыка. В то время как, с одной стороны, этот показатель демонстрирует желание духовенства охватить музыку, являющуюся частью поп-культуры, и избежать обвинений в отсутствии чуткости, с другой можно

предположить, что все более частое исполнение светской музыки на церемониях бракосочетания делает затруднительным запрет на схожие запросы, относящиеся к похоронам. Помимо этого, даже если часть представителей духовенства выступает против исполнения светской музыки в ходе службы, проводимой в церкви, часовни при крематориях находятся вне их юрисдикции [Jupp 1997: 10]. Можно предположить, что управляющие в крематориях активно привлекают на свою сторону именно тех священников, которые готовы без лишних вопросов и возражений принимать необычные музыкальные запросы. Эта гипотеза, однако, требует дальнейшей проверки. Как уже говорилось, в ходе исследования не было возможности установить степень влияния, которое оказывают священники на выбор музыки – этот вопрос остался за рамками данного исследования. Согласно устным свидетельствам служащих крематория, музыкальные предпочтения озвучиваются заказчиком распорядителю похорон, а тот, в свою очередь, сообщает их священнику. Из имеющихся данных легко заметить, что в значительном числе случаев записи нерелигиозных композиций воспроизводились в начале и конце церемонии. С учетом этого факта можно сказать, что они находились за пределами собственно службы.

В последние годы исполнение музыки на похоронах претерпело значительные изменения. Анализ современной похоронной обрядности в Англии показывает, что музыка, исполняемая в ходе соответствующих церемоний, все чаще и чаще представляет собой смесь духовной и светской музыки. К подобному положению вещей привело действие ряда факторов: во-первых, перемещение церемонии прощания в пространство крематория, во многом светское; во-вторых, развитие техники, позволяющей использовать в ходе церемонии музыку, значимую для усопшего и семьи; в-третьих, гибкость, которую проявляют священники в отношении музыки, подобранной скорбящими. Широкий спектр музыкальных запросов указывает на желание скорбящих выстроить эмоциональную связь с покойным путем исполнения знакомой музыки. Таким образом, музыкальное сопровождение похорон обладает большим значением вне зависимости от того, участвуют присутствующие в исполнении музыки или же являются пассивными слушателями. Подбор музыки, согласно собранной информации, является предметом тщательного обдумывания.

Хотя проведение подобного исследования в масштабах всей страны позволило бы выявить региональные, конфессиональные, классовые и культурные различия, данные, полученные нами, уже демонстрируют рост включенности светской музыки в похоронную обрядность, позволяя ожидать дальнейшего расширения репертуара и музыкального разнообразия.

Благодарности

Наташа Брэдшоу и Билл Эрбери, крематорий Мортлейк; Доун Сквайрс и Ричард Пиллинер, крематорий Элтхэма; Джо Уиздом, собор Св. Павла; д-р Филип Смит, преп. Энтони Кэлдикотт и преп. д-р Питер Юпп.

Литература

- Advertisement 1956 — Pharos, 5 (1), 1956, p. 30.
- Baumgartner 1992 — Baumgartner, H. Remembrances of the past: Music, autobiography, memory and emotion. *Advances in Consumer Research*, 19, 1992, pp. 613–620.
- Blackett 2008 — Blackett, A. M. Living in hope: Funeral liturgy in the parish. *Music & Liturgy*, 34 (2), 2008, pp. 10–13.
- Buchan 2004 — Buchan, J. M. An organist's day. *Journal of the British Institute of Funeral Directors*, 18 (3), 2004, p. 20.
- Caldicott 2006 — Caldicott, A. Music at funerals. *Funeral Service Journal*, 121 (2), 2006, pp. 106–108.
- Carson 2008 — Carson, I. Curtains for the crematorium organist? *Journal of the Institute of Cemetery and Crematorium Management*, 76 (1), 2008, pp. 48–49.
- Carter 1978 — Carter, H. D. E. Music for cremation services. Paper presented at the International Cremation Federation, Rotterdam (1978, June).
- Charter for the bereaved 1996 — Charter for the bereaved. (London: Institute of Burial and Cremation Administration, 1996).
- Computer 2010 — Computer to replace organists. *Western Daily Press*. 2010, December 23.
- Cowling 2010 — Cowling, C. *The good funeral guide*. (London: Continuum, 2010.)

Cremation Notes 1926 — Cremation Notes. The Undertakers' Journal, 41 (3), 1926, p. 90.

Current notes 1937 — Current notes on planning crematoria, No. IV By O&OE. The Architect and Building News, 53 (1937, October 8).

Davies 1994 — Davies, D. British crematoria in public profile. (Maidstone: The Cremation Society of Great Britain, 1994).

Denyer 1997 — Denyer, P. Singing the Lord's song in a strange land./Jupp P.C. & Rogers T. (Eds.). Interpreting death: Christian theology and pastoral practice. (London: Cassell, 1997). Pp. 197–214.

Film music 2002 — Film music topping the funeral charts. Funeral Service Journal, 117 (10), 2002, pp. 46–47.

Freedom of choice 1984 — Freedom of choice in funeral music. Funeral Service Journal, 99 (3), 1984, p. 112.

Funeral music 1933 — Funeral music. The Undertakers' Journal, 48 (3), 1933, p. 97.

Funerals 1921 — Funerals: Miss Mary Mcarthur. The Times, 1921, January 5, p. 13.

Funerals 1960 — Funerals: Mr H Pollitt. The Times, 1960, July 11, p. 12.

Gammon 1988 — Gammon, V. Singing and popular funeral practices in the eighteenth and nineteenth centuries. Folk Music Journal, 5 (4), 1988, pp. 412–417.

Garrett 1967 — Garrett, H.G. Music makes in chapels/Record of the Joint Conference of Burial and Cremation Authorities. (Carshalton: The Federation of Burial and Cremation Authorities. 1967). Pp. 26–33.

Gibson 1964 — Gibson, A. J. Music for cremation services/Cremation Society Conference Report. (London: Cremation Society of Great Britain, 1964).

Horton 2000 — Horton, R.A. Using common worship: Funerals. (London: Church House Publishing, 2000).

Jones 1945 — Jones, P.H. Cremation in Great Britain. (London: The Pharos Press, 1945).

Jones & Noble 1931 — Jones, P.H., & Noble, G.A. Cremation in Great Britain. (London: The Cremation Society, 1931).

Jupp 1997 — Jupp, P.C. The context of funeral ministry today/P.C. Jupp & T. Rogers (Eds.). Interpreting death: Christian theology and pastoral practice. (London: Cassell, 1997). Pp. 3–16.

Long 2009 — Long, T.G. Accompany them with singing: The Christian funeral. (Louisville, KY: John Knox Press, 2009).

Lysons 1996 — Lysons, K. More on hymns for the funeral. Funeral Service Journal, 111 (7), 1996, pp. 68–70.

Lysons 2004 — Lysons, K. Issue of music at crematoria. Pharos International,

70 (1), 2004, pp. 44–46.

Makepeace 1990 — Makepeace, C.E. Manchester crematorium 1890–1990. (Manchester: Manchester Crematorium, 1990).

Krassin 1926 — M. Krassin cremated. *The Undertakers' Journal*, 41 (12), 1926, p. 402.

Maughan & Mander 1968 — Maughan, G.W., & Mander, N.P. Electronic and pipe organs/Cremation Society Conference Report. (London: Cremation Society of Great Britain, 1968). Pp. 43–49.

Morrell & Smith 2006 — Morrell, J., & Smith, S. We need to talk about the funeral. (Totnes: Alphabet & Image, 2006.)

Morris Dance 1984 — Morris Dance Banned In Crematorium. *The Daily Telegraph*. 1984, January 7.

Music in chapels 1934 — Music in cemetery chapels. *The Undertakers' Journal*, 44 (3), 1934, p. 96.

Music in the funeral service 1941 — Music in the funeral service. *The National Funeral Director*, 20 (10), 1941, pp. 122–123.

My way 2002 — 'My way' tops the charts — at non-religious funerals. *Funeral Service Journal*, 117 (4), 2002, pp. 26–27.

NAFD 2007 — National association of funeral directors. Music at funerals. In *The manual of funeral directing* (chapter 15). (Solihull: National Association of Funeral Directors, 2007.)

Naylor 1991 — Naylor, M. Crossed wires, frustrations and conflicts in crematoria funerals/The role of a minister at a funeral: Report of the Day Conference. (London: Churches' Funerals Group, 1991). Pp. 4–15.

Page 1986 — Page, M. Grave misgivings. *Religion Today*, 3, 1986, pp. 7–9.

Parsons 2003 — Parsons, B. Conflict in the context of care: An examination of role conflict between the bereaved and the funeral directors in the UK. *Mortality*, 8, 2003, pp. 67–87.

Parsons 2005 — Parsons, B. Committed to the cleansing flame: The development of cremation in nineteenth century England. (Reading: Spirebooks, 2005).

Parsons 2007 — Parsons, B. Refurbishment of the organ at Mortlake crematorium. *Funeral Service Journal*, 122 (12), 2007, pp. 114–119.

Parsons 2008 — Parsons, B. Music at funerals: The challenge of keeping in tune with the needs of the bereaved/Jupp P.C. (Ed.). *Death our future: Christian theology and funeral practice*. (Peterborough: Epworth, 2008.)

Recorded music 1937 — Recorded music suitable for the cemetery chapel. *The Journal of the National Association of Cemetery and Crematorium Superintendants*, 3 (2) (1937), pp. 21–22.

Society 2009 — Society makes its mark on final farewells. *Funeral Service*

Journal, 124 (6), 2009, pp. 48–50.

Tears 2007 — Tears, trains and telly ...Playing at a funeral near you. Funeral Service Journal, 121 (1), 2007, p. 18.

The changing face 2011 — The Changing Face Of British Funerals. Co-operative News. 2011, February 1.

The Co-operative Funeralcare 2011 — The co-operative funeralcare. The ways we say goodbye. (Manchester: The Co-operative Funeralcare, 2011.)

The dead citizens 1998 — The dead citizens charter: the complete edition. (Bristol: The National Funerals College, 1998).

The story of music 1943 — The story of music and the funeral service. The National Funeral Director, 22 (7), 1943, pp. 260–262.

The top ten 1979 — The top ten in music for funerals. Funeral Service Journal, 94 (7), 1979, p. 285.

Crematoria 1956 — Three New Crematoria Opened: Bedford The 82 nd. Pharos, 21 (1), 1956, p. 7.

Towler 1995 — Towler, B. Hymns for the funeral. Funeral Service Journal, 110 (10), 1995, pp. 56–59.

Tucker 2006 — Tucker, K.B.W. Music for Christian funerals: Theological and pastoral reflections. Liturgy, 21 (1), 2006, pp. 55–62.

Vicars worried 2009 — Vicars Worried That 'Karaoke' Takes Over. Witney Gazette. 2009, May 27.

Walker 2009 — Walker, T. Stairways to heaven: these funerals really rock. The Independent. 2009, October 21. Retrieved from <http://www.independent.co.uk/news/people/hit-and-run/hit-run-when-divasjoin-forces-1806157.html>

Walter 1990 — Walter, T. Funerals and how to improve them. (London: Hodder & Stoughton, 1990.)

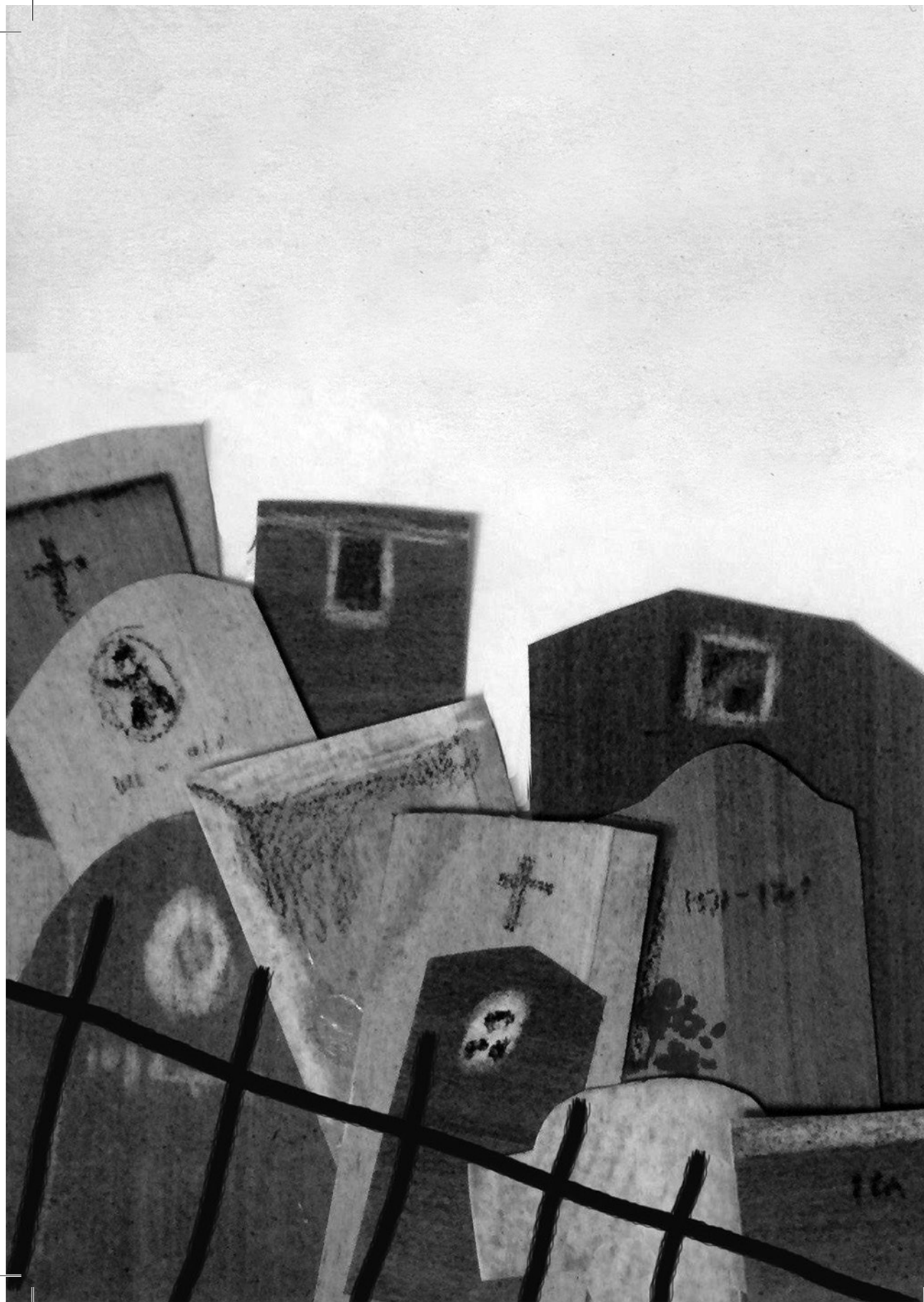
Walter 1994 — Walter, T. The revival of death. (London: Routledge, 1994.)

Whittle 1948 — Whittle, J.K.R. Recorded music in the crematorium/Cremation Society Conference Report. (London: The Cremation Society of Great Britain, 1948.)

Willson 2006 — Whittle, J.K.R. Funerals without God: A practical guide to non-religious funeral ceremonies. (London: British Humanist Association, 2006.)

Wilson 2009 — Wilson, A.N. Tina Turner and a 'me' generation that no longer knows how to cope with death. The Daily Mail. 2009, October 21. Retrieved from <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1221815/A-N-WILSON-Tina-Turner-generation-longer-knows-cope-death.html>

Worsley 1999 — Worsley, C. From death to life: Pastoral integrity and funerals. Theology, 103 (807), 1999, pp. 202–209.

Питер Джапп

Обзор Анны Мезенцевой

От пыли до праха. Кремация¹ и британский образ смерти

¹ Peter C. Jupp, *From Dust to Ashes, Cremation and the British Way of Death*,
Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hampshire, 2005, 232 pp.

В контексте death studies Великобритания представляет особый интерес, поскольку это первая европейская страна, в которой стали популяризировать кремацию. С момента проведения первой в новейшей истории кремации в 1874 году доля похорон, проведённых при помощи сожжения останков, увеличилась в этой стране до 71 %. Иными словами, сейчас 7 из 10 умерших в Великобритании кремируются.

Причины становления кремации в качестве доминирующей формы захоронения кроются в истории Соединенного Королевства и подробно разбираются в книге Питера Джаппа «От пыли до праха. Кремация и британский образ смерти». Сразу оговоримся, что Шотландия и Северная Ирландия находятся вне пределов интереса автора, чье внимание сфокусировано на истории Англии и Лондона, особенности развития которого зачастую играли роль триггера похоронных реформ.

Итак, каковы основные вехи развития кремации в Англии, которые выделяет Джапп?

I этап. Потеря монополии на захоронения: 1820–1852 год

Основой для похоронной реформы Англии стали последствия одного из самых значительных примеров вмешательства государства в вопросы смерти, курируемые до тех пор Англиканской Церковью — Реформация.

Во-первых, отказ от доктрины чистилища привёл к «ритуальному разрыву»: живые уже не могли совершать заступнические песнопения, читать молитвы и жертвовать деньги на благотворительность ради спасения душ усопших.

Во-вторых, при смене религиозных символов на светские, траурные церемонии все больше становились отображением социального статуса умершего. Похороны становились все более «индивидуальными». Так, люди, обладающие достаточным богатством и влиянием, могли быть погребены не на церковном дворе, а в самой церкви. «Трансформация церковных зданий в дома-гробы — это плохой и непочтительный прецедент, отрицательно влияющий на здоровье живых прихожан» [Curl 1993]. Сословное расслоение противоречило христианской идее о равенстве всех людей перед смертью. Вестминстерское аббатство стало настолько насыщено

вождями и воинами XVIII века, что хоронить героев наполеоновских войн пришлось уже при соборе Святого Павла.

В-третьих, индивидуализация похорон привела к снижению спроса на фамильные склепы. Представители среднего класса, у которых не было достаточно средств для приобретения места в здании церкви, приобретали освящённую землю на её территории. «Некоторые церковные дворы были настолько переполнены телами, что уровень почвы на церковном дворе начал подниматься над улицами»¹. Проблема ограниченности земельного ресурса, предназначенного для захоронений, была вовсе не новой для Англии XVIII века, однако в следующем веке в связи с резким ростом городского населения кризис лишь обострился.

Реформация не оспаривала роль духовенства при проведении похорон: именно Церковь осуществляла опеку над телами умерших «до Божьего действия в день Воскресения» [Anon 1864]. Священнослужитель встречал тело у ворот, чтобы провести его по освящённой земле, а затем похоронить в ней в надежде и уверенности на воскрешение.

Тем не менее, доходы церкви существенно снизились в связи с утратой доходов от таких услуг как молитвы за умерших, а также утратой имущества в ходе Реформации. В результате к 1800 году основным источником доходов духовенства во многих лондонских приходах (87 в городской местности) была плата за погребение. Обыкновенные похороны включали в себя оплату услуг священника, в том числе за разрешение хоронить на церковном дворе, секретаря и приходского дьячка.

Усугубляющийся кризис, связанный с недостатком земли, предназначенной для погребения, ставший особенно болезненным для представителей беднейших слоёв населения, стал поводом для проведения похоронной реформы. Инициативу взял на себя бизнес. В 1830 году Джордж Фредерик Карден основал похоронную компанию The General Cemetery Company, существующую по сей день, которая в 1831 году приобрела пятьдесят четыре акра в районе Кенсал-Грин. Эта территория стала первым из восьми частных кладбищ, созданных в Лондоне в период между 1832 и 1842 годом. Кладбище было финансово эффективным и сочетало в себе как захоронения королевских особ, так и могилы

1 ??

бедняков без опознавательных знаков. Под них администрацией кладбища был выделен небольшой участок земли, на котором осуществлялись массовые захоронения до 30 тел в одну могилу. Интересы Церкви были защищены путём принятия закона в июле 1832 года об оплате сборов не только представителям духовенства, осуществляющим ритуал погребения, но и представителям приходов, из которых «пришли» трупы [Meller 1994].

В 1847 году было принято Положение о кладбищах, стимулирующее увеличение числа коммерческих кладбищ. Меры, прописанные в Положении, включали вопросы, связанные с приобретением освящённой земли, выплатами компенсаций приходам и проч. Однако положение не решало один из ключевых вопросов – массовое захоронение представителей рабочего класса. Возвращение холеры в 1848 году вынудило правительство пересмотреть ранее принятые решения.

В августе того же года был принят первый Закон о здравоохранении, закрепивший понятие «общественное кладбище». Закон отменил погребение в стенах церквей и часовен. Последующая серия погребальных актов 1852–1857 годов стала результатом компромисса между различными группами интересов – государства, общества и церкви.

Возникла юридическая база для создания общенациональной системы общественных кладбищ, расположенных за пределами города. Эта система была полностью децентрализована, управление осуществляли так называемые «Советы по захоронению». С появлением общественных кладбищ, спрос на частные коммерческие кладбища существенно снизился, и после 1850 года они практически не создавались.

Итоги этого периода Питер Джапп видит в следующем:

1. Продолжалась секуляризация общества, стимулируемая резким ростом городского населения. Церковь была практически исключена из процессов, связанных с умиранием и последующим погребением человека. Церковный двор больше не был единственным местом, пригодным для совершения похорон. Функцию традиционного места погребения он мог выполнять преимущественно в сельской местности в условиях оттока местных жителей в город.
2. Передача управления на муниципальный уровень и ограничение роли центрального правительства в вопросах погребения

на общественных кладбищах привели к неэффективному использованию ограниченного земельного ресурса и частым нарушениям похоронного законодательства на местном уровне.

3. Ответственность за погребение тела перешла от церкви к местным властям, которые были в большей степени ориентированы на максимизацию прибыли и проявления оппортунистического поведения во время оказания услуг по погребению (к примеру, массовое захоронение в одну могилу).

II этап. Легализация кремации (1852–1884)

В 1873 итальянский учёный Бруно Брунетти разработал первую в мире кремационную печь, которая была продемонстрирована на Международной выставке в Вене. В следующем году сэр Генри Томпсон, личный врач королевы Виктории, после ряда экспериментов над трупами животных основал Английское Общество Кремации (далее – Общество), призванное «найти такой способ захоронения мёртвых, который быстро разложит тело на его химические составляющие, и при этом не оскорбит чувства живых. До тех пор, пока не будет разработан новый метод, мы хотим использовать то, что обычно называют кремацией» (Протокол Совета общества кремации, 13 января 1874 года). Общество Томпсона с самого начала понимало, что поддержку нужно искать не у частного сектора, а у тех самых муниципальных «Советов по погребению» (далее – Советов), которым кремация принесёт практические и экономические выгоды.

Необходимо понимать, что Томпсон не стремился к расшатыванию религиозных доктрин, но апеллировал к медицинской, гигиенической и финансовой аргументации. Тем не менее, деятельность Совета сразу же вызвала активное противостояние со стороны Церкви, представителей похоронного бизнеса, а также общества. Самым известным антагонистом кремации в Великобритании стал епископ Линкольн Христофор Вордсворт, связывающий судьбу христиан после смерти со способом и местом захоронения тела, поскольку, по его словам, «Иисус, как Бог и человек, освятил не только человеческое тело, но и человеческую могилу». Кремация, таким образом, стала бы возвратом к языческим ритуалам Римской империи. Кроме того кремация, в отличие от по-

гребения, несла бы в себе исключительно утилитарную функцию, что способствовало бы секуляризации смерти и, как следствие, разрыву связи между Божьей карой и смертью.

Тем временем Общество кремации и его сторонники были заняты решением правовых и хозяйственных проблем. Первые сводились к тому, что в Англии не существовало нормативно-правового акта, который бы а) запрещал кремацию б) требовал обязательного захоронения тела после смерти. Результаты юридических консультаций были, как правило, положительными, но неформальными, так как тема кремации затрагивала слишком чувствительную для общества тему.

К 1857 году был выбран земельный участок на территории Великого Северного кладбища в Нью-Саутгейте, на котором должен был располагаться первый крематорий Англии. Сама инфраструктура крематория в Нью-Саутгейт как бы минимизировала все отличия между процедурой погребения и процедурой кремации: предполагалось, что погребение урны с прахом в освящённой земле должно происходить за часовней после церемонии отпевания.

Деликатный подход Общества к христианской традиции имел и чисто административную подоплеку, ведь для строительства крематория ему было необходимо получить одобрение от курирующего кладбище епископа. Если бы епископ согласился, то первый британский крематорий стал бы важным прецедентом, объединив утилитарную идею кремации с христианской доктриной, считает Питер Джапп. Ведь возможность погребения праха в освящённом грунте рядом с часовней позволила бы избежать иного развития событий – строительства колумбариев, рассеяния пепла и хранения урн в домах. Таким образом, кремация не стала бы в общественном сознании «атеистической» альтернативой погребению, а стала бы просто разновидностью похорон. Однако прошение было отклонено.

По этой причине первый крематорий Великобритании был открыт не в Нью-Сайтгейте, а в Уокинге, расположенном в 40 км от Лондона, в сотрудничестве с компанией «Лондонский некрополь» (London Necropolis Company). Взаимодействие партнёров осложнялось протестами местных жителей. Их недовольство сводилось к четырем вопросам: законность кремации, законность размещения крематориев, причинение морального ущерба част-

ным лицам и соответствие кремации общепризнанным христианским обрядам и нормам.

Со временем стало ясно, что без правовых гарантий — закона, который бы разрешал кремацию и гарантировал свободу от преследования в случае её осуществления — продвижение кремации в Великобритании невозможно. Для стимулирования законотворческого процесса новый президент Общества доктор Чарльз Кэмерон разработал с коллегами долгосрочную программу, пропагандирующую кремацию среди политиков, юристов, врачей, духовенства и представителей похоронного бизнеса. Акцент был сделан на двух группах — профессиональных ассоциациях и парламентариях.

В 1880 году в Англии к власти пришло либеральное правительство, в чьи предвыборные обещания входило проведение похоронной реформы; в частности — внесении поправок в законы о захоронениях, позволяющих проводить похороны в англиканских церквях без обязательного соблюдения англиканских обрядов, а также совершать погребение без проведения каких-либо религиозных служб. 24 декабря 1880 года Общество направило письмо министру внутренних дел Вернону Харкорту с просьбой пересмотреть официальную позицию в вопросах кремации.

Поворотным моментом в истории распространения кремации в Англии стало дело Прайса — 83-летнего врача и валлийского радикального националиста. После кремации тела своего пятимесячного сына в 1884 году Прайс был арестован и подвергнут судебному преследованию за кремацию и за препятствие расследованию смерти ребёнка. Прайс отказался от адвоката и самостоятельно выстроил линию защиты на отсутствии каких-либо законодательных актов и судебных прецедентов, запрещающих кремацию в Великобритании. Позже врач был оправдан, что официально сделало кремацию если не законодательно закреплённой, то допустимой в случае, если «не нарушается общественный порядок».

Дело Прайса стало причиной возникновения юридического прецедента, ослабляющего позицию церкви. Общество кремации теперь могло быть гораздо смелее в продвижении крематориев, а местные власти смогли использовать кремацию в качестве инструмента решения кризиса, унаследованного от церкви после проведения похоронной реформы.

III этап. Ранние годы кремации (1884–1914 год)

Уже через две недели после вынесения Прайсу приговора в Уокинге началась подготовка к проведению первой легальной кремации в новейшей истории, которая состоялась 30 марта 1885 года. Сожжение тела госпожи Жанет Пикерсгилл — члена Общества кремации — заняло полтора часа, а после помещено в хранилище на кладбище Кенсал-Грин.

Со временем процесс кремации совершенствовался. Во-первых, в крематорий были установлены специализированные экраны, предназначенные для защиты печи от неблагоприятных погодных условий и любопытства зевак. Во-вторых, была заведена книга, в которой вёлся учёт деятельности крематория — в ней указывалось не только имя умершего, но и имя его врача, продолжительность горения и т. д. В-третьих, была построена часовня, в которой проводились религиозные обряды, предшествующие сожжению тела. В-четвертых, с 1890 года по решению Викария Уокинга стало возможным хоронить пепел на выделенной освящённой земле крематория.

Однако, несмотря на увеличение числа кремаций (от 3 в 1885 году до 150 в 1895 году), этого было недостаточно для поддержания экономической эффективности крематория — стоимость сожжения была практически равна стоимости захоронения, что снижало интерес к кремации среди консервативно настроенных групп граждан. По этой причине первое поколение крематориев в Великобритании строилось и эксплуатировалось за счёт частных пожертвований и энтузиазма представителей Общества.

Участникам Общества приходилось вести непрерывную агитационную работу, выступая своеобразными промоутерами кремации на медицинских конференциях и общественных собраниях. Их оппоненты также вели активную деятельность, собирая различные церковные конгрессы, взаимодействуя с прессой и правительством. В результате похоронная реформа стала объектом широкого общественного интереса, что привело к принятию Закона о похоронах 1900 года и Закона о кремации 1902 года. Был создан ряд профессиональных похоронных ассоциаций, в частности «Ассоциация владельцев похоронных бюро», «Национальная ассоциация директоров кладбищ и крематориев». Наконец, в 1888 году было сформировано Манчестерское общество кремации.

Последнее ставило перед собой две задачи – строительство крематория и повышение популярности оказываемых в нем услуг. Крематорий был построен рядом с Южным кладбищем в 1902 году: строительство здания и часовни в романском стиле заняло два года. Стоимость услуг для представителей среднего класса, которые все чаще отказывались от пышных похорон и сопряжённых расходов, связанных с содержанием могилы, поддерживалась на сравнительно низком уровне с целью увеличения спроса.

Реформа 80-х годов XIX века по увеличению полномочий органов местного самоуправления также внесла свой вклад в распространение кремации на территории Англии. Эти полномочия касались, в частности, вопросов здравоохранения и санитарных условий. Городское население продолжало увеличиваться, кладбища быстро заполнялись; содержание кладбищенской территории также требовало дополнительного финансирования. В условиях усугубляющегося кризиса самым экономически эффективным способом была кремация, однако её использование не было возможным без изменения законодательства и локальных нормативно-правовых актов. К примеру, местные власти ведали вопросами погребения, а кремация в эту категорию не входила, так как труп не закапывали в землю, а сжигали.

Однако ни один город так не страдал от проблем дефицита кладбищенских участков, как Лондон с его кладбищами, зажатými плотной городской застройкой, не оставлявшей никаких шансов на расширение их территории. Поэтому толчком для законодательной инициативы стала деятельность именно Окружного совета Лондона, в 1899 году разработавшего первый законопроект о кремации.

Закон о кремации был принят с третьей попытки в 1902 году после продолжительных общественных дебатов и затрагивал такие ключевые вопросы, как:

- строительство крематориев;
- юридическое закрепление специальных терминов (например, крематорий, кремация или «похоронная Служба»);
- расширение полномочий муниципальных властей по строительству и содержанию крематориев;
- оплату услуг кремации;
- правила эксплуатации крематориев, включая техническое обслуживание, работу контрольных и надзорных органов, механизмы утилизации пепла и т. д.

Принятие Закона о кремации не вызвало жёсткого сопротивления церкви. Во-первых, благодаря делу Прайса, кремация уже 20 лет как не была вне закона. Во-вторых, кремация не навязывалась представителям религиозных общин, но трактовалась и воспринималась как разумное «светское» решение кладбищенского кризиса.

В том же году в Лондоне началось строительство крематория Гордерс Грин, давшего новый толчок развитию кремации в Великобритании, и не в последнюю очередь благодаря уникальному архитектурному проекту, разработанному известным в то время архитектором Эрнестом Джорджем. Крематорий был не «пристройкой» к уже существующему кладбищу, а самостоятельным сооружением с собственной инфраструктурой, функции и инженерные особенности которого определяли дизайн объекта. В основе последнего лежала идея «кладбища-сада», в котором будут захоронены урны. В этом саду нет ни плит, ни надгробных камней, только памятные таблички. На первый план выходили идеи перерождения и единения с природой, поэтому особое внимание уделялось ландшафтному дизайну.

IV этап. Развитие кремации (1914–1939 год)

Первая Мировая война повлияла на многие сферы жизни, включая похороны, вопросы восприятия и переживания смерти, скорби, траура и меморализации, отмечает Джапп. Превращение смерти в рядовое рутинное событие, по его мнению, обусловило следующие изменения в жизни общества:

- Сопряженная с огромным числом человеческих жертв трагедия Первой мировой войны форсировала секуляризацию общества и дальнейшую дискредитацию традиционных христианских представлений о Воскрешении. В условиях военных действий смерть могла наступить неожиданно и при любых обстоятельствах: бессмертие тела теряло в важности перед бессмертием души, которое вряд ли могло быть скомпрометировано способом захоронения;
- Произошло возрождение интереса к спиритизму. Вера в возможность установления контакта с умершими, обретавшими новую жизнь после смерти, помогало простым людям переос-

мыслить и постичь массовые потери войны;

- В условиях военного времени идея следующего после смерти частного божьего суда потеряла свою актуальность. Духовенство придерживалось мнения, что солдаты, умершие в борьбе за благое дело, отправлялись прямо на Небеса, минуя Божий суд. Вместе с тем война способствовала распространению практики молитвы за умерших, что соответствовало скорее католической, а не протестантской традиции;
- Произошла приватизация общественных форм траура и горя. Семья перестала быть свидетелем приближающейся смерти, поскольку она наступала на фронте. Люди переживали гибель своих родных дистанционно, не видя гроба, трупа, не проводя похорон;
- Произошло изменение отношения к смерти и гибели людей через траурные практики. Траур, перестав быть экстраординарным, но одобряемым событием, приобретал, напротив, негативную окраску. К примеру, считалось, что траурная одежда плохо влияет на моральный дух солдат. Женщины – «основные носители ритуала траура» [Guthke 1999] – должны были помогать фронту в тылу, у них уже не было времени на традиционное траурное уединение. Огромное число молодых вдов, желавших вступить в брак повторно, отказывались от пожизненного траура;
- Меморализация также подверглась переосмыслению, что наиболее отчётливо видно из деятельности комиссии по военным захоронениям. Стал производиться учёт армейских могил, а также централизация ухода за ними. При этом не делалось различия между могилами представителей разных социальных слоёв и званий. Также не имело значения, был ли опознан солдат после смерти или нет. После 1918 года военные кладбища поддерживались на таком высоком уровне, с которым не могли конкурировать местные похоронные службы.

Между тем кладбища во время и после Первой мировой войны страдали от последствий инфляции, от общей разочарованности в религии и дальнейшей секуляризации общества. В свою очередь, экономические преимущества кремации становились все более очевидными для местных властей, стремящихся минимизировать расходы, но это противоречило интересам похоронных контор и предпринимателей, оказывающих ритуальные услуги.

Как бы то ни было, в 1926 году местные власти потеряли в среднем 18 шиллингов и 9 пенсов (94 пенсов) на каждом погребении. В результате все больше Советов стали рассматривать кремацию как положительную альтернативу погребению. Общество кремации, в свою очередь, охотно консультировало их.

Наконец, Церковь также решила пойти навстречу желанию тех прихожан, которые выбирали кремацию. Согласившись на проведение кремационных похорон, духовенство использовало «классическую» похоронную службу, в которой прах заменял собой тело, погребаемое в освящённую землю. Уже в 1920-е годы некоторые епископы завещали себя кремировать, признавая достоинства кремации перед традиционным погребением.

С 1935 по 1939 год количество крематориев в Англии выросло с 35 до 54. Восемь из них располагались в Лондоне. Динамика спроса на кремацию была положительной, однако оставалась сравнительно низкой в сравнении с числом проведённых похорон — 3,5 %.

Чтобы увеличить спрос на кремацию Обществом было принято решение о смещении акцента пропагандистской работы с представителей муниципалитетов на две ключевые группы, выступавшие в то время против кремации — предпринимателей и начальников кладбищ. С этой целью проводились совместные конференции, на которых рассматривались вопросы, связанные с финансированием кладбищ, статусом его работников, способами наилучшей утилизации кремированных останков, организацией мемориальных сооружений представителей различных социальных групп в контексте единого облика кладбища, последствиями проводимых захоронений для здоровья населения, сравнением финансовых и эстетических сторон преимуществ погребения и кремации и т. п.

Итогом этих конференций стало создание Национального совета по утилизации мёртвых (The National Council for the Disposal of the Dead). В феврале 1933 года им были сформулированы следующие цели: пересмотр и кодификация законов, регулирующих распоряжение умершими; сохранение земельных благ в интересах живых; улучшение статуса лиц, занимающихся распоряжением умершими; обеспечение безопасности общественных интересов во всех вопросах, затрагивающих распоряжение умершими.

Таким образом была предпринята первая попытка организовать диалог между представителями похоронного рынка, которая,

тем не менее, провалилась. Одной из главных причин стало то, что конференции Общества кремации не вызывали особого энтузиазма у работников похоронной сферы, поскольку кремация сокращала и обесценивала их труд. Погребение в землю, как правило, включало в себя длительную траурную процессию с участием лошадей, катафалка, изготовлением красивого гроба по индивидуальным меркам. Кремация же, предполагающая простоту и аскетизм, лишала их работы и была вызовом для нового поколения похоронных директоров. Им только предстояло разработать новые механизмы получения выгоды, связанные с этим относительно новым и набирающим популярность способом хоронить умерших.

VI этап. Вторая мировая война и послевоенные годы (1939–1952)

Джапп отмечает, что во Вторую мировую войну вступило то же поколение, которое стало воспринимать смерть как повседневную рутину еще во время Первой мировой. Массовая гибель людей не воспринималась уже как из ряда вон выходящее событие. Не успел забыться и опыт, связанный с практиками военной мемориализации и траура. К примеру, в Лондон не были доставлены останки неизвестного солдата, поскольку там уже существовал такой монумент со времён Первой мировой войны. Примечательно также, что память жертв Второй мировой войны стала отмечаться в тот же день, что и память жертв Первой мировой.

Отличительной особенностью Второй мировой войны для Англии и всего мира стало большое количество жертв среди гражданского населения как результат применения оружия массового поражения — бомбардировок, ракетных атак, химического и ядерного оружия. «Массовизация» смерти трансформировалась в коллективное переживание глобальной смертельной угрозы, которое не исчезло и даже усилилось с началом гонки вооружений и созданием ядерного оружия.

Вторая мировая война и её последствия стали триггером популяризации кремации в Великобритании как среди местных властей, так и среди населения. Доля кремации выросла от 3,7 % в 1939 году до 17,1 % в 1951 году. К 1945 году местные власти планировали сооружение 200 крематориев. Парадокс, что в военное время Мини-

стерство здравоохранения открыто не поддерживало кремацию, поощряя массовые захоронения жертв в братские могилы, «обеспечивающие экономию древесины и расходов на рабочую силу».

Питер Джапп подробно описывает состояние кремационной отрасли Англии во время Второй мировой войны. Так, количество кремаций резко выросло в районах, подверженных авиационным ударам. К примеру, в 1941 году в Мортлейке (Суррей) в среднем на одну кремацию приходилось три погребения, а в Кройдоне (Южный Лондон) это соотношение было 1 к 5. В зимнем квартале 1942–1943 годов каждое четвёртое захоронение жителя Барнса было совершено при помощи кремации.

Автор констатирует, что строительство нового крематория стимулировало спрос на услуги кремации. Оно стало приоритетной задачей многих уполномоченных органов муниципального управления. К примеру, у четырёх из открытых во время войны крематориев в Сток-он-Тренте произошёл рост с 101 кремации (1940) до 578 (1945); в Кеттеринге с 29 (1940) до 205 (1945); в Брайтоне с 311 (1941) до 822 (1945); в Ковентри с 163 (1943) до 311 (1945). Некоторые городские советы, осознавая экономическую и утилитарную выгоды кремации, стимулировали спрос при помощи снижения её стоимости по отношению к стоимости погребения. Популярность кремации росла.

Наконец, об изменении позиции Англиканской церкви по вопросу кремации было официально объявлено в 1944 году. Епископы согласились, что кремация может выступать в качестве альтернативы погребению, поскольку а) не противоречит возможности Воскрешения после смерти – ведь если душа бессмертна и похороны не несут ей опасности, то они должны быть оставлены на усмотрение усопшего б) рекомендована по санитарно-гигиеническим соображениям в) становилась популярной среди прихожан и самих служителей Церкви. 31 октября 1944 года после отпевания в кафедральном соборе в Кентербери в крематории Чаринг был кремирован архиепископ Кентерберийский Темпл. Таким образом, кремация была окончательно одобрена церковными властями, а в Великобритании началась новая эра восприятия смерти.

После войны перед многими местными властями встал вопрос об утилизации тел погибших. По различным оценкам, кладбища ежегодно «захватывали» до 500 га новой территории, а финансовое содержание увеличивалось: проведённый в 1950-е годы опрос

показал, что из 559 органов местного самоуправления, представивших отчёты о захоронениях, 555 были убыточными. В результате, к окончанию войны более 200 представителей местных властей подали заявку на создание крематория на территории своего района. Общество кремации пожинало плоды 70-летней работы.

Год	Кол-во крематориев	Уровень смертности	Кол-во кремаций	Доля (%)
1945	58	550,763	42,963	7,80
1950	58	574,297	89,558	15,59
1952	63	558,994	107,699	19,27

Mortality Statistics from ONS and General Register Office, Scotland. All other figures from Cremation Society of Great Britain.

Война оказала решающее влияние на распространение кремации — в моде был аскетизм и отказ от излишеств, в том числе связанных с проведением похоронной церемонии. Восстановление страны, наращивание темпов жилищного строительства, развитие промышленности и сельского хозяйства, увеличивали стоимость земли, что, в конечном счёте, увеличивало стоимость похорон.

В то же время улучшение питания, развитие здравоохранения и повышение качества жизни привело к увеличению её продолжительности. Угроза преждевременной смерти стала все больше ассоциироваться с трагическими случайностями, ДТП, ядерной войной или терроризмом. Дистанцирование от смерти усугублялось редуцированием траурных процедур, быстрым удалением покойников из дома и ростом доступности больничной помощи, в том числе пожилым людям, приближающимся к концу своей жизни.

Для того, чтобы удержаться на рынке, предпринимателям было необходимо создавать кооперативы, объединяя тем самым свои силы с целью максимизации прибыли. Директора похоронных агентств также старались максимально выгодно использовать кремацию для своей отрасли, которая после войны стала претерпевать существенные изменения.

Так, новые жилые дома оснащались центральной системой отопления, что не позволяло хранить труп дома. Следовательно, семье были необходимы услуги по содержанию тела в морге в период

между смертью и похоронами. Это, в сочетании с развитием техники бальзамирования, позволило организовать процесс «в рамках которого похоронный директор взял на себя ответственность за тело, с пониманием того, что контроль над телом быстро становится ключом к ритуалам похорон и усилению роли похоронного директора» [Parsons 1999]. Далее, если первоначально автомобиль использовался для транспортировки тела на длительные расстояния, то после Второй мировой войны он окончательно пришёл на смену более дорогим лошадям. Это удешевило транспортировку и увеличило ее скорость, что позволило похоронным директорам проводить больше похорон в день. Вся инфраструктура, необходимая для проведения церемонии — транспорт, часовня, кремационная печь — была собрана в единый комплекс с целью увеличения прибыли похоронного бизнеса. Именно тогда предпринимателями было признано коммерческое преимущество кремации над погребением.

В 1952 году были приняты поправки в Закон о кремации, которые включали в себя ряд предложений, снижающих административные барьеры для ее развития. Например, местные власти теперь могли самостоятельно инициировать строительство крематориев за счёт средств налогоплательщиков, увеличивающих эффективность регулирования отрасли (к примеру, путём ограничения максимального гонорара врача, осуществляющего осмотр тела, что способствует ограничению недобросовестного поведения и препятствует искусственному завышению цен). Также более чётко формулировался правовой и территориальный статус участка крематория.

V этап. Популяризация кремации (1952–2000).

Изменения, внесённые в Закон о кремации в 1952 году, наделили местные власти рядом полномочий, которые в сочетании с уровнем развития похоронной инфраструктуры, отвечающей на вызовы послевоенного времени, привели к резкому росту кремационной активности. Массовое строительство крематориев, а главное — их обслуживание, отвечающее требованиям муниципальных властей — теперь стало возможно.

Отмена в 1964 году католического моратория на кремацию также сыграла свою роль, однако среди британских католиков это ре-

шение было принято не сразу. В 1975 году в Великобритании было проведено только 11,319 католических кремаций — менее четверти от числа всех католических похорон.

С распадом Британской империи резкий рост миграционного потока в Великобританию из стран Юго-Восточной Азии (в частности, из Индии) ещё больше усилил поддержку кремации.

Несмотря на то, что к 1960 году было построено ещё 148 крематориев, и каждые третьи похороны производилось при помощи кремации, у Общества и его сторонников оставался ряд нерешённых вопросов. Во-первых, проблема заключалась в финансовых и временных издержках похоронных директоров по решению административных проблем, связанных с получением «Формы А» (предварительное согласие умершего). Во-вторых, врачи продолжали спекулировать на стоимости проведения посмертного осмотра тела с вынесением соответствующего заключения о смерти, необходимого для проведения кремации («Форма С»). Двойная сертификация была необходима для того, чтобы избежать случаев сокрытия улик в случае причинения насильственной смерти. Это был тонкий вопрос, имеющий, ко всему прочему, политическую подоплёку: «Если бы мы смогли провести хотя бы одно расследование, результаты которого доказывали, что кремация стала инструментом в руках убийцы, министр внутренних дел подвергся бы самой серьёзной критике» [de Deney 1964]. Всё это увеличивало затраты на проведение церемонии кремации, однако эти расходы не сильно снижали её конкурентные преимущества по сравнению с погребением, поэтому динамика прироста продолжала быть положительной.

Развитие медиа и рост популярности телевидения с конца 1950-х годов привели к очередному переосмыслению смерти обществом. Объектом интереса СМИ часто являлась как естественная смерть, так и насильственная, а также её обстоятельства. СМИ эксплуатировала смерть в разных контекстах — жертвы стихийных бедствий, распространение СПИД/ВИЧ, катастрофа в Хиллсборо, обстоятельства смерти и похорон принцессы Дианы и другие события, которые дали людям повод и возможность более открыто говорить о смерти, похоронах и мемориализации.

В 1988–1989 годах одним из основных политических вопросов стало загрязнение окружающей среды, что привело к разработке и принятию в 1990 году закона «Об охране окружающей среды». Это стало значительным вызовом для развития кремации в Велико-

британии, связанным, прежде всего, с техническим совершенствованием используемых механизмов. Новые правила предусматривали использование более высоких дымовых труб, переподготовку персонала, оборудование для непрерывного мониторинга, а также создание дополнительной крематорной камеры для наиболее эффективного устранения загрязнителей. Общая стоимость преобразований оценивалась от 70 до 200 миллионов фунтов стерлингов. Финансовое бремя частично было перенесено на потребителей, а частично софинансировано из средств муниципальных властей.

Год	Кол-во крематориев	Уровень смертности	Кол-во кремаций	Доля (%)
1970	206	638,834	353,957	55,41
1975	208	645,876	394,909	61,13
1980	220	644,684	420,717	65,26
1985	222	654,701	443,687	67,77
1990	225	629,629	438,066	69,58
1995	229	649,635	445,574	68,59
2000	243	611,960	437,609	71,51

Mortality Statistics from ONS and General Register Office, Scotland. All other figures from Cremation Society of Great Britain.

Таким образом, вопрос захоронения умерших в Великобритании прошёл долгий путь от сугубо семейного события, сопровождающегося совершением религиозных обрядов и траурными практиками, до события повседневного, максимально дистанцируемого и, в общем-то, скорей общественного, а не личного, констатирует Джапп. Повышение уровня и продолжительности жизни привели к старению населения, а также к снижению значения фактора внезапной скоропостижной смерти. Уход за пожилыми людьми и похороны обычно осуществляют экономически независимые дети и родственники среднего возраста, живущие отдельно и, подчас, далеко от родителей. В то же время современные процедуры сертификации и регистрации смерти, а также участие похоронных директоров [Howarth 1996] и муниципаль-

ных Советов по погребению [Naylor 1989] в значительной степени исключили активное участие семьи в процессах, протекающих между смертью и похоронами.

Растущий спрос на кремацию в XX веке также является частью этого процесса. К концу XX века на территории Великобритании функционировало более 240 крематориев; более чем 70 % тел кремировалось (437,609 из 611 960 смертельных случаев) — это один из самых высоких показателей в Европейском союзе. Кремация привела к «демократизации» смерти, предлагая более простую, экономически выгодную альтернативу погребению, которая при этом не несет угрозы здоровью окружающих и не использует исчерпаемые земельные ресурсы.

Несмотря на несколько путанную структуру изложения и большое количество выдержек и ссылок, способных запутать читателя, книга Питера Джаппа, описывающая историю распространения кремации в Великобритании, представляет интерес не только как пример *death studies*, но и как исследование механизмов имплементации непопулярных политических решений, с которыми долгое время кремация ассоциировалась.

Литература

Anon 1864 — Anon. *The Graver Thoughts of a Country Parson* (London: Alexander Strahan & Co., 1864).

Bradbury 1999 — Bradbury, M., *Representations of Death: A Social Psychological Perspective* (London: Routledge, 1999).

Curl 1993 — Curl J.S., *A Celebration of Death: An Introduction to Some of the Buildings, Monuments and Settings of Funerary Architecture in the Western European Tradition*, 2 nd edn (London: Batsford, 1993).

de Deney 1964 — de Deney, G.I., 'Cremation Regulations', *Proceedings of the Conference of the Cremation Society* 1964, pp. 57–62.

Guthke 1999 — Guthke, K.S., *The Gender of Death: A Cultural History in Art and Literature* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

Howarth 1996 — Howarth, G., *Last Rites: The Work of the Modern Funeral Director* (Amityville, N.Y.: Baywood, 1996).

Meller 1994 — Meller, H., *London Cemeteries: An Illustrated Guide and Gazetteer*, 3 rd edn (Aldershot: Scolar Press, 1994).

Naylor 1989 — Naylor, M. (as Page, M.J. A.), Funeral Rituals in a Northern City, unpublished PhD thesis (University of Leeds, 1989).

Parsons 1999 — Parsons, B., 'Yesterday, Today and Tomorrow. The Life-cycle of the UK Funeral Industry', *Mortality*, Vol. 4, No. 2, July 1999, pp. 127–45.

Авторы номера

Шенон Ли Додди (Shannon Lee Dawdy), профессор антропологии и социальных наук университета г. Чикаго (США). Сфера интересов: археология, современные практики погребения, культура смерти.

Email: sdawdy@uchicago.edu

Григорий Горбун, аспирант департамента антропологии университета г. Чикаго (США). Сфера интересов: антропология права.

Email: grigorygorbun@gmail.com

Анна Соколова, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИАЭ РАН. Сфера интересов: религиоведение, социология религии, спонтанная городская обрядность, атеистическая пропаганда в СССР, похоронный обряд.

Email: Annadsokolova@gmail.com

Рогозин Дмитрий, кандидат социологических наук, зав. Лаборатории методологии социальных исследований ИнСАП РАН-ХиГС. Сфера интересов: методология опросов общественного мнения, социология старения, полевые исследования, когнитивный анализ.

Email: nizgor@gmail.com

Павел Грабалов, аспирант факультета ландшафта и общества Норвежский университет наук о жизни. Сфера интересов: городские исследования, планирование, кладбища, зеленая инфраструктура, психология среды.

Email: pavel.grabalov@nmbu.no

Александра Селиванова, кандидат архитектуры, руководитель Центра авангарда на Шаболовке, старший научный сотрудник НИИ Теории архитектуры и градостроительства РААСН, старший научный сотрудник Музея Москвы. Сфера интересов: история архитектуры.

Маляр Анна, старший преподаватель кафедры социологии и философии Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского

государственного университета (Новокузнецк). Сфера интересов: социология повседневности, социология сми и коммуникации. (Новокузнецк).
Email: *luureed@mail.ru*.

Мезенцева Анна, НИУ ВШЭ. Сфера интересов: городские кладбища; экономика города; городское планирование.
Email: *amzentseva@hse.ru*

Виктор Вилисов, театральный критик, блогер, журналист. Сфера интересов: современный театр, независимая журналистика.
Email: *isymby20@gmail.com*

Приглашение к публикации

Уважаемые коллеги!

Российский научный журнал о death studies «Археология русской смерти» приглашает к публикации.

Журнал ориентирован на публикацию научных исследований на русском языке по социологии, социальной антропологии, филологии и смежным областям социально-гуманитарного знания, предметом исследования которых является смерть и умирание. Рубрики журнала: «Тема номера», «Рецензии», «Интервью», «Дискуссия», «Переводы».

Главный редактор: Сергей Мохов.

Редакционная коллегия:

Sergei Kan (Professor of Anthropology and Native American Studies, Dartmouth College)

- Михаил Алексеевский (к. ф.н., руководитель Центра городской антропологии КБ Стрелка, Москва)
- Анна Соколова (к. и.н., ИЭА РАН, Москва)
- Денис Ермолин (к. и.н., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург)
- Ответственный редактор: Иван Куликов

Журнал в рамках death studies «Археология русской смерти» принимает к публикации рукописи ранее не публиковавшихся статей научного характера, обзоров, рецензий. Представляемые материалы должны носить оригинальный характер. Присылая свой текст на рассмотрение, автор подтверждает, что материал не находится на рассмотрении или в печати в других русскоязычных изданиях.

Авторы подаваемых материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных и названий, гарантируют наличие разрешения публикации архивных и прочих материалов. Все статьи, поступающие в журнал, проходят через первоначальный отбор на предмет их соответствия формату и жанру журнала.

Редакционная коллегия журнала имеет право не принимать к рассмотрению рукописи, не соответствующие предъявляемым

требованиям. Статьи, принятые по результатам первоначального отбора к рассмотрению, проходят через систему независимого двойного анонимного рецензирования.

Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Материалы к рассмотрению принимаются круглый год.

Технические требования

Формат файла: Материалы принимаются в электронном виде (документ MS Word, тип файла.doc) на адрес svmohov.hse@gmail.com

Требования к оформлению:

1. Объем статей до 1,5 а. л. (60 000 знаков, включая непечатаемые символы), рецензий и эссе — до 1 а. л.
2. Используемый текстовый редактор — Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал полуторный. При использовании иных шрифтов и диакритик присылать дополнительные шрифты и дублировать файлы также в формате pdf.
3. Примечания постраничные, нумерация сносок сплошная, шрифт Times New Roman, кегль 10.

Образцы оформления ссылок на литературу в тексте статьи:
ссылки оформляются как сокращения в круглых скобках, номер страницы указывается через двоеточие, например (Зеленин 2004: 35). В случае, если цитируется не страница, а столбец, карта и т. п., после двоеточия указывается: карта № 45; стб. 546 и т. п.

*Образцы оформления ссылок на литературу в библиографии
Для монографий, сборников статей, серийных (продолжающихся) изданий:*

- на русском языке или с параллельным текстом на русском и иностранном языке (параллельными титульными листами):

Исследования 1990 — Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд/отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М., 1990. С. 64–99.

Зеленин 2004 — Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954/вступит. ст., сост., подгот. текста и ком-

мент. Т. Г. Ивановой. М., 2004.

Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура = Jews of Europe and the middle east: history, languages, traditions and culture: материалы междунар. науч. конф. памяти Т. Л. Гуриной, 26 апреля 2015 г. / [редкол.: Д. А. Эльяшевич и др.]. СПб., 2015. (Труды по иудаике. История и этнография/Петербургский ин-т иудаики = Transactions on jewish studies/St. Petersburg institute of jewish studies; вып. 10).

- на иностранном языке:

Sapir 1973 – *Sapir E.* Selected writings in language, culture and personality/ed. by D. G. Mandelbaum. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.

GUB – Das Geschlechterleben des ukrainischen Bauernvolkes. Leipzig, 1909–1912. Т. 1–2. Т. 1: Folkloristische Erhebungen aus der russischen Ukraina/aufzeichnungen von P. Tarasevskyj, Einleitung und Parallelen nach Weise von V. Hnatjuk, Vorwort und Erläuterungen von F. S. Krauss; Т. 2: In Österreich-Ungarn/folklorische Erhebungen von V. Hnatjuk. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia; Bd. 3, 5).

Для статей:

- на русском языке:

Седакова 1983 – *Седакова О. А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда//Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исследования/отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1983. С. 246–262.

- на иностранном языке:

Adamowski, Doda, Mickiewicz 1998 – Adamowski J., Doda J., Mickiewicz H. Śmierć i pogrzeb w relacjach Polaków mieszkających na Białorusi//Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. Lublin, 1998. Т. 9/10. С. 253–318.

Для электронных источников:

Сафронов 2011 – *Сафронов Е.* Кладбище в индивидуальном ракурсе (полевые заметки)//Антропологический форум. 2011. № 15 Online. С. 388–396. Электронный ресурс. Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015_online/safronov_link.pdf.

Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языке, название статьи должно быть также переведено на английский язык.

